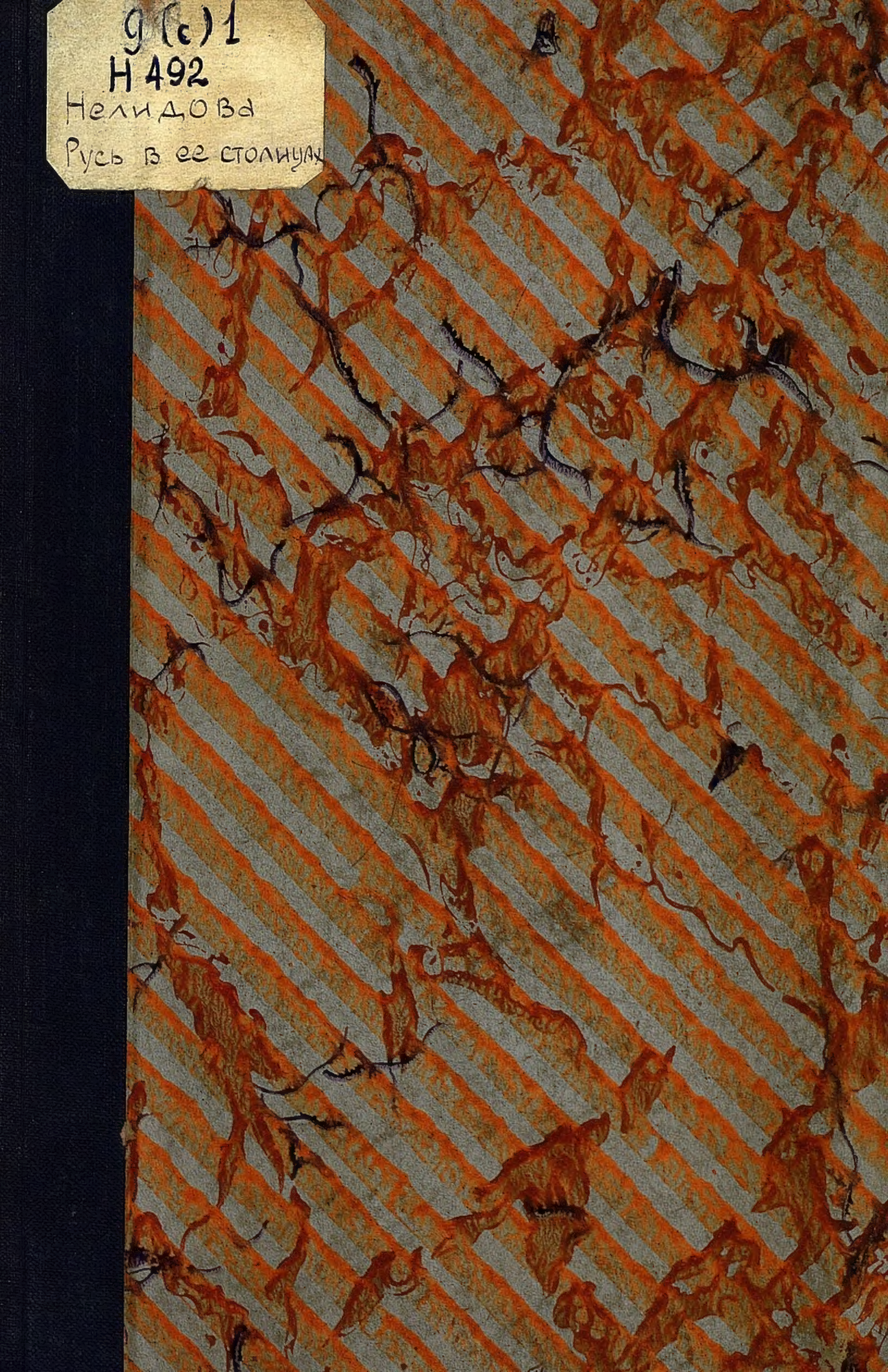
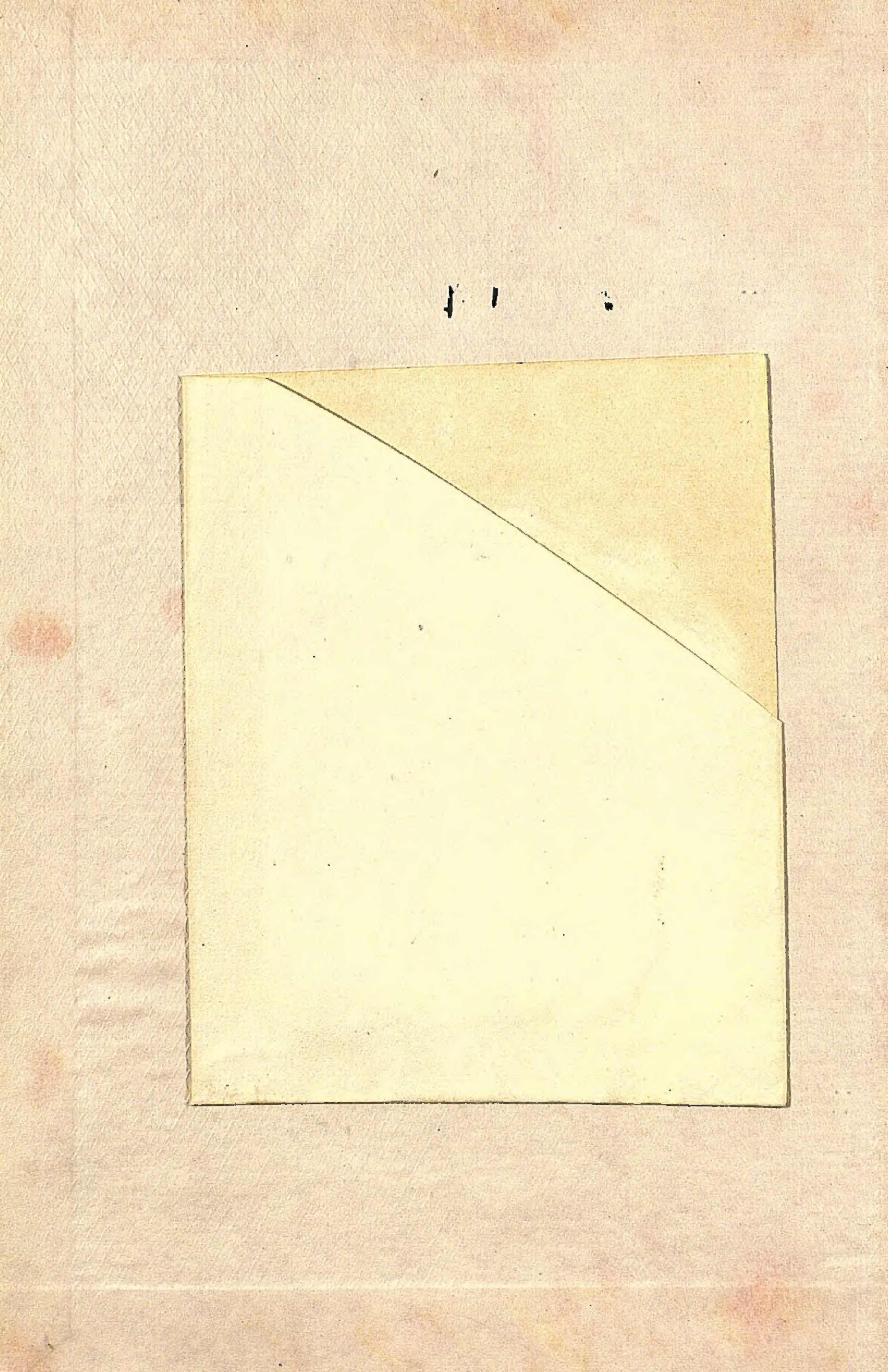

9(с)1
Н 492
Нелидова
Русь в ее столицах

Е. Нелидова

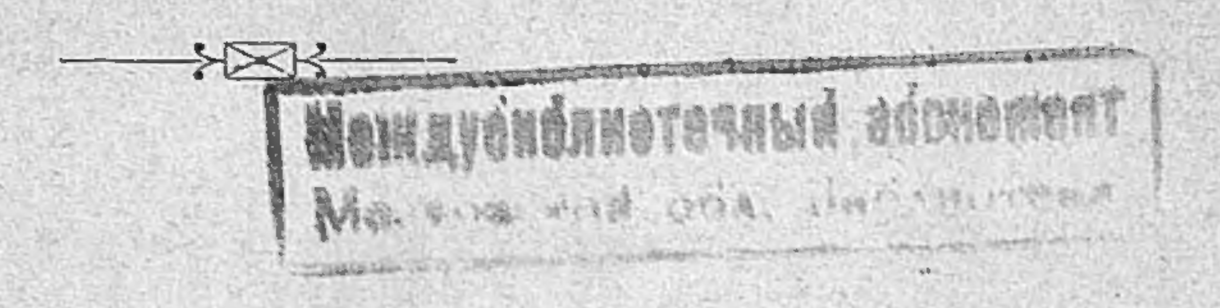
РУСЬ ВЪ ЕЯ СТОЛИЦАХЪ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

IV

ВЛАДИМИРЪ

съ 16 рисунками

ПЕТРОГРАДЪ
1916

Петроградъ, дозволено военной цензурой 24 марта 1916 г.

 Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

РУСЬ

ВЪ ЕЯ СТОЛИЦАХЪ

Е. НЕЛИДОВА.

ВЛАДИМИРЪ

В. Бериеръ

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

ГЛАВА I. Нѣсколько словъ изъ исторіи земли, на которой находятся городъ Владиміръ и Владимірская губернія.— Вліяніе ея переживаній на настоящее строеніе ея, внѣшній видъ и условія жизни на ней.—Рѣки: Волга, Ока, Клязьма и другія. — Остатки людей каменнаго вѣка въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.—Финскія племена среди древнѣйшихъ обитателей береговъ Волги и ея притоковъ 3

ГЛАВА II. Постепенное разселеніе славянъ по Восточноевропейской равнинѣ. — Природныя условія страны въ древнія времена, привлекавшія поселенцевъ.—Три періода русской колонизаціи.—Первые русскіе города въ междурѣчьѣ Волги и Оки.—Встрѣча русскихъ съ финнами, ихъ взаимныя отношенія и вліяніе другъ на друга 22

ГЛАВА III. Возникновеніе города Владиміра Залѣсскаго.— Его мѣстоположеніе.—Суздальскій князь Юрій Мономаховичъ Долгорукій. — Заселеніе Ростово-Суздальскаго края, основаніе новыхъ городовъ. — Борьба Юрія съ Новгородомъ и Кіевомъ.—Причины запустѣнія Кіевской Руси и наплыва переселенцевъ въ Суздальскую область. — Развитіе княжескаго, боярскаго и церковнаго землевладѣнія 36

ГЛАВА IV. Андрей Боголюбскій.— Его участіе въ войнахъ отца.—Своевольное удаленіе его изъ Вышгорода на родину. — Построеніе Успенскаго собора и украшеніе

СТРАН.

Владимира. — Религіозность князя. — Борьба его съ иновѣрцами и неудачная попытка перенести митрополію во Владимиръ.—Борьба съ Новгородомъ и Кіевомъ.—Разрушеніе и униженіе Кіева.— Смерть Андрея и отношеніе къ ней населенія.—Мѣстное преданіе, относящееся къ этому событію 49

ГЛАВА V. Вѣче во Владимирѣ обсуждаетъ вопросъ о новомъ князѣ.—Борьба племянниковъ Андрея Боголюбскаго съ его братьями. — Великій князь Михаилъ Юрьевичъ.—Новыя усобицы городовъ и князей.—Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ. — Его борьба съ Новгородомъ.—Его заботы о Владимирѣ.—Междоусобія его сыновей послѣ его смерти. — Великій князь Константинъ Всеволодовичъ 67

ГЛАВА VI. Внутреннее состояніе Владимира и Владимиро-Суздальскаго княжества при Константинѣ и Юріѣ.— Войны Юрія съ камскими болгарами и Мордвой, основаніе Нижняго Новгорода. — Появленіе татаръ на югѣ.—Княжескій съѣздъ во Владимирѣ.—Разныя знаменія и предвѣстники бѣдствій передъ появленіемъ татаръ въ сѣверо-восточной Руси.—Разореніе Рязани, Москвы и Владимира. — Гибель Юрія и его семьи. — Начало татарскаго ига. — Великій князь Ярославъ Всеволодовичъ 86

ГЛАВА VII. Бѣдственное положеніе сѣверо-восточной Руси послѣ татарскаго нашествія. — Размноженіе княжескаго рода и дробленіе Суздальской земли на удѣлы.—Отношенія князей между собой и къ своимъ удѣламъ. — Великіе князья Святославъ Всеволодовичъ, Андрей Ярославичъ и Александръ Ярославичъ Невскій.—Татарская перепись и возстаніе городовъ противъ сборщиковъ податей.—Великіе князья Ярославъ и Василій Ярославичи. — Соборъ во Владимирѣ, созванный митрополитомъ Кирилломъ. — Борьба между сыновьями Александра Невскаго. — Неоднократное разореніе Владимиро-Суздальскаго княжества татарами. — Переведеніе митрополіи изъ Кіева во Владимиръ.—Усиленіе Московскаго княжества.—Борьба Михаила Тверского съ Юріемъ Московскимъ. — Ханскій

СТРАН.

ярлыкъ духовенству.—Княженіе Юрія, Дмитрія и Александра.— Бунтъ въ Твери.— Усмиреніе его Иваномъ Калитой.— Перенесеніе великокняжеской столицы въ Москву 101

ГЛАВА VIII. Общественное устройство сѣверо-восточной Руси во времена удѣльныхъ князей и татарскаго владычества.— Вліяніе татарскаго ига и татарскихъ погромовъ на жизнь, благосостояніе, просвѣщеніе и нравы русскихъ людей.— Участіе города Владиміра въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ историческихъ событіяхъ.— Постепенное измѣненіе въ положеніи Владиміра.— Его современное состояніе 119

Матеріаломъ для составленія исторіи Владимира служили слѣдующія изданія: «*Россія*» подъ ред. Семенова и Ламанскаго, т. I. Московская промышленная область. *Уваровъ*, «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ». *Полевой*, «Русская исторія въ памятникахъ быта». *Як. Соловьевъ*, «Памятники и преданія Владимирской губ.». *Рожковъ*, «Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія». *Рожковъ*, «Городъ и деревня въ русской исторіи». *Ключевскій*, «Курсъ русской исторіи», т. I. *Ключевскій*, «Боярская дума». *Костомаровъ*, «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей». *Костомаровъ*, «Начало единодержавія въ древней Руси». *Любавскій*, «Лекціи по древней русской исторіи». *Соловьевъ*, «Исторія Россіи». *Карамзинъ*, «Исторія государства Россійскаго». *Голубинскій*, «Исторія русской церкви». Прот. *А. Виноградовъ*, «Исторія каѳедральнаго Успенскаго собора въ губ. гор. Владимирѣ». Прот. *В. Косаткинъ*, «Дмитріевскій соборъ въ губ. городѣ Владимирѣ», и друг.

Дмитріевскій соборъ.

Владиміръ. Музей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько словъ изъ исторіи земли, на которой находятся городъ Владиміръ и Владимірская губернія. — Вліяніе ея переживаній на настоящее строеніе ея, внѣшній видъ и условія жизни на ней. — Рѣки Волга, Ока, Клязьма и другія. — Остатки людей каменнаго вѣка въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. — Финскія племена среди древнѣйшихъ обитателей береговъ Волги и ея притоковъ.

«Все течетъ, ничто не пребываетъ неизмѣннымъ». Такъ говорилъ греческій мыслитель Гераклитъ, жившій за пять столѣтій до Р. Хр. Постоянную смѣну и неустанное движеніе онъ считалъ основнымъ закономъ природы.

Не на глазахъ, конечно, отдѣльнаго человѣка, не за его короткую жизнь происходятъ великія перемѣны

въ природѣ, и даже въ окружающей его мѣстности. Видъ земной поверхности мѣняется на протяженіи сотенъ тысячъ лѣтъ подъ вліяніемъ разныхъ переворотовъ въ исторіи земли. Видъ отдѣльныхъ мѣстъ на землѣ мѣняется на протяженіи вѣковъ подъ вліяніемъ разныхъ событій въ исторіи людей, живущихъ на ней.

Теперешній Владиміръ, живописно раскинувшій свои бѣлокаменные соборы на холмистомъ берегу рѣки Клязьмы, ничего не говоритъ о какой нибудь первобытной финской деревушкѣ, бывшей на его мѣстѣ за нѣсколько вѣковъ до его возникновенія. Еще меньше говоритъ онъ о безграничныхъ дремучихъ лѣсахъ и топяхъ, разстилавшихся на мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь онъ и разбросаны десятки другихъ городовъ и селеній, кипящихъ жизнью и дѣятельностью. Смотря съ высокихъ зеленыхъ холмовъ на серебристую Клязьму и на роскошные луга, наполненные движеніемъ и звуками миріадовъ живыхъ существъ, съ трудомъ вообразишь себѣ мрачную ледяную пустыню, холоднымъ и мертвымъ покровомъ одѣвшую все кругомъ. А если заглянешь еще дальше, въ необозримую глубь тысячелѣтій, увидишь здѣсь безплодную каменистую почву или безбрежное море.

Но всѣ такія переживанія земли не проходили безслѣдно для ея теперешняго строенія. Всѣ они оставляли слѣды на ея поверхности, въ видѣ отложеній, которыя сохранялись въ ея напластованіяхъ. По пластамъ земли и читали ученые листъ за листомъ великую книгу ея исторіи. Въ этихъ же пластахъ, налегающихъ одинъ на другой, находили ученые и остатки жизни людей, жившихъ въ далекія, незапамятныя времена. Инымъ путемъ не узнать ничего о людяхъ, не оставившихъ послѣ себя пись-

менныхъ памятниковъ, о людяхъ, не вошедшихъ въ записанную исторію, о людяхъ доисторическихъ.

О древнихъ финскихъ племенахъ, ютившихся здѣсь среди лѣсовъ и болотъ, разсказываетъ уже намъ первый русскій лѣтописецъ. Онъ же повѣствуетъ о возникновеніи въ этой области города Владимира и о славянахъ, искавшихъ здѣсь пріюта послѣ разныхъ невзгодъ, пережитыхъ ими въ другихъ мѣстахъ.

Въ настоящее время Владиміръ и Владимірская губернія находятся среди нѣсколькихъ губерній, принадлежащихъ къ обширной области Россіи, которую принято называть Московской промышленной областью. Первую часть своего названія она получила отъ того, что всѣ губерніи, города и селенія области тяготѣютъ къ одному общему центру Москвѣ. Вторую — вслѣдствіе того, что почти все населеніе области живетъ фабричной или кустарной промышленностью. Исторія Русскаго государства разсказываетъ о томъ, какъ Москва стала центромъ не только всей этой области, но и всей Россіи, а исторія земли указываетъ на условія, которыя помогли краю сдѣлаться промышленнымъ.

Суша и вода боролись долго и упорно между собою за обладаніе областью нынѣшней русской равнины. Море не одинъ разъ заливало ее почти всю и царило на ней полновластнымъ деспотомъ. Но во вновь начинающихся бояхъ суша осиливала воду, изгоняла море и начинала свою работу. Въ одинъ изъ такихъ боевъ не на жизнь, а на смерть, суша изгнала море съ нашей равнины, вѣроятно, на долгое время. По пластамъ земли нельзя опредѣлить того необозримаго количества лѣтъ, которое прошло съ тѣхъ поръ, какъ область нынѣшней Россіи перестала быть морскимъ дномъ.

Въ наслоеніяхъ земли отъ этихъ раннихъ періодовъ ея жизни ученые не нашли признаковъ существованія на ней человѣка. Предполагаютъ только, что одинъ изъ величайшихъ переворотовъ въ исторіи земли произошелъ отчасти на глазахъ первобытныхъ людей. Въ этотъ періодъ охладилась земля на сѣверѣ, и устремились съ высоты Скандинавскаго полуострова громадные ледяные потоки на русскую равнину. Пласты каменнаго угля, образовавшагося вслѣдствіе окаменѣнія необъятныхъ лѣсовъ исполинскихъ деревьевъ, затопляемыхъ моремъ, безплодная известковая почва, состоявшая изъ окаменѣвшихъ морскихъ животныхъ и растеній — все это покрылось новыми слоями, новыми отложеніями, которыя оставилъ послѣ себя растаявшій со временемъ громадный ледникъ. Проходя по финляндскимъ скаламъ, ледникъ отламывалъ отъ нихъ цѣлыя глыбы, растиралъ ихъ въ щебень и мелкую пыль, захватывалъ крупные обломки, примерзавшіе къ нему, и наносилъ все это на поверхность равнины. Эти отложенія, называемыя валунными, покрыли сплошь пути прохожденія ледника. Они же измѣнили поверхность описываемаго нами промышленнаго края. Здѣсь, между прочимъ, образовался такъ называемый «валунный суглинокъ», сыгравшій большую роль въ дѣлѣ гончарнаго, особенно кирпичнаго производства. Громадныя залежи торфа, образовавшіяся къ концу ледниковаго періода въ необозримыхъ болотахъ, наслѣдіи растаявшаго ледника, вмѣстѣ съ толстымъ слоемъ внизу лежащаго каменнаго угля, послужили основаніемъ разнообразной фабричной и заводской промышленности края. Болотная руда, появляющаяся на мѣстахъ болотно-озерныхъ осажденій, перерабатывается здѣшними крестьянами на гвозди, косы, сошники, заступы и тому по-

добныя издѣлія. Большое примѣненіе находятъ также и желѣзныя руды, залегающія въ каменноугольныхъ слояхъ.

Ледникъ измѣнилъ внѣшній видъ области, то, что называютъ обыкновенно рельефомъ земной поверхности. Кромѣ разныхъ песчаныхъ и каменистыхъ нагроможденій, ледникъ несъ за собой груды обломковъ отъ каменистыхъ массъ разныхъ формъ и величинъ. Онъ разбросалъ ихъ по пути, образуя гряды холмовъ, которые одѣлись роскошной растительностью, когда растаялъ ледъ. Между холмами оставались котловины, заполнившіяся потомъ водой. Ледяные потоки промыли долины и образовали ложа для рѣкъ; область покрылась по всѣмъ направленіямъ сѣтью озеръ, рѣкъ, рѣчекъ, ручьевъ и болотъ, а разрыхленная песчано-глинистая почва одѣлась роскошнымъ лѣснымъ покровомъ.

Растаявшій ледникъ наполнилъ водой глубокія долины, далъ жизнь рѣкамъ, къ которымъ потянулось все живое. Великая русская рѣка Волга зародилась въ обширномъ зыбкомъ болотѣ. Выростая въ мягкой моховой колыбели, робко журча, пробирается она едва замѣтнымъ ручейкомъ среди непроходимыхъ трясинъ. Пройдя такъ нѣкоторое пространство и попадая въ непроходимый еловый лѣсъ, ручеекъ, словно испугавшись чего-то на пути, снова прячется въ родные мхи и теряется на время въ необъятномъ болотѣ. Онъ еще не чувствуетъ своей силы и мощи, не знаетъ, какое великое будущее ждетъ его на просторѣ. Уже минуя лѣсъ, снова выбивается онъ на поверхность, затѣмъ, набираясь силъ и расширяясь мало-по-малу, течетъ зигзагами среди низменности, покрытой густой сочной травой. Здѣсь къ нему пристаютъ другіе маленькіе ручейки, пополняя его своей

водой. Пройдя черезъ озеро Волго, ручеекъ становится уже рѣчкой, а принявъ въ себя другую рѣчку— Селижаровку, начинаетъ служить людямъ, какъ судоходная рѣка, родная кормилица Волга.

Дальше Волга протекаетъ по ровному гладкому дну, не встрѣчая на пути препятствій, кромѣ изрѣдка попадающихся громадныхъ валуновъ «одинцовъ», оставленныхъ въ наслѣдство ледникомъ. Присоединяющіяся къ ней на пути рѣки дѣлаются ея притоками, примѣняются къ ея направленію, не дерзая соперничать съ ея могуществомъ, но питая ее своими соками. Только одинъ притокъ, Вазуза, заставилъ ее принять свое направленіе. Народъ отмѣтилъ соперничество двухъ большихъ рѣкъ своеобразной легендой. Встрѣтившись на пути, обѣ рѣки заспорили, по словамъ легенды, о томъ, кому изъ нихъ первенствовать на бѣломъ свѣтѣ. Не переспоривъ другъ друга, Волга и Вазуза рѣшили, выспавшись, бѣжать вперегонки къ морю Хвалынскому (Каспійскому). Которая первая прибѣжитъ, та и будетъ верховодить. Легли спать. Вазуза проснулась среди ночи и побѣжала, не разбудивъ Волгу. Волга проспала до утра. Спохватилась, побѣжала догонять коварную соперницу и догнала таки ее у того мѣста, гдѣ стоитъ теперь городъ Зубцовъ Тверской губерніи. Увидала тутъ Вазуза, что ей спорить съ Волгой не подъ силу, признала ея могущество и преклонилась передъ нею.

Во всю мощь своихъ силъ развернулась отсюда великая вольная рѣка и потекла вплоть до Каспійскаго моря, все больше расширяясь и принимая въ себя мелкія подвластныя рѣчки. То горы, покрытыя лѣсомъ, смотрѣлись въ ея волны, то серебристые пески и зеленые луга разстилались по ея берегамъ. Изъ дремучихъ лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ, изъ

глухихъ, затаенныхъ угловъ стремились большія и маленькія рѣчки къ своей владычицѣ и приносили челны съ новыми и новыми поселенцами для ея береговъ. Вотъ что говорится о Волгѣ въ присказкѣ къ былинѣ «Вольга Всеславьевичъ»:

«Изъ-за лѣсу было изъ-за темнаго,
Изъ-подъ чуднаго креста съ-подъ Леванидова,
Изъ-подъ бѣлаго горюча камня Ла̀тыря—
Тутъ повышла, повышла, повыбѣжала,
Выбѣгала, вылегала матка Волга-рѣка,
Мѣстомъ шла она ровно три тысячи верстъ,
А и много же въ себя она рѣкъ побрала̀,
Да побольше того вѣдь ручьевъ пожрала̀,
Широко̀-далеко́ подъ Казань пошла,
Шире далѣй того да подъ Астрахань;
Здѣсь пускала устьё ровно семьдесятъ верстъ,
Выпадала во морюшко Хвалынское».

Многіе народы, населявшіе Волгу въ древности, остались неизвѣстными исторіи. Многія царства вырастали и рушились на ея берегахъ, много людской крови примѣшалось къ ея водѣ. Славяне издавна вели на ея берегахъ торговлю съ болгарами и хозарами, потомъ русскіе князья ѣздили къ низовьямъ Волги въ столицу татарскаго царства на поклонъ хану, а съ дальнѣйшимъ теченіемъ исторіи русскаго государства вся великая рѣка стала русской.

Наряду съ Волгой немалую роль сыграла въ русской исторіи и тихая мирная Ока, впадающая въ нее возлѣ Нижняго-Новгорода. Ока по-фински значитъ рѣка. Это названіе, какъ и названіе большинства другихъ мѣстныхъ рѣкъ и самой Волги, указываетъ на исконныхъ обитателей ихъ береговъ—финновъ. Нѣкоторыя финскія племена, съ которыми встрѣтились пришельцы славяне въ междурѣчьѣ Оки и Волги, слились съ новыми поселенцами и вошли въ составъ

великорусскаго народа. Въ этомъ же междурѣчьѣ были основаны торговые пункты славянъ — города Ростовъ, Суздаль, Торжокъ, а на притокѣ Оки Клязьмѣ возникъ городъ Владиміръ, сдѣлавшійся впослѣдствіи столицей великаго княжества Владимирскаго. Съ исторіей этого города и княжества мы собираемся познакомить нашихъ читателей.

Не было жизни въ мрачной ледяной пустынѣ, только холодъ царилъ на ней, только бурные вѣтры создавали движеніе. Даже лучи солнца не согрѣвали ее. Неизвѣстно, сколько тысячелѣтій держалъ ледникъ землю въ своихъ оковахъ. Наступило всетаки время, когда онъ сталъ уступать теплу, которое потянулось откуда-то съ юга, сталъ таять и удаляться къ сѣверу. За тепломъ потянулась и жизнь на освобождавшуюся землю. Понемногу стали появляться растенія въ разрыхленной глинистой почвѣ, миріады мошекъ и разныхъ мелкихъ насѣкомыхъ закишѣли на ней. Пришли разные звѣри, которые могли примѣниться къ создающимся условіямъ жизни. Прибрели откуда-то громадные, неуклюжіе и неповоротливые мамонты, носороги, пещерные медвѣди, исчезнувшіе потомъ съ лица земли. Вслѣдъ за всѣмъ этимъ появился и человѣкъ и сталъ отвоевывать себѣ жизнь среди непрерывнаго ряда препятствій и опасностей, сопровождавшихъ его на каждомъ шагу, изощрявшихъ его несовершенный умъ и неискусныя руки.

При описаніи Старой Ладоги, Новгорода и Кіева намъ приходилось уже указывать мѣста такъ называемыхъ стоянокъ этихъ древнѣйшихъ предковъ современнаго человѣка. Какъ въ Кіевѣ, на Кирилловской улицѣ, или въ Коломцахъ противъ Новгорода найдены были при раскопкахъ разныя грубыя по-

дѣлки изъ камня и разные слѣды первобытной жизни людей, такъ и въ области Владимира, возлѣ древняго города Мурома, въ оврагахъ села Карачарова, откопали что-то въ родѣ каменныхъ топоровъ вмѣстѣ съ обломками костей мамонта, носорога и другихъ животныхъ. Археологи опредѣлили эти находки, какъ остатки жизни древнѣйшихъ людей, принадлежавшихъ

Владимиръ. Видъ на р. Клязьму.

къ эпохѣ, которую они называютъ древне-каменной или палеолитической. Грубыми каменными орудіями первобытный человѣкъ убивалъ своихъ враговъ. Избавляя себя отъ опасности быть съѣденнымъ, онъ самъ питался мясомъ убитаго животнаго и прикрывался отъ холода его шкурой.

Опять прошло неизвѣстное количество тысячелѣтій, прежде чѣмъ вымерли чудовищные исполины, а человѣкъ сдѣлался искуснѣе въ добываніи средствъ,

облегчающихъ борьбу за существованіе. Остатки слѣдующей эпохи развитія человѣческой жизни, новокаменной или неолитической, находятся уже въ гораздо большемъ количествѣ во многихъ мѣстахъ какъ всей Россіи, такъ и описываемой нами мѣстности. Люди новокаменнаго вѣка селились преимущественно вблизи рѣкъ и озеръ, на ихъ берегахъ, покрытыхъ густыми лѣсами. Здѣсь находили они обильную пищу, занимаясь охотой и рыболовствомъ. Много найдено остатковъ жизни этихъ людей въ области Верхне-Волжскихъ озеръ, въ долинѣ Оки, возлѣ того же стараго, много видавшаго на своемъ вѣку, Мурома. Въ далекіе, доисторическіе вѣка широкая долина Оки была закрыта озеромъ. Теперь она занята заливными лугами и небольшими дубовыми или березовыми рощами. Маленькая рѣчка Суворощья пересѣкаетъ ее, а песчаные холмы, покрытые сосновыми лѣсами, красиво нарушаютъ однообразный рельефъ низменности. Песчаные холмы—остатки дюнъ доисторическаго озера. При размытіи ихъ весенними водами появляются на поверхности разные каменные и костяные предметы, назначеніе которыхъ часто можетъ опредѣлить только опытный археологъ. Здѣсь же находятъ и остатки глиняной посуды съ сохранившимися слѣдами украшеній и отдѣлки. Вблизи находятъ часто и могилы съ человѣческими черепами, а также разныя постройки изъ дерева и сучьевъ неизмѣннаго сосѣда дикарей и первобытныхъ людей—бобра. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ верховьевъ Волги встрѣчаются уже признаки общественной жизни людей, намеки на селенія, огражденныя каменной защитой. При одномъ изъ озеръ области верховьевъ Волги до сихъ поръ сохранились такіе остатки на холмѣ, укрѣпленномъ большими валунами. На верх-

ней площадкѣ расположена заброшенная пашня, на которой мѣстные жители, называющіе холмы «городками», часто находятъ обломки посуды и разныхъ кремневыхъ орудій людей каменнаго вѣка.

Неизвѣстно, какого племени люди налаживали жизнь во всѣхъ этихъ мѣстахъ, куда ушли они потомъ и кому уступили они свое мѣсто. Земная поверхность пережила здѣсь еще много разныхъ перемѣнъ, много исчезло озеръ и рѣкъ, многія долины заросли лѣсами, затянулись зыбкими болотами, прежде чѣмъ живущіе здѣсь люди стали извѣстны другимъ болѣе культурнымъ народамъ. Названія ихъ племенъ стали извѣстны историкамъ этихъ народовъ, были ими записаны, вошли въ исторію. Первый греческій историкъ Геродотъ, жившій за пять вѣковъ до Р. Хр., уже упоминаетъ о какихъ-то андрофагахъ и меланхленахъ, населявшихъ сѣверъ и сѣверо-востокъ нынѣшней Россіи. По разнымъ признакамъ ученые предполагаютъ, что это были финскія племена. Многія изъ этихъ финскихъ племенъ въ настоящее время уже исчезли, слившись съ пришедшими къ нимъ славянами. Слѣды ихъ жизни сохранились въ курганахъ, разбросанныхъ во многихъ мѣстахъ Волги и Оки. Свѣдѣнія о жизни этихъ племенъ нашли отчасти въ записяхъ иностранныхъ историковъ и отчасти при изученіи языка сохранившихся финскихъ племенъ.

При сравнительномъ изученіи языковъ разныхъ народовъ, соприкасавшихся другъ съ другомъ на одномъ и томъ же пространствѣ земли, познаются отношенія народовъ между собою и выясняются заимствованія, которыя они сдѣлали другъ у друга. Такъ многія слова, обозначающія разные предметы жизненнаго обихода, заимствовали финны отъ пришельцевъ изъ Азіи иранцевъ, жившихъ въ верховьяхъ

Волги еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр. Изъ этихъ чужихъ, вошедшихъ въ языкъ финновъ, словъ видно, что финны познакомились съ употребленіемъ нѣкоторыхъ металловъ при посредствѣ иранцевъ. Изъ иранскихъ словъ, обозначающихъ у финновъ земледѣльческія орудія, можно заключить, что земледѣліе было внесено къ нимъ иранцами. Иранскими словами называются у финновъ разные виды рогатаго скота: очевидно, при посредствѣ иранцевъ финны стали пользоваться этими и другими животными, привлекли ихъ къ своему обиходу, сдѣлали ихъ домашними По другимъ иранскимъ словамъ, обозначающимъ князя, хозяина, владыку, можно представить себѣ подвластныя отношенія, въ которыхъ находились финны къ иранцамъ. Финскія племена жили не только въ предѣлахъ изучаемой нами области, они разбросали свои поселенія почти по всему сѣверу области нынѣшней Россіи. При этомъ разселеніи они соприкасались въ разныя времена съ разнымя народами. Въ то время, какъ иранцы были ихъ сосѣдями на югѣ и на юго-востокѣ, на сѣверѣ и сѣверо-западѣ сосѣдили съ ними славяне, литовцы и германцы. По тѣмъ же, испорченнымъ уже потомъ, чужимъ словамъ въ финскомъ языкѣ заключаютъ ученые и о долѣ вліянія германской культуры на развитіе культуры западныхъ финновъ. Названія золота, серебра и олова происходятъ у нихъ отъ германскихъ словъ, обозначающихъ эти металлы. Наука не находить слѣдовъ вліянія славянъ на финновъ въ древнія, доисторическія времена, это вліяніе сказалось много позднѣе, при постепенномъ сліяніи финновъ съ русскимъ народомъ.

До X вѣка лето-балты, или балтійскіе литовцы, вплотную соприкасались съ финнами, живущими по берегамъ Оки и ея притоковъ, гдѣ возникли потомъ

города Владиміръ, Рязань и Тамбовъ. Здѣсь и жило тогда то племя меря, о которомъ упоминаетъ русскій лѣтописецъ. Какъ литовцы, такъ и меряне насыпали курганы надъ могилами своихъ покойниковъ, которыхъ сопровождали въ далекую, невѣдомую жизнь разными предметами домашняго обихода. При раскопкахъ тѣхъ и другихъ кургановъ были найдены части одежды, украшеній и оружія. Все это было одинаковое въ могилахъ литовцевъ и западныхъ финновъ. И чѣмъ дальше финскія поселенія отходили отъ литовскихъ, тѣмъ больше отличались бытовые предметы, находимые въ ихъ могилахъ. Затѣмъ, изъ заимствованныхъ литовскихъ словъ усматривается, что сосѣдніе съ литовцами финны ознакомились съ нѣкоторыми новыми растеніями въ земледѣліи, какъ съ рожью и льномъ, выучились пользоваться сѣномъ, приручили свинью, козу. Раньше знакомства съ литовцами меряне жили въ бревенчатыхъ шалашахъ безъ пола, потолка, оконъ, теперь они стали строить теплую избу съ дворомъ около нея. Даже въ религіи ихъ сказалось вліяніе литовцевъ, богъ грома которыхъ Перкунъ перешелъ къ финнамъ подъ именемъ Пуркине.

Такъ вліяли сосѣди на внѣшній бытъ финновъ и на развитіе ихъ внѣшней жизни. Но общій складъ ихъ духовнаго міросозерцанія былъ въ полной зависимости отъ окружающей ихъ природы. Своеобразное развитіе этого міросозерцанія вылилось въ ихъ народныхъ преданіяхъ или рунахъ, создавшихся главнымъ образомъ въ средѣ балтійскихъ финновъ, которые всегда были развитѣе своихъ сородичей, жившихъ въ глухихъ дебряхъ волжскихъ лѣсовъ. Финны поклонялись стихіямъ, какъ водѣ, воздуху, вѣтрамъ, называя ихъ человѣческими именами, но не

надѣляя человѣческими качествами и свойствами. Въ собраніи ихъ рунъ «Калевалѣ» эти стихіи, вмѣстѣ съ добрыми и злыми богами, принимаютъ участіе въ жизни и приключеніяхъ героевъ. Главная же сила и главное могущество героевъ заключается въ словѣ, которому финны придавали, очевидно, громадное значеніе. Не оружіемъ борется герой «Калевалы» со своими врагами и мрачными силами недоступной природы, а заклинаніями. Заклинанія же основываются на познаніи сущности вещей, этимъ познаніемъ одерживается побѣда. Кровь, вытекающую изъ раны, сдѣланной желѣзомъ, заклинатель останавливаетъ, разсказывая о происхожденіи желѣза. Герой истекаетъ кровью, пока не находитъ такого заклинателя. Также укушеніе змѣи излечивается разсказомъ о происхожденіи змѣи. При помощи заклинаній, герои «Калевалы» создаютъ лѣса, озера, скалы, превращаются сами въ различныхъ животныхъ и превращаютъ другихъ. Но владыка природы и людей, человѣкъ «Калевалы» не можетъ управлять стихійными божественными силами, къ нимъ онъ обращается съ молитвою, какъ къ божествамъ. Главный герой, первый человѣкъ на землѣ, Вейнемейненъ, родившійся отъ матери воды Ильматары, засѣивая землю, разсаживая деревья и растенія, такъ молится Укко, богу видимаго неба:

«Укко, ты мой Богъ высокій,
Укко, ты Отецъ небесный,
Ты, который правишь въ тучахъ,
Облачка всѣ направляешь!
Ты держи совѣтъ на тучахъ,
Въ небесахъ совѣтъ правдивый;
Ты пошли съ востока тучу,
Тучу съ сѣвера большую,
А отъ запада другую,
Тучу съ юга побыстрѣе:

Ниспошли ты дождь небесный;
Пусть изъ тучи медъ закаплетъ,
Чтобъ колосья поднялися,
Чтобъ хлѣба зашелестѣли» [1]).

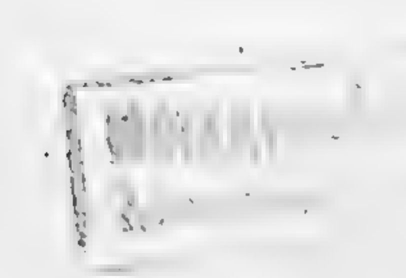
Этотъ же могучій заклинатель Вейнемейненъ былъ изобрѣтателемъ перваго музыкальнаго инструмента—кантеле—неоцѣненнаго сокровища, добыть которое стремились многіе, но никто не умѣлъ управлять имъ, кромѣ стараго Вейнемейнена. Звуки кантеле также могущественны и подчиняютъ, между прочимъ, водяного царя.

Главное божество, фигурирующее въ «Калевалѣ», творецъ всего міра, Юмала, за нимъ идетъ Укко. Дочь воздуха Ильматара дѣлается матерью воды. Воздухъ порождаетъ утку, изъ яицъ утки образуются суша и небесныя свѣтила. Желая сказать, что вода была причиной возникновенія различныхъ видовъ суши, финны говорятъ въ своихъ рунахъ, что мать воды Ильматаръ образовала скалы, берега, долины. Утка, по словамъ преданія, искала мѣста, чтобы снести яйца, и не могла найти ничего подходящаго среди безграничныхъ волнъ моря.

«Полетала, осмотрѣлась,
Призадумалась, сказала:
«Коль на вѣтрѣ домъ поставлю,
На волнахъ мое жилище—
То разрушитъ домъ мой вѣтеръ,
Унесутъ жилище волны».

Ильматаръ пожалѣла утку и выставила изъ воды колѣно, которое утка приняла за кочку. Она устроила на колѣнѣ гнѣздо, снесла шесть яицъ золотыхъ и

[1]) «Калевала»—переводъ Бѣльскаго. Оттуда же взяты и другія цитаты изъ Калевалы, приводимыя ниже.

одно желѣзное, затѣмъ стала ихъ высиживать. На третій день колѣно Ильматаръ такъ разогрѣлось, что она не могла вытерпѣть и опустила его. Яйца упали въ воду и разбились тамъ на куски, но

«Не погибли яйца въ тинѣ,
И куски во влагѣ моря,
Но прекрасно измѣнились,
Превратились всѣ въ обломки:
Изъ яйца, изъ нижней части,
Вышла мать-земля сырая;
Изъ яйца, изъ верхней части,
Сталъ высокій сводъ небесный;
Изъ желтка, изъ верхней части,
Солнце свѣтлое явилось;
Изъ бѣлка, изъ верхней части,
Ясный мѣсяцъ появился;
Изъ яйца, изъ пестрой части,
Звѣзды сдѣлались на небѣ;
Изъ яйца, изъ темной части,
Тучи въ воздухѣ явились».

Міросозерцаніе финновъ поволжскихъ было гораздо грубѣе и наивнѣе. Постоянные жители береговъ рѣкъ и лѣса, они привыкли поклоняться водѣ въ лицѣ водяного и лѣсу въ лицѣ лѣшаго—хозяина лѣса, стерегущаго свое имущество—деревья, травы и забавляющагося пуганьемъ путниковъ хохотомъ и дикими криками. Этого лѣшаго заимствовали у финновъ и русскіе. Водяной царь въ новгородской былинѣ о богатомъ купцѣ Садко тоже напоминаетъ водяного въ финской «Калевалѣ». Также перешло къ русскимъ поклоненіе камнямъ и деревьямъ, съ которымъ долго боролись христіанскіе просвѣтители. Финны вообще съ трудомъ поддавались христіанскому воздѣйствію, упорствуя въ своихъ языческихъ суевѣріяхъ. Но невысокаго мнѣнія о своихъ богахъ были нѣкоторые племена

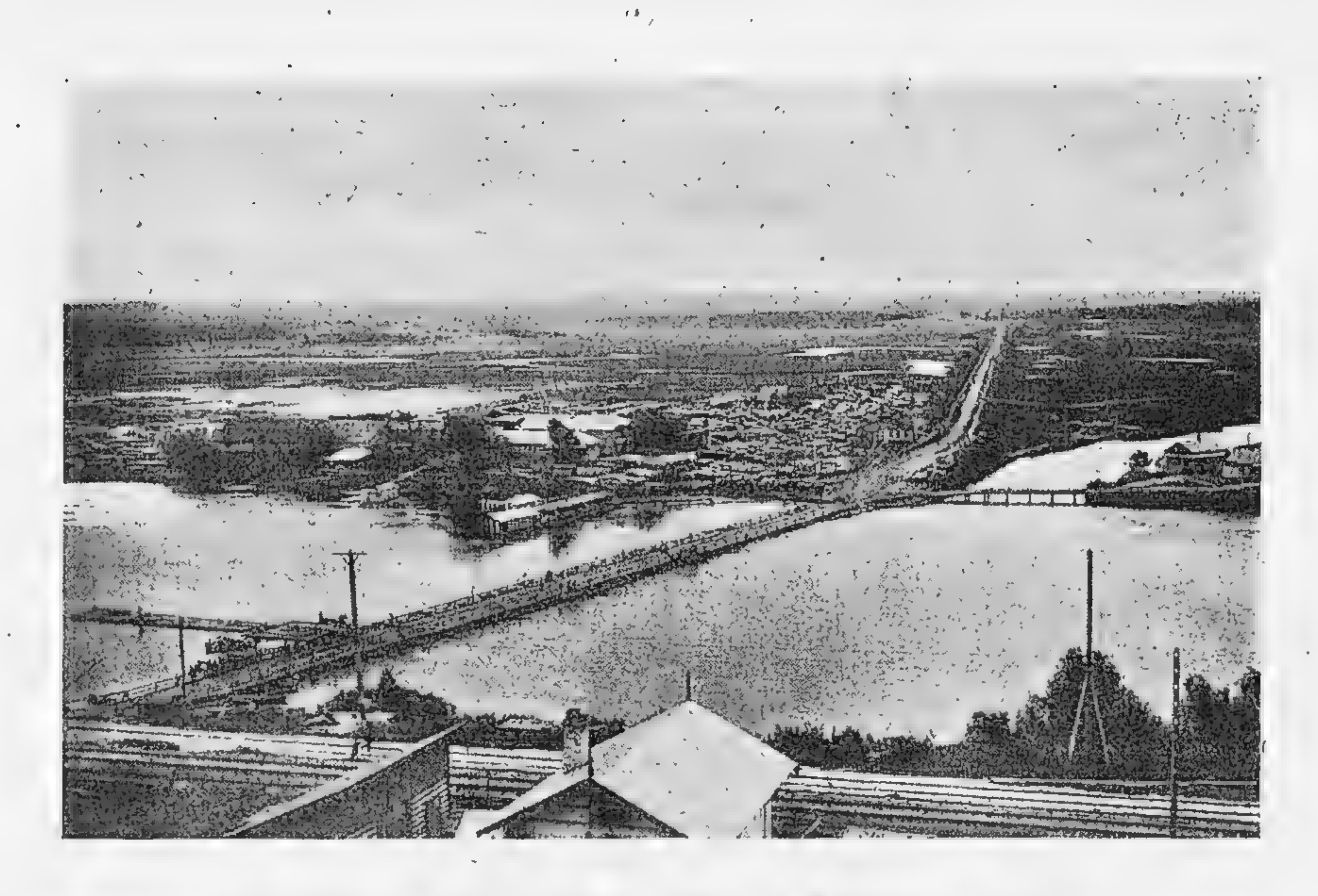
волжскихъ финновъ. Когда ихъ спрашивали, какому богу они вѣрятъ, они отвѣчали: «антихристу», а на вопросъ, гдѣ онъ живетъ, говорили: «въ безднѣ». Хотя и у нихъ также были свои добрые и злые боги. Добрый богъ — Чампасъ жилъ на небѣ, а злой — Шайтанъ въ нѣдрахъ земли. Шайтанъ вздумалъ сотворить человѣка, разсказываетъ одна мордовская легенда о сотвореніи міра, захотѣлъ онъ слѣпить человѣка изъ глины, земли и песка по образу бога Чампаса, но это ему не удавалось. Выходилъ человѣкъ похожъ то на свинью, то на собаку, но не было въ немъ ни малѣйшаго сходства съ Чампасомъ. Обратился тогда Шайтанъ къ птичкѣ-мышѣ и попросилъ ее свить гнѣздо въ полотенцѣ Чампаса и вывести тамъ дѣтей. Птичка-мышь согласилась. Полетѣла на небо и вывела дѣтей въ полотенцѣ, которымъ Чампасъ вытирался въ банѣ. Полотенце не выдержало тяжести мышатъ и упало на землю. Шайтанъ подхватилъ его и вытеръ имъ голову своего человѣка, которая и получила послѣ того подобіе Божіе. Теперь оставалось вложить въ изображеніе живую душу. Это опять не удавалось Шайтану. Тутъ подошелъ къ нему Чампасъ и прогналъ его, говоря, что самъ сотворитъ человѣка. Шайтанъ заспорилъ и сталъ просить Чампаса позволить ему хотя постоять тутъ и посмотрѣть, какъ онъ будетъ вкладывать душу въ его изображеніе человѣка. Поспоривъ, рѣшили потомъ такъ подѣлить человѣка: Чампасъ взялъ себѣ душу, а Шайтану отдалъ тѣло. Потому такъ и пошло съ тѣхъ поръ, что душа человѣческая идетъ на небо къ Богу, а тѣло его гніетъ въ землѣ, идетъ къ Шайтану. А птичку-мышь Чампасъ наказалъ тѣмъ, что отнялъ у нея крылья и далъ вмѣсто нихъ хвостъ и лапки такія же, какъ у Шайтана.

При описанiи разселенiя финскихъ племенъ русскiй лѣтописецъ говоритъ: «На Бѣлѣ озерѣ сидятъ весь, на Ростовскомъ (Неро) меря, а на Клещинѣ (Переяславскомъ) озерѣ меря-же, по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, мурома языкъ свой, и черемиса языкъ свой, мордва свой языкъ». Изъ этихъ указанiй можно видѣть, что въ области между Волгой и Окой жили племена меря, мурома, черемисы и мордва. Два послѣднiя племени и до сихъ поръ живутъ въ нѣкоторыхъ волжскихъ губернiяхъ, но меря и мурома исчезли, слились съ великорусскимъ народомъ. Меряне, занимавшiе большiя пространства по берегамъ озеръ Ростовскаго и Переяславскаго, оставили здѣсь большое количество кургановъ, которые были раскопаны извѣстнымъ археологомъ графомъ Уваровымъ. Изъ раскопокъ этихъ кургановъ и окружающей ихъ мѣстности можно опредѣлить мѣста поселенiя мерянъ. На мѣстѣ Владимира и въ его окрестностяхъ жили они, повидимому, еще въ глубокой древности. Разрытые курганы открыли свою тайну изслѣдователямъ. Полуистлѣвшiя одежды на скелетахъ и разные полусгнившiе предметы разсказали, какъ одѣвались похороненные здѣсь люди, какiя украшенiя любили они носить на себѣ, какими предметами пользовались въ своемъ жизненномъ обиходѣ, чѣмъ сражались и чѣмъ занимались. Меряне, какъ и другiе языческiе народы, клали въ могилу покойника всѣ любимыя имъ при жизни вещи. Воина хоронили съ оружiемъ, конской сбруей, стременами. Съ купцомъ шли на тотъ свѣтъ вѣсы, гири, денежный мѣшокъ, шкатулка. Съ хозяйкой дома клали иглу, ножницы, серпъ, замокъ. Какъ мужчину, такъ и женщину одѣвали въ лучшiя одежды со всевозможными украшенiями. Разные амулеты, серьги, бусы, бляхи, пряжки находили въ могилахъ

въ громадномъ количествѣ. И на всѣхъ этихъ предметахъ также замѣчается то или другое чужое вліяніе. Такъ здѣсь, на разныхъ частяхъ одежды и украшеній мерянъ ясно видно вліяніе норманновъ, которымъ платили финскія племена дань до призванія варяговъ славянами. Разнообразныя монеты, тоже въ большомъ количествѣ найденныя при раскопкахъ, указываютъ на то, что на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ меряне вели торговлю съ разными народами востока и запада. Кромѣ торговли, меряне, очевидно, занимались хлѣбопашествомъ, обработкой льна, овцеводствомъ, охотой, рыболовствомъ, обработкой металловъ, гончарнымъ ремесломъ и выдѣлкой кожъ.

По мѣрѣ распространенія христіанства, принесеннаго сюда славянами, сталъ исчезать обычай курганнаго погребенія. Но заросли многія старыя христіанскія кладбища, а нѣмые таинственные курганы вѣками стояли и возбуждали народное воображеніе, служа поводомъ къ созданію разныхъ легендъ. Такъ сложилась, напримѣръ, легенда о двухъ ростовскихъ богатыряхъ, одинъ изъ которыхъ былъ будто бы похороненъ въ большомъ курганѣ на берегу Ростовскаго озера. Богатыри повздорили между собой, и одинъ убилъ другого. Сестра убитаго похоронила его и собственными руками по горсти наносила курганъ на могилу. По ея имени курганъ называется Авдотьинымъ, оврагъ неподалеку, изъ котораго будто бы она носила землю, называется «Авдотьинымъ болотомъ», а дорога къ нему «Авдотьиной дорогой».

Вѣроятно, на созданіе этой легенды повліяло новгородское сказаніе о Гостомыслѣ, которому приписываютъ призваніе варяговъ. Тамъ народъ наносилъ якобы землю по горсти на могилу своего любимаго героя.

Владимиръ. Рѣка Клязьма, мостъ и Муромское шоссе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Постепенное разселеніе славянъ по Восточно-Европейской равнинѣ.—Природныя условія страны въ древнія времена, привлекавшія поселенцевъ.—Три періода русской колонизаціи.—Первые русскіе города въ междурѣчьѣ Волги и Оки.—Встрѣча русскихъ съ финнами, ихъ взаимныя отношенія и вліяніе другъ на друга.

Многоводныя рѣки Восточно-Европейской равнины съ давнихъ поръ приносили въ ладьяхъ и стругахъ все новыхъ и новыхъ обитателей для своихъ береговъ. Славяне пріѣзжали на новыя, привольныя мѣста необъятной равнины съ прикарпатскихъ долинъ. Это было еще въ глухія языческія времена. Герой старинной христіанской легенды, Георгій храб-

рый. можетъ быть только «учалъ въ тѣ поры думу крѣпкую оповѣдати своей родимой матушкѣ», собираясь «ѣхать ко землѣ свѣтло-русской утверждать вѣры христіанскія». Земля свѣтло-русская въ пору этого первоначальнаго разселенія славянъ была не такая, какой мы видимъ ее теперь. Рука человѣческая во многихъ мѣстахъ не прикасалась еще ко всѣмъ богатствамъ здѣшней природы. На необъятномъ просторѣ здѣсь господствовали лѣса, вода или степь. Дремучіе лѣса тянулись на сотни верстъ по топкимъ трясинамъ и болотамъ или песчанымъ холмамъ. Въ безмѣрную ширь и даль растянулись рѣки по зеленымъ равнинамъ. Георгію Храброму, побѣдителю чудовищъ и устроителю порядка на землѣ, приходилось бороться съ этимъ хаотическимъ обиліемъ и нестроеніемъ природы и ея населенія. Такъ, наѣзжалъ онъ, по словамъ легенды, «на тѣ лѣса на темные, на тѣ лѣса на дремучіе. Нельзя Георгію тутъ проѣхати, нельзя Храброму туто подумати». Или «на тѣ горы на высокія, на тѣ холмы на широкіе, на тѣ моря на глубокія, на тѣ рѣки на широкія». И все это распредѣлялось потомъ въ порядкѣ по всей «землѣ свѣтло-русской, по Божьему все велѣнію, по Георгіеву все моленію». Встрѣчалъ онъ множество всякихъ звѣрей, столпившихся вмѣстѣ, и приказывалъ имъ разойтись всѣмъ по своимъ мѣстамъ «по всей землѣ свѣтло-русской, по степямъ-полямъ безъ числа, а и есть про васъ на съѣдомое во поляхъ трава муравчатая, а и есть про васъ на пойлища во рѣкахъ вода студеная». Наткнулся онъ, наконецъ, на цѣлое стадо змѣиное, которое сказало ему, что земля русская «словомъ заказана, заповѣдана, что пѣшъ человѣкъ по ней не прохаживалъ, на коню никто не проѣзживалъ».

Вотъ эти-то темныя, таинственныя лѣсныя чащи, хотя и населенныя въ воображеніи древнихъ язычниковъ всевозможными чудовищами, этотъ просторъ необозримыхъ степей, раздолье широкихъ рѣкъ и привлекали къ себѣ пришельцевъ изъ чужихъ странъ. Охотникъ и звѣроловъ находилъ въ лѣсахъ обиліе крупныхъ и мелкихъ звѣрей и всякихъ птицъ, земледѣлецъ приходилъ на новину, никѣмъ не занятую, выпускалъ скотъ на богатыя пастбища, а множество рѣкъ не только обѣщало всѣмъ хорошій уловъ рыбы, но еще и помогало купцамъ развозить товары по разнымъ странамъ. Дорогіе мѣха соболя, горностая, куницы, бѣлки, лисы, сладкій душистый медъ и воскъ высоко цѣнились и имѣли хорошій сбытъ на рынкахъ Булгара и хазарскаго Итиля на Волгѣ. Кромѣ того, славянскіе поселенцы, или колонисты, какъ обыкновенно называютъ людей, занимающихъ свободныя земли, избавлялись отъ опаснаго и постояннаго врага, котораго встрѣчали въ лицѣ грековъ, когда жили на рѣкѣ Дунаѣ возлѣ Карпатскихъ горъ.

Вѣка съ седьмого начинаютъ уже указывать на многія славянскія племена, разселившіяся по великому торговому пути «изъ варягъ къ греки». Рѣками Волховомъ и Днѣпромъ съ ихъ притоками соединялъ этотъ путь два образовавшіеся уже въ то время торговые пункта, Кіевъ и Новгородъ. Исторія не знаетъ въ точности, когда основались эти города, такъ же какъ и нѣкоторые другіе въ верховьяхъ Волги и по берегамъ Оки. Предполагаютъ только, что послѣдніе были основаны уже новгородцами, приплывшими сюда по рѣкамъ Шекснѣ и Волгѣ. Смѣлые новгородскіе удальцы спускались внизъ по рѣкамъ на своихъ легкихъ ладьяхъ, брали въ полонъ мирныхъ финскихъ жителей или просто захватывали свободныя земли

на берегахъ. Кромѣ новгородцевъ, или ильменскихъ славянъ съ сѣвера, приходили къ верховьямъ Волги и кривичи съ запада. Мирнымъ или разбойнымъ путемъ забирали они земли и садились на нихъ семейными группами или родомъ, управляясь старѣйшинами этихъ родовъ и народными собраніями или вѣчами. Такъ же, какъ и старожилы этихъ мѣстъ финны, славяне занимались, главнымъ образомъ, добывающей промышленностью, т. е. звѣроловствомъ, бортничествомъ и пчеловодствомъ, земледѣліемъ и скотоводствомъ. Добывая такимъ образомъ все необходимое для себя, избыткомъ продуктовъ они обмѣнивались съ жителями другихъ мѣстностей или торговали съ чужими странами. Такъ называемая обрабатывающая промышленность существовала въ то время по стольку, по скольку требовала обиходная жизнь. Славянинъ и финнъ одинаково умѣлъ сдѣлать для себя простую необходимую одежду, снабдить ее украшеніями по своему незатѣйливому вкусу, умѣлъ сдѣлать кое-какую посуду изъ глины, выстроить жилище, сколотить лодку, приспособить стрѣлу, устроить разные снаряды для охоты или рыболовства, наладить плугъ или какія нибудь другія земледѣльческія орудія. Такъ жили славяне здѣсь и въ другихъ мѣстахъ поселенія въ первый, отдаленный періодъ колонизаціи Восточно-Европейской равнины. Это былъ періодъ свободнаго разселенія группами по новымъ землямъ, въ поискахъ собственныхъ выгодъ и за собственные страхъ и отвѣтственность.

Складочныя торговыя мѣста, или города, дѣлались центрами окружающихъ городовыхъ областей. Въ нихъ сосредоточивалась не только торговая жизнь, но и политическая. Вѣча мелкихъ областныхъ городовъ и селеній считались съ мнѣніемъ вѣча своего старшаго

города, въ которомъ сосредоточивалось управленіе областью. Въ лѣтописи такъ говорится объ этихъ отношеніяхъ младшихъ городовъ къ старшимъ: «Новгородцы бо изначала и смолняне и кыяне и полочане и вси власти, якоже на думу на вѣче сходятся, на что старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же и пригороды станутъ».

Съ десятаго вѣка появились на Руси варяжскіе викинги, въ лицѣ первыхъ русскихъ князей, призванныхъ, согласно сообщенію лѣтописи, новгородцами вмѣстѣ съ другими славянскими и финскими племенами. Князя взяли на себя роль оборонителей расширившихся русскихъ владѣній и торговыхъ путей отъ враговъ—азіатскихъ кочевниковъ, все больше и больше заполонявшихъ южно-русскія степи. Они ставили пограничные города, заселяли пограничныя земли и собирали дань съ подвластныхъ имъ уже въ то время племенъ славянскихъ и финскихъ. Такъ, «Олегъ нача городы ставити иустави дани словѣномъ, кривичѣмъ и мери», а потомъ Владиміръ Святой настроилъ цѣлый рядъ крѣпостей по притокамъ Днѣпра. Эти заселенія, въ зависимости отъ княжеской власти, въ цѣляхъ военной обороны путей и селеній отъ враговъ, происходили преимущественно въ южной части древней Руси, на границахъ съ южными степями. Таковъ былъ второй періодъ русской колонизаціи—періодъ княжескій, военный. Въ это время жизнь русскихъ болѣе сосредоточивалась возлѣ богатаго торговаго Кіева, вокругъ князей, раздѣляющихъ свою власть и управленіе съ вѣчемъ.

Въ другіе областные города князья посылали сначала своихъ посадниковъ, а затѣмъ, когда родъ княжескій разросся, своихъ сыновей, племянниковъ, братьевъ и другихъ родичей. Такими областными го-

родами сдѣлались со временемъ и древніе города междурѣчья Оки и Волги, Ростовъ, Суздаль, Муромъ.

Ростовъ Великій былъ выстроенъ на берегу озера Неро, стекающаго въ рѣку Которосль, которая впадаетъ въ Волгу. При первомъ русскомъ князѣ Рюрикѣ Ростовъ былъ уже областнымъ городомъ, и Рюрикъ посадилъ туда посадника для сбора

Ростовъ Великій. Западная стѣна Кремля.

дани съ жителей Ростовской области. Во время распространенія христіанства въ древней Руси, Владиміръ Святой посадилъ въ Ростовѣ своего сына Бориса. Первоначальные обитатели этого края, меряне, не были еще тогда поглощены славянами. Они преобладали надъ ними численно и крѣпко держались за свою языческую вѣру и старые обычаи. Суевѣрный, полудикій еще, народъ былъ въ рукахъ извѣстныхъ своимъ волхованіемъ, или колдовствомъ, кудесниковъ.

Вмѣстѣ съ княземъ Борисомъ пріѣхалъ въ Ростовъ и первый епископъ, Ѳеодоръ, грекъ родомъ, какъ и вообще всѣ первые русскіе епископы. Онъ принялся за водвореніе христіанства въ городѣ, выстроилъ деревянный храмъ и старался собирать туда народъ на богослуженіе и проповѣдь. Но всѣ его усилія разбивались о несокрушимую стѣну упорства язычниковъ, и ему пришлось уѣхать, не достигнувъ существенныхъ результатовъ. Язычники не только упорствовали въ принятіи христіанства, но и приписывали ему народныя бѣдствія, волхвы пользовались этимъ настроеніемъ и разжигали народный гнѣвъ. Лѣтопись записала одно изъ народныхъ возстаній, вызванное голодомъ, вслѣдствіе недорода хлѣбовъ въ Ростовской области. Княжившій въ то время Ярославъ Мудрый пріѣзжалъ усмирять бунтъ и казнилъ многихъ волхвовъ. Къ этому времени пріурочиваютъ построеніе города Ярославля на Волгѣ.

Также малоуспѣшна была проповѣдь смѣнившаго Ѳеодора епископа Иларіона. И онъ уѣхалъ, «избѣгая невѣрія и досажденія людей». Но, конечно, и проповѣдь ихъ обоихъ и построеніе церкви подготовило нѣсколько почву для дѣйствія третьяго епископа, св. Леонтія. Въ житіи его разсказывается, что онъ, оставивъ на время взрослыхъ, закоренѣлыхъ язычниковъ, обратилъ свое вниманіе на дѣтей. Стараясь привлечь ихъ къ себѣ лаской, онъ училъ ихъ и приготовлялъ къ крещенію. По сообщенію автора житія, раздраженные язычники хотѣли убить его и пришли уже для этого въ храмъ. Но епископъ вышелъ къ нимъ съ крестомъ въ торжественномъ облаченіи и въ сопровожденіи причта и хора. Язычникамъ показался онъ свѣтлымъ блестящимъ видѣніемъ, и они отступили передъ спокойной кротостью, свѣтившейся

въ его взорѣ. Многіе крестились въ Ростовѣ, но, въ концѣ концовъ, епископъ всетаки былъ убитъ. Во всякомъ случаѣ крещеніе Ростова приписываютъ св. Леонтію.

Примѣръ старшаго города подѣйствовалъ на пригороды и селенія, жители которыхъ тоже стали обращаться въ христіанство. Этому способствовалъ также и слѣдующій послѣ св. Леонтія епископъ св. Исаія. Онъ обошелъ всю Ростовскую область, разрушая капища, строя церкви и проповѣдуя христіанство. И всетаки не только въ глухихъ углахъ области долгое время продолжалось поклоненіе языческимъ идоламъ, но въ самомъ Ростовѣ, въ такъ называемомъ «Чудскомъ концѣ», населенномъ, какъ показываетъ названіе, финнами, долго еще процвѣталъ богъ скота Велесъ. Послѣдняго идола этого Велеса удалось сокрушить въ окрестностяхъ Ростова епископу Авраамію при князѣ Мстиславѣ, сынѣ Мономаха, въ 1095 году.

Владимиръ Мономахъ, во время объѣздовъ Руси, два раза посѣтилъ Ростовскую область. Въ первый разъ онъ выстроилъ вторую церковь въ Ростовѣ, во второй разъ основалъ городъ Владимиръ на Клязьмѣ. Послѣ смерти Владимира Мономаха вся Ростовская область, вмѣстѣ съ городомъ Суздалемъ, досталась въ удѣлъ младшему сыну Мономаха Юрію. Но въ это время князья Ростово - Суздальской области обѣгали старые вѣчевые города, не желая сталкиваться на пути правленія съ вѣчемъ. Юрій предпочелъ Суздаль Великому Ростову.

Суздаль, построенный на рѣкѣ Каменкѣ, притокѣ Нерли, также существовалъ уже во время призванія варяговъ, но всетаки позднѣе Ростова и Мурома. Въ лѣтописи сохранилось извѣстіе о томъ, что суздальцы,

обитатели лѣсной поляны, спорили съ обитателями такой же сосѣдней поляны ростовцами за преобладаніе. Ростовцы, какъ старожилы, считали себя хозяевами края. Обширная поляна, окружающая Суздаль, всегда отличалась плодородной почвой и издавна привлекала къ себѣ колонистовъ. Какъ и Ростовъ, Суздаль доставался удѣльнымъ князьямъ, но они посылали въ него намѣстниковъ. Крещеніе суздальскихъ жителей совершено было вѣроятно епископомъ Исаіей, къ правленію котораго относятъ и построеніе первой церкви въ городѣ.

Дольше всѣхъ языческихъ городовъ не поддавался христіанскому воздѣйствію старый Муромъ, удержавшій за собою названіе финскаго племени мурома. Муромъ былъ выстроенъ на Окѣ, на мѣстѣ поселенія доисторическихъ людей каменнаго вѣка, среди необъятныхъ прославленныхъ муромскихъ лѣсовъ. Мѣстныя сказанія приписываютъ крещеніе жителей города князю Константину Святославичу, внуку Ярослава Мудраго. Но по болѣе достовѣрнымъ источникамъ извѣстно, что до княженія Константина въ Муромѣ существовалъ уже монастырь, слѣдовательно христіанство было введено раньше. Окруженные лѣсами жители Мурома всегда промышляли звѣроловствомъ и пчеловодствомъ, ведя притомъ торговлю съ Булгаромъ и Итилемъ. Ока съ весны до глубокой осени оживлялась булгарскими и хозарскими судами, увозившими отсюда мѣха, воскъ и медъ. Съѣзжались также купцы изъ русскихъ городовъ — Рязани, Смоленска, Чернигова, Кіева, пріѣзжали даже греки съ Таврическаго полуострова. Пути сообщенія въ то время были исключительно водяныя. Приходилось ѣздить кругомъ по рѣкамъ, такъ какъ лѣса были не только непроѣздны, но и непроходимы. Съ мелкими

лѣсными тропами, вившимися между болотами и зарослями, были знакомы только мѣстные старожилы, дѣды и отцы которыхъ ихъ прокладывали. Въ лѣсныхъ дебряхъ, тянувшихся по берегамъ Оки, и Волги, всегда скрывались шайки разбойниковъ, наносившихъ большой ущербъ булгарскимъ и хозарскимъ купцамъ. Купцы жаловались черниговскимъ князьямъ, въ удѣлѣ которыхъ числился Муромъ, но князья вообще мало принимали участія въ жизни муромцевъ, управляя ими черезъ посадниковъ. Такъ было при Олегѣ Черниговскомъ, когда выведенные изъ терпѣнія булгары собрались, наконецъ, и разгромили Муромъ въ отместку за разграбленіе своихъ судовъ разбойниками.

Такова была въ общихъ чертахъ жизнь въ Ростово-Суздальской области и ея старыхъ городахъ до начала третьяго періода русской колонизаціи. Этотъ періодъ имѣлъ особенно важное значеніе для описываемаго нами края. Около двѣнадцатаго вѣка стала усиливаться колонизація Ростово-Суздальской земли, и нити этой колонизаціи еще болѣе сосредоточились въ рукахъ князей. Но на этотъ разъ князья заняли землю уже не въ видахъ военной обороны, а со своими хозяйскими цѣлями. Они строили города и заселяли ихъ поселенцами, бѣжавшими изъ Кіевскихъ областей, разоренныхъ въ конецъ половецкими нашествіями и безконечными распрями князей между собою. Конечнымъ результатомъ этой усиленной колонизаціи Ростово-Суздальской области явилось полное обрусѣніе мѣстныхъ финскихъ племенъ и образованіе великорусскаго народа.

При своемъ продвиженіи съ юго-запада къ востоку и сѣверу, славяне всюду встрѣчались съ мелкими финскими племенами, разбросанными по громадному пространству Восточно-Европейской равнины.

Ильменскіе славяне со своимъ Новгородомъ врѣзались въ среду вожанъ и ижоры и очень быстро подчинили себѣ энергичнымъ натискомъ слабыя полудикія племена. Земли этихъ племенъ вошли въ число новгородскихъ областей подъ названіемъ Водской пятины. На протяженіи всей исторіи Великаго Новгорода можно наблюдать столкновенія новгородцевъ съ финнами на пути расширенія новгородскихъ владѣній и пріобрѣтенія богатствъ вольнаго города. Купцы новгородскіе пробирались къ отдаленному сѣверу, въ области Сѣверной Двины, Урала, къ Бѣлому морю, заводили торговыя отношенія съ племенами югра, печера, пермь, и всѣ эти племена съ теченіемъ времени оказались данниками Новгорода. Вслѣдъ за купцами отправлялись и просто вольные люди, въ поискахъ богатства или свободной земли. Послѣ введенія христіанства на Руси, наряду съ торговыми городками и земледѣльческими поселками стали появляться монастыри. Монахи первыхъ вѣковъ христіанства много способствовали заселенію дикаго, пустыннаго сѣвера. Они вырубали лѣса, осушали болота, распахивали земли и вводили земледѣліе въ среду дикихъ звѣроловов и охотниковъ. И для всѣхъ этихъ колонизаторовъ—купцовъ, монаховъ, земледѣльцевъ—хватало мѣста на необъятной, мало заселенной равнинѣ. Финны уступали натиску пришельцевъ и не потому только, что обладали мирнымъ и робкимъ нравомъ, а потому, что имъ было куда уйти, если ихъ тѣснили. Въ большинствѣ же случаевъ ихъ и не тѣснили, а просто селились по сосѣдству съ ними. Это отсутствіе тѣсноты позволяло сохранять и обособленность жизни пришельцевъ и старожиловъ. Финны возмущались въ случаѣ грубаго насилія, они защищали свои жилища отъ грабежа, или свои ста-

рые обычаи и вѣрованія отъ посягательства на нихъ. Вотъ тогда то и происходили тѣ не частыя, но кровавыя столкновенія, о которыхъ упоминается въ исторіи сліянія двухъ народовъ.

Полное сліяніе и поглощеніе финновъ русскими произошло позднѣе и именно въ Ростово-Суздальскомъ краѣ, когда нахлынула туда громадная волна русскихъ поселенцевъ съ юга. Глухое, отдаленное залѣсье какъ бы ожило отъ этого притока свѣжихъ людей, воспринявшихъ уже кое-какую культуру, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній богатаго торговаго Кіева съ иноземцами. Въ эту пору и произошло особенно замѣтное смѣшеніе пришельцевъ съ мѣстными жителями. Внося многое свое въ условія мѣстной жизни, русскіе воспринимали также и чужое. Смѣшеніе языка, обычаевъ и, наконецъ, физическое, кровное смѣшеніе не могло не отразиться на общемъ типѣ послѣдующихъ поколѣній. Совмѣстно съ природой—угрюмой и неподатливой—несообщительные, но спокойные и настойчивые финны измѣнили характеръ живыхъ, жизнерадостныхъ, часто легкомысленныхъ славянъ. Измѣнился съ теченіемъ времени и ихъ внѣшній видъ. Типичныя черты древнихъ славянъ, отмѣченныя иностранцами,—высокій ростъ, свѣтлые волосы, голубые глаза—смѣшались здѣсь во многихъ случаяхъ съ приземистостью, темнымъ цвѣтомъ лица и волосъ, широкими скулами.

Жителей свѣтлыхъ степей, залитыхъ ослѣпительными лучами южнаго солнца, пугали темные лѣса и топкія болота съ ихъ невѣдомыми и неожиданными опасностями. Исконный житель лѣсовъ финнъ сроднился съ ними и съ разными духами, населявшими ихъ, по его повѣріямъ. Ввѣряя свою судьбу христіанскому Богу, русскій не отвергалъ на всякій случай и

помощь финскаго заклинателя и колдуна. Такъ смѣшивались мѣстныя суевѣрія съ внесенными извнѣ, уживались веселыя хохотуньи русалки Днѣпра съ сумрачными, неповоротливыми водяными и лѣшими сѣверныхъ рѣкъ и лѣсовъ. Разныя русскія колядки и пѣсни, сопровождающія празднованіе весны и другихъ перемѣнъ года, перемѣшались съ финскими молянами и вытѣснили ихъ впослѣдствіи. Распространеніе христіанства помогало объединенію финновъ съ русскими и стирало суевѣрія тѣхъ и другихъ.

Сближенію русскихъ съ инородцами способствовало еще и то, что большая часть поселенцевъ принадлежала къ сельскимъ жителямъ Кіевской Руси. Бросивъ разоренныя жилища и залитыя кровью пашни, они искали утраченнаго на новыхъ мѣстахъ и въ этихъ поискахъ встрѣчались съ старожилами финнами, изъ которыхъ большая часть занималась земледѣліемъ и охотничьими промыслами. Послѣ черноземныхъ полей юга, на которыхъ безъ особаго труда выростало все въ изобиліи, не легко было обрабатывать малоплодородный суглинокъ сѣвера. Кромѣ того приходилось бороться съ обиліемъ лѣса и болотъ, вырубать первый, осушать вторыя. Тяжелымъ упорнымъ трудомъ добывался хлѣбъ на новыхъ мѣстахъ, и эта скудная жизнь тоже наложила свой отпечатокъ на характеръ великоросса. Онъ сдѣлался хозяйственнымъ, бережливымъ и болѣе вдумчивымъ. На югѣ села раскидывались на большое пространство возлѣ рѣкъ, которыхъ тамъ не такъ много, здѣсь нужно было искать мѣсто для селенія среди болотъ и цѣлой сѣти мелкихъ и крупныхъ рѣкъ. Два, три, много пять дворовъ, а затѣмъ лѣса на много верстъ, пока не встрѣтится опять такое же малолюдное селеніе. Жители такихъ селеній замыкались въ себѣ и

жили будничными интересами и будничной борьбой за существованіе. Они выжигали около себя лѣсъ на небольшое пространство, снимали нѣсколько лѣтъ хорошій урожай съ удобренной золой почвы, затѣмъ переходили на другое мѣсто, чтобы сдѣлать съ нимъ то же самое. Лѣса, рѣки, озера, болота были для нихъ источникомъ многихъ промысловъ, которые служили основаніемъ курстарнаго производства, процвѣтающаго до сихъ поръ въ этихъ мѣстностяхъ. Здѣсь свили прочное гнѣздо разные лыкодеры, звѣрогоны, пчеловоды, рыболовы, солевары, смолокуры и тому подобные промышленники. Работа кропотливая, упорная, черная, вся сосредоточенная на мелочахъ, пріучающая къ терпѣнію, вниманію, но не дающая простора для полета ума. Долгая зима, съ морозами и метелями, томительная осень, съ безконечными дождями, все это пріучило великоросса ждать, мириться съ обстоятельствами и не отваживаться на смѣлые шаги, ведущіе за собой крупные перевороты въ жизни.

Владиміръ. Видъ на городъ отъ плашкоута.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возникновеніе города Владиміра Залѣсскаго.—Его мѣстоположеніе.—Суздальскій князь Юрій Мономаховичъ Долгорукій.—Заселеніе Ростово-Суздальскаго края, основаніе новыхъ городовъ.—Борьба Юрія съ Новгородомъ и Кіевомъ.—Причины запустѣнія Кіевской Руси и наплыва переселенцевъ въ Суздальскую область.—Развитіе княжескаго, боярскаго и церковнаго землевладѣнія.

«Мономахъ, правнукъ великаго князя Володимира, поставилъ городъ Володимиръ Залѣсскій въ Суздальской земли и осыпа его спомъ (окружилъ валомъ), и съда первую церковь Спаса». Такъ сообщается объ основаніи Владиміра въ синодальной лѣтописи временъ Василія Темнаго, великаго князя Московскаго.

Названіе «Залѣсскій» указываетъ на мѣстоположеніе новаго города за лѣсами, въ «Опольщинѣ», какъ

издревле называлась эта часть Ростово-Суздальской области. Окраина, или какъ бы опушка дремучихъ, мало проходимыхъ лѣсовъ, съ давнихъ поръ привлекала къ себѣ поселенцевъ. Здѣсь кончались не только лѣса, но и лѣсныя болота, почва дѣлалась болѣе плодородной, болѣе годной для обработки и жизни на ней. А лѣса, давая матерьялъ для постройки жилищъ и топливо, защищали, кромѣ того, поселенцевъ отъ вражескихъ нашествій. Въ нихъ мудрено было пройти и одному человѣку, а не то что какому нибудь кочевому племени, живущему грабежами и разбоями. Первоначальные жители этихъ мѣстъ, финскія племена меряне, мещера и мурома оставили многочисленные курганы по берегамъ Оки и Клязьмы.

Славянскіе колонисты овладѣли многими мѣстностями верхневолжскаго края, прежде чѣмъ появились на берегахъ Клязьмы. Старые города Ростовъ, Суздаль и Муромъ не только существовали въ началѣ XII вѣка, когда былъ основанъ Владиміръ (1116 г.), но имѣли уже значеніе областныхъ городовъ, въ которыхъ жили князья или ихъ посадники. Владиміръ Святой прислалъ своего сына Бориса въ Ростовъ, а Глѣба въ Муромъ. Но сторона эта была долго глухой и отдаленной. Чтобы побывать въ родномъ Кіевѣ, князья ѣхали Окой и Волгой, потомъ волоками пробирались къ Смоленску и оттуда спускались уже по Днѣпру. Былиннаго богатыря Илью Муромца упрекаютъ во лжи, когда онъ говоритъ, что проѣхалъ «дорогой прямоѣзжею» со своей родины «изъ стольнаго города изъ Мурома, изъ того села Карачарова». Пирующіе у Владиміра Краснаго Солнышка другіе богатыри указываютъ на то, что «залегла та дорога тридцать лѣтъ отъ того Соловья разбойника». А Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи» подчеркиваетъ, что одинъ

разъ онъ проѣхалъ изъ Кіева въ Ростовъ «сквозь вятичей», и какъ бы ставитъ себѣ это въ заслугу. Славянское племя вятичей жило въ то время въ глухой лѣсистой мѣстности, въ лѣсахъ, извѣстныхъ впослѣдствіи подъ именемъ Брянскихъ и прославившихся происходившими въ нихъ разбоями. Между рѣками Окой и Десной, въ области нынѣшнихъ губерній Орловской и Калужской, тянулись эти лѣса. Въ описываемое нами время здѣсь скрывались иногда побѣжденные удѣльные князья отъ своихъ враговъ князей-родичей.

Еще до основанія Владимира, съ 1096 года Суздальскимъ княземъ былъ младшій сынъ Мономаха Юрій, прозванный Долгорукимъ. Въ его княженіе Мономахъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Ростово-Суздальскую область, и основалъ городъ Владимиръ, окружилъ его валомъ и построилъ въ немъ первую церковь. Юрій тоже, по обычаю князей того времени, началъ свое княженіе съ основанія церкви въ городѣ Суздалѣ, который онъ избралъ для своего мѣстожительства. Онъ строилъ также церкви и монастыри въ другихъ старыхъ городахъ области и наряду съ этимъ основывалъ въ ней новые города, населяя ихъ прищельцами изъ разныхъ мѣстъ. Съ тѣхъ поръ начинаютъ появляться и дороги въ глухихъ лѣсахъ. Сначала прокладываютъ въ нихъ тропинки одинокіе поселенцы, ищущіе въ Залѣсьѣ убѣжища отъ степныхъ враговъ. Юрій гостепріимно относился къ своимъ землякамъ южанамъ, отводилъ имъ удобныя для жилья мѣста, поселялъ ихъ въ своихъ новыхъ городахъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать болѣе роднымъ чужой финскій край.

Въ княженіе Юрія появляется городъ Кснятинъ при впаденіи Большой Нерли въ Волгу, а около 1147

года упоминается уже въ лѣтописи о Москва, выстроенная на рѣкѣ того же названія, на мѣстѣ имѣнія боярина Кучки. Черезъ нѣсколько лѣтъ Юрій строитъ городъ въ полѣ и называетъ его по своему имени «Юрьевъ Польскій», затѣмъ переноситъ на новое мѣсто существовавшій уже раньше Переяславль Залѣсскій. Онъ хотѣлъ перенести также и Суздаль, началъ уже строить новый городъ въ пяти верстахъ отъ стараго, при впаденіи рѣки Каменки въ Нерль, но былъ отвлеченъ войной съ кіевскимъ княземъ. Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ заложеннаго города образовалось селеніе, названное Кидекшей, отъ слова кидать.

Наконецъ, незадолго до своего княженія въ Кіевѣ, Юрій основалъ на рѣкѣ Яхромѣ городъ Дмитровъ, названный такъ въ честь сына Дмитрія-Всеволода, родившагося здѣсь, во время поѣздки князя вмѣстѣ съ женой, для сбора дани. И названіе рѣчки Яхромы связываютъ также съ этимъ событіемъ. Разсказываютъ, что жена Юрія оступилась и упала на берегу этой рѣчки. Вставая, она сказала: «я хрома». Послѣ этого рѣчка стала называться «Яхрома». Около 1155 года сынъ Юрія Андрей выстроилъ городокъ Боголюбовъ, недалеко отъ Владимира, въ которомъ онъ жилъ. Во всѣхъ новыхъ городахъ князья строили тотчасъ же церкви, основывали монастыри. Города окапывали земляными валами, обносили стѣнами съ башнями, или вежами, какъ ихъ тогда называли, или обстраивали деревянными частоколами. Вокругъ этого центра города, или кремля, разростались посады для жителей.

Обстраивая новый край, заботясь о его населеніи, Юрій не переставалъ, однако, всей душой, всѣми помыслами стремиться на югъ, къ родному городу Кіеву. Кіевъ былъ славенъ своими богатствами, своими

блестящими храмами, монастырями и чудотворными иконами, въ немъ лежалъ прахъ знаменитыхъ княжескихъ предковъ. Не привлекала, можетъ быть, князя-южанина и суровая природа сѣвера, хмурое небо и безконечные лѣса, непривѣтливымъ казалось ему и само солнце — блѣдное и холодное, послѣ южнаго — ослѣпительнаго, жгучаго. Чужимъ былъ для него и народъ—дикій, угрюмый и нелюдимый. Тосковалъ онъ, вѣроятно, по яркимъ краскамъ кипучей, привольной жизни юга и съѣдало его, кромѣ того, честолюбіе и уязвленная гордость.

Юрій былъ младшій сынъ Владимира Мономаха, потому и получилъ онъ въ княженіе самую отдаленную и небогатую область Ростово-Суздальскую. По существовавшему тогда очередному порядку наслѣдованія, онъ могъ получить великокняжескій столъ, какимъ былъ въ то время кіевскій, только послѣ смерти всѣхъ старшихъ братьевъ. Въ ожиданіи своей очереди, онъ зорко слѣдилъ за своими родичами князьями, не допуская нарушенія права престолонаслѣдія.

Такъ случилось въ 1132 году, въ княженіе на кіевскомъ столѣ его брата Ярополка, который перевелъ изъ Новгорода своего племянника Всеволода Мстиславича въ южный Переяславль. Этотъ городъ считался старшимъ городомъ послѣ Кіева, съ Переяславскаго стола Владимиръ Мономахъ, Мстиславъ и Ярополкъ перешли на Кіевскій. Младшіе Мономаховичи, Юрій и Андрей, рѣшили, что Ярополкъ хочетъ оставить послѣ себя кіевскій столъ племяннику, помимо слѣдующаго за нимъ брата Вечеслава, слабаго и неспособнаго человѣка. На этотъ разъ затѣявшаяся борьба уладилась довольно быстро и кончилась тѣмъ, что Ярополкъ посадилъ въ Переяславлѣ Вечеслава.

Но черезъ нѣкоторое время племянники Ярополка, Изяславъ и Всеволодъ Мстиславичи, переводимые дядей изъ одной области въ другую, возмутились и снова начали распрю. Всеволодъ, бывшій тогда новгородскимъ княземъ, уговорилъ новгородцевъ идти на суздальскаго князя, чтобы добывать для себя и брата хотя Ростовскую область, если для нихъ не находится никакой другой области на Руси. Съ этихъ поръ новгородцы были втянуты въ продолжительную борьбу съ Юріемъ Суздальскимъ. Эта тяжелая борьба тянулась съ перерывомъ въ теченіе девятнадцати лѣтъ. Юрій, если не воевалъ открыто съ вольнымъ городомъ, то не переставалъ интриговать тамъ и сѣять смуту между партіями. Онъ привлекалъ на свою сторону посадниковъ и торговыхъ людей, зазывалъ ихъ къ себѣ и оказывалъ имъ разныя милости. Образовавшаяся въ городѣ суздальская партія временами осиливала на бурныхъ вѣчахъ, народъ изгонялъ князя неугоднаго Юрію, призывалъ его сына. Какъ и всегда, во время подобныхъ распрей страдали главнымъ образомъ мирные жители областей, волей неволей сдѣлавшихся врагами другъ другу. Новгородской области были особенно тяжелы враждебныя отношенія съ южными землями, потому что она, по малоплодородію своей почвы, должна была питаться хлѣбомъ, получаемымъ съ юга. Потому, когда закрывались для страны суздальскіе рынки и прекращался подвозъ хлѣба, начинался голодъ, во время котораго народъ питался липовой корой, дохлыми кошками и собаками.

Въ 1139 году умеръ великій кіевскій князь Ярополкъ Мономаховичъ, и скудоумный трусливый Вечеславъ не сумѣлъ удержать въ рукахъ столъ, которымъ завладѣлъ черниговскій князь Всеволодъ Оль-

говичъ. Хотя кіевляне не любили эту вѣтвь княжескаго рода, Всеволоду удалось всетаки прокняжить семь лѣтъ и оставить столъ брату Игорю. Послѣ этого поднялась смута въ Кіевѣ, жители разграбили дома знатныхъ лицъ, сторонниковъ князей, и послали за своимъ любимымъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ. Отсюда начинается упорная восмилѣтняя война Юрія Суздальскаго съ Изяславомъ, а послѣ смерти послѣдняго съ братомъ его Ростиславомъ. Въ продолженіе этой борьбы Юрій два раза былъ кіевскимъ княземъ и два раза былъ изгоняемъ изъ Кіева. Наконецъ, уже въ борьбѣ съ наслѣдниками Изяслава, онъ одержалъ верхъ и продержался великимъ княземъ до смерти въ 1157 году.

Измученные безпрерывными войнами, кіевляне совсѣмъ сбились съ толку и звали къ себѣ то одного, то другого изъ враждующихъ князей. Юрія они не любили за его властолюбіе, себялюбіе и несправедливость. Они видѣли, какъ часто нарушалъ онъ данное слово, соблюдая свои выгоды, и какъ не гнушался прибѣгать къ нечестнымъ пріемамъ. Кромѣ того, онъ дружилъ съ половцами и приводилъ цѣлыя полчища ихъ на разоренныя уже и безъ того кіевскія земли. Но при всемъ этомъ кіявляне часто уговаривали племянника примириться съ дядей. Собиравшіеся на вѣчѣ народные представители отказывались дать Изяславу городское ополченіе на помощь въ войнѣ съ Юріемъ, уважая въ немъ сына любимаго князя Мономаха. Вступленіе Юрія въ союзъ съ ненавистными имъ князьями Ольговичами заставляло ихъ принимать участіе въ войнѣ. Потомъ они снова упрашивали Изяслава уступить Юрію, когда видѣли, что война въ конецъ разоряетъ народъ и изматываетъ его силы.

Такъ въ одну изъ войнъ, когда перевѣсъ клонился на сторону Юрія, они взмолились передъ Изяславомъ и Ростиславомъ, прося передышки хотя на время. «Господа наши князья, говорили они, не губите насъ до конца. Отцы наши и братья и сыновья одни взяты въ плѣнъ, другіе убиты, и оружіе съ нихъ снято, возьмутъ и насъ въ полонъ. Поѣзжайте лучше въ свою волость. Вы знаете, что намъ не ужиться съ Юріемъ. Гдѣ потомъ увидимъ ваши стяги, будемъ готовы съ вами». Мстиславичи уѣхали, а Юрій въѣхалъ въ Кіевъ и, по свидѣтельству лѣтописи, былъ встрѣченъ кіявлянами съ радостью. Съ такой же радостью встрѣчали они и Изяслава, когда въ слѣдующей стычкѣ побѣда оказалась на его сторонѣ. Однако, когда умеръ Изяславъ, весь народъ оплакивалъ его, какъ добраго и любимаго князя, а послѣ смерти Юрія кіевская чернь бросилась грабить его дворецъ и дома его приближенныхъ бояръ. Это проявленіе народнаго гнѣва объясняется еще и местью суздальцамъ, приближеннымъ князя. Осиливая во время войны и входя вмѣстѣ съ княземъ въ городъ, они производили жестокія насилія надъ жителями.

Борьба не прекращалась и при слѣдующихъ князьяхъ, разрывавшихъ на части сильное прежде своими областями Кіевское княжество. Слабѣя постепенно, оно утрачивало свое значеніе центра Руси и старшаго княжества. Призывая на своихъ соперниковъ половцевъ, или поганыхъ, какъ называли ихъ русскіе за ихъ язычество, князья отдавали имъ Русь на полное разореніе и опустошеніе. Печальную картину представляло изъ себя славное когда-то Кіевское княжество. Сыну Юрія Андрею, выросшему въ спокойной обстановкѣ заброшенной въ лѣсахъ, никому ненужной Суздальской области, тяжко показалось жить въ

этой землѣ, бывшей обѣтованнымъ краемъ для всѣхъ русскихъ князей. Тайкомъ отъ отца ушелъ онъ изъ Кіевскаго пригорода Вышгорода, оправдывая, по словамъ лѣтописи, свой поступокъ «смущеніемъ о нестроеніи братіи своея, братаничевъ и сродниковъ, яко всегда въ мятежи и въ волненіи вси бяху, и много крови ліяшеся, и нѣсть никому ни съ кѣмъ мира, и отъ сего вси княжества опустѣша... и отъ поля половцы выплѣниша и пусто сотвориша».

Много погибало жителей во время княжескихъ войнъ, много убивали ихъ или уводили въ плѣнъ кочевники, но не малая часть ихъ бѣжала въ разныя стороны изъ разоренныхъ селеній. Пустѣло служившее яблокомъ раздора княжество Кіевское, пустѣли земли Черниговскія и Переяславскія, никѣмъ не защищаемыя отъ степныхъ кочевниковъ, и заполнялась одновременно съ этимъ тихая, укромная Суздальская область. Сыновья Юрія Долгорукаго не отставали отъ отца въ заботахъ о заселеніи своего наслѣдственнаго княжества и о застроеніи его новыми городами. Оживали незамѣтнымъ образомъ пустынные берега верхней Волги. При сыновьяхъ Юрія появились города Тверь, Кострома, Ржевъ, Зубцовъ, Унжа, Городецъ на Волгѣ и до десятка городовъ въ сторонѣ отъ нея и на ея притокахъ. Воспоминанія переселенцевъ о своей покинутой родинѣ, Южной Руси, выразились въ наименованіи новыхъ сѣверныхъ городовъ названіями южныхъ. Повторились въ новой, Суздальской, Руси имена старыхъ городовъ Звенигорода, Галича, Стародуба, Переяславля, Бѣлгорода, Вышгорода, Перемышля и друг. Окрестились въ нарождающейся русской столицѣ Владимирѣ маленькія рѣчки Лыбедью и Почайной въ воспоминаніе о такихъ же въ Кіевѣ.

Богатѣвшій, отстраивавшійся край привлекалъ къ себѣ и не однихъ гонимыхъ бѣдствіями русскихъ. По словамъ лѣтописца, во Владимиръ къ Андрею Боголюбскому приходили «сходцы» и изъ Волжской Болгаріи, и изъ Ясской земли и даже изъ западной Европы, «отъ чехъ и нѣмцы». Еще при Юріи Долгорукомъ, дававшемъ переселенцамъ «немалую ссуду», его новые города заселялись не только русскими, но и болгарами, и мордвою, и венграми, которые, по словамъ лѣтописца, «предѣлы яко многими тысячами людей наполняли». Кромѣ того, во время войны съ племянниками Юрій приводилъ въ свое княжество много плѣнныхъ иноземцевъ, такъ какъ союзниками Изяслава были короли венгерскій, польскій и чешскій. Такихъ же плѣнныхъ было много изъ волжскихъ болгаръ и финскаго племени мордвы, съ которыми Суздальскіе князья часто воевали, оспаривая у нихъ волжскія земли и торговые рынки. Въ центрѣ мордовскихъ земель былъ выстроенъ впослѣдствіи и Нижній Новгородъ на Волгѣ.

Такъ создавался новый центръ Руси на сѣверо-востокѣ и клонился постепенно къ закату блестящій вѣкъ Кіевской Руси. Она не удержалась на своей высотѣ, потому что не имѣла подъ собой прочнаго основанія, потому что величіе и блескъ ея выросли и держались преимущественно на порабощеніи высшихъ классовъ общества низшими, на угнетеніи бѣдныхъ богатыми. Въ то время, какъ князья, ихъ дружины и богатѣющіе отъ торговли купцы и бояре утопали въ роскоши, громадная масса русскаго населенія только служила имъ, подвергаясь всѣмъ бѣдствіямъ войнъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Издавна на Руси велась торговля рабами—челядью, какъ ихъ называли. Эти рабы набирались изъ взятыхъ въ полонъ инородцевъ

и своихъ же русскихъ. Вступая въ землю своего соперника, князь сжигалъ его земли и истреблялъ его «жизнь», т. е. хозяйственные запасы, хлѣбъ, скотъ и челядь.

Удачные походы такъ обезцѣнивали людей, что взятые въ полонъ продавались за гроши, какъ продавали въ Новгородѣ побѣжденныхъ суздальцевъ послѣ одной изъ войнъ съ Андреемъ Боголюбскимъ. Сначала рабы составляли преимущественно предметы торговли. Ихъ отвозили на хазарскіе и византійскіе рынки и тамъ продавали. Но, когда торговля стала упадать, челядью начали пользоваться какъ рабочей силой.

Постепенное обѣднѣніе князей развивалось одновременно съ размноженіемъ княжескаго рода. Князья родичи дѣлили между собою Русь на мелкія волости. Вслѣдствіе этого дѣленія сокращались и княжескіе доходы, состоявшіе изъ даней, торговыхъ и разныхъ другихъ пошлинъ и поборовъ съ подданныхъ. Упуская изъ рукъ всѣ эти источники обогащенія, князья взялись за обрабатыванье захватываемыхъ земель руками той же челяди. Княжеское землевладѣніе начало развиваться съ конца XI вѣка и развивалось, по мѣрѣ дробленія Руси и распространенія по степямъ половцевъ. Послѣдніе отрѣзали мало-по-малу всѣ торговые пути русскихъ на низовья Волги къ болгарамъ и хазарамъ и на югъ въ Византію. Въ лѣтописяхъ XII вѣка упоминается о громадномъ количествѣ княжескихъ селъ, наполненныхъ княжескими рабами. Во время усобицъ князья грабили другъ у друга эти богатые разсадники сельскаго хозяйства того времени. Въ одну изъ войнъ съ черниговскими князьями Изяславъ Мстиславичъ говорилъ дружинѣ о черниговскихъ князьяхъ: «се есмы села ихъ пожгли вся, и

жизнь ихъ всю, и они къ намъ не выйдутъ; а пойдемъ къ Любчу (гор. Любечъ), идеже ихъ есть вся жизнь».

Владѣя селами, со всѣми угодьями, землей и жителями, князья награждали такими же и своихъ дружинниковъ, княжихъ мужей. Тотъ же князь Изяславъ Мстиславичъ, намѣреваясь добывать Кіевъ въ 1150 году, говорилъ своей дружинѣ: «Вы есте по мнѣ изъ русскыя земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизней лишився, а я пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти; но любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налѣзу и вашу жизнь». Въ другомъ мѣстѣ подъ 1177 годомъ сообщается, что рязанскій князь Глѣбъ при нападеніи на Владимирскую землю «и села пожьже боярская, а жены и дѣти и товаръ да поганымъ на щитъ, и многы церквы запали огнемъ». Изъ тѣхъ и другихъ словъ видно, что въ XII вѣкѣ дружинники и бояре были уже землевладѣльцами.

Одновременно съ развитіемъ боярскаго землевладѣнія развивается также и церковное. Въ прежнее время князья отдавали церквамъ часть своихъ доходовъ или десятины. Эта десятина, или десятая часть, собиралась отъ даней, отъ даровъ, собираемыхъ князьями на полюдьи [1]), отъ разныхъ пошлинъ и торговли. Съ XII вѣка князья стали надѣлять своихъ богомольцевъ-монаховъ и прочее духовенство и давать на содержаніе церквей и монастырей села съ челядью. Такъ Андрей Боголюбскій далъ владимирской церкви Успенія Богородицы «свободы купленыя и съ данями и села лѣпшая, дани и десятины во всемъ и въ стадѣхъ, и торгъ десятый». Слова «свободы купленыя» указываютъ еще и на то, что въ это время села съ челядью продавали, покупали и дарили.

---

[1]) Полюдьемъ назывались поѣздки князей за данями.

Съ сокращеніемъ торговли сократился притокъ иностранныхъ денегъ, и съ конца двѣнадцатаго столѣтія замѣчается вообще обѣднѣніе южной Руси. Въ прежнее время многолюдные города, оживляемые богатыми рынками, привлекали много иностранцевъ, приносящихъ съ собой разныя знанія, которыя прививались понемногу мѣстнымъ жителямъ. Иностранцы строили русскіе храмы, украшали ихъ и расписывали ихъ стѣны, привозили на русскіе рынки разные предметы жизненнаго обихода и роскоши, неизвѣстные до сихъ поръ на Руси. Вслѣдствіе общенія съ чужими, болѣе образованными странами развивались искусства и просвѣщеніе, жизнь съ внѣшней ея стороны дѣлалась красивѣе и утонченнѣе. Но всѣмъ этимъ пользовались только верхніе слои общества, въ массѣ продолжали господствовать дикость и некультурность, народъ продолжалъ видѣть только темныя и тяжелыя стороны жизни. Овладѣвая торговыми путями, половцы жгли и грабили вмѣстѣ съ тѣмъ пограничныя селенія, и разоренные жители разбѣгались въ разныя стороны [1].

Жизнь хирѣла и затихала вокругъ кипящаго прежде дѣятельностью Кіева и переносилась въ новые центры. Однимъ изъ такихъ центровъ была Суздальская область, съ вырастающимъ Владиміромъ, гдѣ развивался мало-по-малу новый жизненный укладъ, согласно новымъ порядкамъ и новымъ условіямъ.

---

[1] См. Русь въ ея столицахъ, «Кіевъ», стр. 62 и 63.

Владимиръ. Боголюбовскій монастырь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Андрей Боголюбскій.—Его участіе въ войнахъ отца.—Своевольное удаленіе его изъ Вышгорода на родину.—Построеніе Успенскаго собора и украшеніе Владиміра.—Религіозность князя.—Борьба его съ иновѣрцами и неудачная попытка перенести митрополію во Владиміръ.—Борьба съ Новгородомъ и Кіевомъ.—Разрушеніе и униженіе Кіева.—Смерть Андрея и отношеніе къ ней населенія. — Мѣстное преданіе, относящееся къ этому событію.

Новыя начала и новыя вѣянія нарождались постепенно въ сѣверо-восточной Руси и первымъ выразителемъ ихъ изъ князей былъ сынъ Юрія Андрей. Онъ родился въ глуши и выросъ вдали отъ безпокойной, полной смятенія жизни юга. Первый городъ, который онъ получилъ въ управленіе, былъ маленькій, недавно возникшій пригородъ Владиміръ. На глазахъ Андрея

вырастали въ княженіе его отца новые города, оживлялись пустынныя поля и заселялся малолюдный до сихъ поръ край гонимыми судьбой пришельцами. Онъ видѣлъ заботы отца объ этихъ пришельцахъ, заботился о нихъ самъ, привыкъ думать, что они не обойдутся безъ помощи его или его отца, привыкъ надѣяться, что эта зависимость отъ князя создавала и почти безусловное подчиненіе ему въ этихъ новыхъ поселеніяхъ.

Не то видѣлъ Андрей въ старыхъ русскихъ городахъ. Княженіе его отца какъ разъ совпало съ возрастаніемъ силы и значенія вѣча, накладывавшаго узду на властолюбіе князей. Постоянныя распри князей между собой подорвали княжескую власть и довѣріе къ ней, выдвинули на первый планъ значеніе народнаго управленія. Народъ видѣлъ, что ему нужно самому заботиться о себѣ, самому охранять себя, насколько возможно, отъ полнаго разоренія. Принявшій по волѣ отца участіе въ княжескихъ войнахъ, Андрей ясно увидалъ всю непрочность положенія князя при такихъ условіяхъ и возненавидѣлъ жизнь, полную безпокойства, тревожныхъ смутъ и волненій. Онъ не могъ понять страстнаго влеченія отца къ кіевскому столу, старался настраивать его на примиреніе съ князьями соперниками, тянулъ его скорѣе домой, въ спокойную глушь Залѣсья, когда борьба кончалась успѣхомъ противниковъ.

Лѣтописецъ указываетъ на пылкую храбрость Андрея въ битвахъ и на способность его быстро остывать и быть спокойнымъ и разсудительнымъ, когда требуетъ этого дѣло. Онъ утѣшалъ отца, когда старикъ плакалъ горькими слезами, разставаясь второй разъ съ мечтой о кіевскомъ княженіи, которое доставалось Изяславу. «Намъ теперь дѣлать здѣсь не-

чего, батюшка, говорилъ Андрей, уйдемъ-ка домой затепло».

Получивъ, наконецъ, кіевскій столъ, Юрій всетаки не могъ чувствовать себя спокойнымъ, потому не хотѣлъ отпускать отъ себя Андрея, на котораго надѣялся больше, чѣмъ на другихъ сыновей. Онъ посадилъ его поблизости отъ себя въ Вышгородѣ. Но Андрей не чувствовалъ себя здѣсь дома и тосковалъ о своемъ захолустьѣ на сѣверѣ. Неуютно жилось здѣсь, вѣроятно, и его приближеннымъ суздальцамъ. Можетъ быть, уступая и своему желанію и ихъ уговорамъ, Андрей покинулъ Вышгородъ ночью, тайкомъ отъ отца. Вѣроятно, и не одна забота о личномъ спокойствіи побудила его къ этому поступку. Надо полагать, что въ его головѣ созрѣвалъ уже въ это время планъ возвысить землю, которую онъ считалъ созданіемъ своимъ и своего отца. Кіевъ привлекалъ къ себѣ, между прочимъ, своими святынями и чудотворными иконами. Андрей хотѣлъ придать своему родному краю этотъ религіозный ореолъ.

Въ вышгородскомъ монастырѣ была икона Богородицы, привезенная изъ Царьграда и, согласно преданію, писанная евангелистомъ Лукой. Народъ считалъ эту икону чудотворной. Разсказывали, что она мѣняла мѣсто въ храмѣ по своему желанію, уходя со стараго сама. Съ помощью церковныхъ служителей Андрей похитилъ икону и тотчасъ же скрылся изъ города вмѣстѣ съ женой и приближенными. Во время путешествія икона проявила свои чудесныя свойства, указавъ, какъ говоритъ лѣтопись, мѣсто, гдѣ желала находиться. Желаніе это совпало съ намѣреніями князя возвысить Владиміръ надъ старыми городами Ростовомъ и Суздалемъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ Владиміра остановились вдругъ ло-

шади обоза и, несмотря на всѣ усилія возницъ, не повезли дальше икону. Былъ сдѣланъ привалъ, и заснувшій Андрей увидѣлъ сонъ, подтвердившій желаніе иконы быть во Владимирѣ. Богородица явилась ему съ хартіей въ рукѣ и объявила свою волю. Согласно Ея же велѣнію былъ выстроенъ здѣсь, на мѣстѣ остановки, храмъ во имя Рождества Богородицы и основанъ монастырь. Съ теченіемъ времени здѣсь основалось и село, названное Андреемъ Боголюбовымъ, которое было любимымъ мѣстопребываніемъ этого князя и отъ котораго онъ получилъ свое прозваніе Боголюбскаго. Въ память видѣнія была написана икона, изображавшая Богородицу въ томъ видѣ, какъ видѣлъ ее Андрей, съ хартіей въ рукѣ. Церковь, выстроенная имъ здѣсь, отличалась поразительной роскошью, она блистала золотомъ и драгоцѣнными камнями. Такъ же драгоцѣненъ былъ золотой окладъ иконы, украшенный жемчугомъ и разными каменьями, сдѣланный княземъ для вышгородской иконы, которую онъ временно помѣстилъ въ этой церкви.

Заручившись согласіемъ ростовцевъ, суздальцевъ, переяславцевъ и владимирцевъ, Юрій еще при жизни закрѣпилъ Ростово-Суздальское княжество за своими меньшими сыновьями. Но послѣ его смерти города измѣнили его рѣшеніе, избравъ единогласно своимъ княземъ Андрея. Послѣдній, какъ мы уже видѣли, предпочиталъ старымъ городамъ созданный его заботами Владимиръ. По нѣкоторымъ сохранившимся извѣстіямъ, онъ не рѣшился только сразу нарушить обычай и поселился на нѣкоторое время въ Суздалѣ: «Андрей Юрьевичъ великій князь ни о чемъ болѣе какъ о строеніи Владимира и другихъ градовъ, якоже и о земскомъ распорядкѣ прилѣже, распространялъ Владимиръ, его же вельми полюбилъ и поло-

Св. князь Андрей Боголюбскій.

жилъ намѣреніе всегда тутъ пребывать, къ тому и митрополію учинить. Но ростовцамъ и суздальцамъ, яко старымъ городамъ и княжескимъ престоламъ, весьма то было противно, и сколько могли препятствовали, представляя, что сіи города издревле престольные, и Владимиръ есть новый пригородъ Суздальскій. Онъ же, не хотя народъ озлоблять, жилъ въ Суздалѣ, а во Владимиръ часто ѣздилъ на охоту и пребывалъ по нѣскольку дней».

Андрей продолжалъ украшать и обстраивать Владимиръ, въ который перебрался, въ концѣ концовъ, на постоянное жительство. Здѣсь онъ чувствовалъ себя болѣе хозяиномъ чѣмъ въ старыхъ городахъ, а къ этому онъ стремился всѣмъ существомъ своей властной натуры. Разнообразное по составу, населеніе Владимира не успѣло еще образовать цѣльнаго жизненнаго уклада и болѣе подчинялось князю, отъ котораго зависѣло его благосостояніе. Отвѣчая требованіямъ времени, Андрей былъ религіозенъ самъ и обращалъ очень много вниманія на религіозную сторону мѣстной жизни. Церкви, монастыри и духовенство были предметомъ его неусыпныхъ заботъ. Это прославляло его имя и содѣйствовало осуществленію его завѣтнаго желанія возвысить Владимиръ и дать ему первенство во всей Руси. Нелюбимый имъ Кіевъ всетаки служилъ ему образцомъ для внѣшняго вида Владимира. Кіевскіе переселенцы помогали ему въ этомъ, давая кіевскія названія мѣстностямъ и рѣчкамъ своей новой отчизны. Въ городѣ были выстроены Золотыя ворота на подобіе кіевскихъ. Андрей хотѣлъ порадовать ими владимирцевъ и неожиданно открыть ихъ къ городскому празднику Успенія Божіей Матери. Но при открытіи случилось происшествіе, сильно напугавшее князя. Известка не успѣла

высохнуть и укрѣпиться, ворота упали во время собранія и накрыли двѣнадцать человѣкъ. Андрей обратился съ мольбой къ Пресвятой Богородицѣ: «если Ты не спасешь этихъ людей, я буду повиненъ въ ихъ смерти», говорилъ онъ. Люди были извлечены невредимыми изъ-подъ обломковъ, какъ сообщаетъ лѣтописецъ.

Оградивъ городъ новыми валами и укрѣпленіями, Андрей устроилъ на среднихъ валахъ деревянныя стѣны, а между насыпями устроилъ еще четверо воротъ, кромѣ Золотыхъ: Серебряныя, Мѣдныя, Иринины и Волжскія. Укрѣпивъ такимъ образомъ городъ, князь приступилъ къ построенію въ немъ храма во имя Успенія Богородицы, который своимъ великолѣпіемъ долженъ былъ превзойти Софійскій соборъ въ Кіевѣ. По сказанію лѣтописца, были вызваны мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, каменщики и иконописцы изъ всѣхъ земель, и храмъ вышелъ «якового не бысть на Руси и никогда же не будетъ». «Христолюбивый князь Андрей,—повѣствуетъ лѣтописецъ,—уподобился царю Соломону и доспѣ въ Володимирѣ церковъ камену соборную святыя Богородицы, пречудну вельми, и всѣми различными виды украси ю отъ злата и сребра и пять верховъ ея позолоти, двери же церковныя трое золотомъ устрои, каменьемъ дорогимъ и жемчугомъ украси ю многоцѣннымъ и всякими узорочьи удиви ю и всѣми виды и устроеньемъ подобно бысть удивленію Соломонови святая святыхъ». Соборъ блисталъ золотомъ и разными украшеніями снаружи и внутри. Стѣны его были расписаны удивительными фресками, часть которыхъ сохранилась до сихъ поръ. Онъ былъ снабженъ громаднымъ количествомъ иконъ въ цѣнныхъ окладахъ, золотыми паникадилами, золотыми и серебряными

сосудами и рипидами, множествомъ шитыхъ золотомъ и жемчугомъ богослужебныхъ облаченій и пеленъ подъ иконы. Послѣдними въ большіе праздники увѣшивался весь путь («въ двѣ верви чудныхъ») отъ собора до Золотыхъ воротъ и до епископскаго дома.

Выстроенъ былъ соборъ изъ бѣлаго камня, привозимаго изъ Волжской Болгаріи. Привозился камень рѣками и выгружался на берегу Нерли, при впаденіи ея въ Клязьму. Остатки камня пошли на церковь Покрова Пресвятой Богородицы, выстроенной Андреемъ на мѣстѣ выгрузки. Церковь должна была изображать Успенскій соборъ въ маломъ видѣ.

Для поддержанія благолѣпія собора князь одѣлилъ его богатыми имѣніями, многими слободами и селами, кромѣ того, отдѣлилъ десятую часть отъ своихъ княжескихъ доходовъ. По окончаніи храма, Андрей внесъ въ него 21 сентября 1164 года вышгородскую икону Богоматери; «и въ ней постави чудный образъ Богоматери его же Лука евангелистъ написа, и обложи златомъ и каменіемъ многоцѣннымъ съ драгимъ жемчугомъ великимъ, и возложи на ню злата вящще тридца гривенокъ, и оттолѣ прозвася икона та Владимирская».

Борьба съ иновѣрцами болгарами утверждала за Андреемъ его репутацію благочестиваго князя. Въ одинъ изъ такихъ походовъ онъ взялъ съ собой вышгородскую икону, и ея чудотворному содѣйствію приписывалась потомъ одержанная надъ врагами побѣда. Въ память этого событія было установлено празднество, съ разрѣшенія цареградскаго патріарха, отъ котораго зависѣла въ то время Русская церковь. Стремясь еще больше возвысить Владиміръ, Андрей хотѣлъ перенести въ него митрополію, но патріархъ отказался исполнить его просьбу объ этомъ. Онъ не

рѣшался нарушить старый обычай и обидѣть ростовскаго митрополита назначеніемъ при его жизни другого, которому покровительствовалъ князь.

Желая оградить себя отъ возможныхъ распрей съ братьями, Андрей распорядился съ ними очень рѣшительно. Онъ прогналъ ихъ изъ Ростовской земли вмѣстѣ съ племянниками и даже боярами, которыхъ не считалъ преданными себѣ. Лѣтописецъ объясняетъ эти поступки суздальскаго князя тѣмъ, что онъ «желалъ быть самовластцемъ всей Суздальской земли». Андрей вообще мало считался со старыми русскими обычаями. Онъ не ладилъ ни съ вѣчемъ, ни съ дружинниками-боярами. Съ послѣдними онъ не дѣлилъ даже своихъ развлеченій, не бралъ ихъ съ собой на охоту и велѣлъ имъ, какъ говоритъ лѣтопись, «особно утѣху творити, гдѣ имъ годно», самъ же ѣздилъ на охоту съ немногими отроками, т. е. младшими дружинниками. Весь этотъ образъ дѣйствій князя велъ къ укрѣпленію его власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдалялъ отъ него людей, создавалъ ему враговъ.

Во всякомъ случаѣ, огражденная естественными преградами отъ вражескихъ вторженій со стороны степи и стоявшая временно внѣ княжескихъ междоусобій, Суздальская земля крѣпла и утверждалась въ своемъ значеніи сильнѣйшей земли въ Руси. Но Андрею мало было властвовать въ своемъ княжествѣ, онъ хотѣлъ распространить свою власть и свое вліяніе на всю Русскую землю. Княжескія распри онъ думалъ разбирать по своему произволу и сообразно съ нимъ распредѣлять князей по русскимъ областямъ. Унизить окончательно Кіевъ и подчинить себѣ богатый и вольный Новгородъ стало его твердымъ и опредѣленнымъ рѣшеніемъ. Въ томъ и другомъ городѣ должны были сидѣть князья изъ-подъ его руки, со-

гласные подчиниться его волѣ и признать его старѣйшинство надъ собой и другими князьями. И вотъ онъ вмѣшивается въ неурядицу, нѣсколько лѣтъ продолжающуюся въ Новгородѣ, возобновляетъ борьбу, начавшуюся еще при его отцѣ. Зависимость Новгородской области отъ суздальскаго хлѣба содѣйствуетъ его замысламъ, которые поддерживались на вѣчахъ суздальской партіей богачей. Воспользовавшись ссорой новгородцевъ съ его братомъ, княжившимъ въ Новгородѣ еще при Юріи, Андрей объявилъ имъ войну слѣдующими словами: «да будетъ вамъ вѣдомо, хочу искать Новгорода добромъ или лихомъ, чтобы вы цѣловали мнѣ крестъ имѣть меня своимъ княземъ, а мнѣ вамъ добра хотѣть». Начавшаяся послѣ этого борьба продолжалась 14 лѣтъ. Нѣсколько князей смѣнилось за это время въ Новгородѣ. Андрей добивался, чтобы князь новгородскій княжилъ тамъ «на всей его волѣ», а не «на всей волѣ новгородской», какъ велось издавна въ городѣ. Не ограничиваясь открытыми выступленіями, онъ сжигалъ и разорялъ новгородскіе пригороды и отбивалъ дань у подчиненныхъ Новгороду областей на сѣверѣ.

Въ борьбу Суздальскаго княжества съ Новгородомъ вмѣшался кіевскій князь Мстиславъ Изяславичъ, сынъ упорнаго врага Юрія Долгорукаго. Андрей воспользовался враждебными отношеніями къ нему другихъ князей, вошелъ въ союзъ съ ними и въ 1169 году послалъ сына своего Мстислава съ громадной ратью къ стѣнамъ Кіева. Въ войнѣ приняли участіе 11 князей. Во время битвы кіевлянъ подвели, по обыкновенію, ихъ союзники инородцы, торки и берендѣи, которые начали быстро отступать, чѣмъ произвели смѣшеніе въ кіевскихъ полкахъ. Мстиславъ увидалъ, что городу не устоять, и скрылся. Кіевъ былъ взятъ «ко-

пьемъ и на щитъ» и разоренъ своими же русскими такъ, какъ не разоряли его и поганые [1]). Суздальцы безпощадно избивали кіевскихъ жителей, мстя, вѣроятно, за многихъ родичей, погибшихъ послѣ смерти Юрія. Андрей хотѣлъ окончательно унизить и раздавить своимъ презрѣніемъ лежавшую въ прахѣ у его ногъ древнюю столицу. Будучи въ то время фактически великимъ и самымъ могущественнымъ княземъ на Руси, онъ не пошелъ княжить въ Кіевъ, а остался въ юномъ, едва подрастающемъ Владимирѣ. Въ Кіевъ онъ посадилъ покорнаго себѣ брата Глѣба, съ намѣреніемъ и впредь распоряжаться кіевскимъ столомъ и сажать на него князя, какого будетъ ему угодно.

Раздѣлавшись съ Кіевомъ, Андрей хотѣлъ свести на такое же положеніе и Новгородъ. Здѣсь, однако, когда дѣло дошло до открытой войны, ему не повезло. Въ слѣдующемъ же году послѣ пораженія Кіева, къ Новгороду подошло еще болѣе многочисленное войско, собранное чуть не со всей Руси. Три дня стояли союзныя войска подъ стѣнами города, но были, въ концѣ концовъ, отбиты. Новгородцы приписывали свою побѣду заступничеству чудотворной иконы Божіей Матери, вынесенной на стѣны кремля [2]). Новгородцы ожесточенно преслѣдовали бѣжавшихъ враговъ и столько забрали въ плѣнъ суздальцевъ, что продавали ихъ дешевле мелкаго скота. Но ссора съ суздальскимъ княземъ скоро должна была прекратиться. Неурожай обострилъ зависимость области отъ суздальскаго рынка, который могъ прекратить подвозъ хлѣба. Андрею тоже пришлось пойти на нѣко-

---

[1]) См. Русь въ ея столицахъ—«Кіевъ», гл. V.

[2]) См. Русь въ ея столицахъ—«Новгородъ», гл. VII.

торыя уступки и признать древнія права города. Онъ посылалъ князей изъ-подъ своей руки, но княжили они, какъ прежде, на всей волѣ новгородской.

Заносчивое обращеніе Андрея съ князьями-родичами повело его къ новому столкновенію съ ними. Глѣбъ умеръ черезъ два года послѣ взятія Кіева. Кто-то донесъ суздальскому князю, что братъ его умеръ не своей смертью, указывали и на убійцъ—нѣсколькихъ бояръ, приближенныхъ князей племянниковъ князя. Андрей потребовалъ выдачи указанныхъ убійцъ, но получилъ отказъ. Раздраженный неповиновеніемъ, Андрей хотѣлъ разогнать князей изъ кіевскаго княжества, а заклятаго своего врага Мстислава Изяславича и совсѣмъ выгонялъ изъ Русской земли. Послѣдній менѣе всѣхъ другихъ склоненъ былъ подчиняться чьей-либо волѣ, «онъ, по словамъ лѣтописца, отъ юности своей не привыкъ никого бояться, кромѣ единаго Бога». Въ старшемъ князѣ онъ привыкъ признавать перваго между равными, но не полновластнаго господина надъ всѣми. Онъ остригъ голову и бороду послу Андрея и сказалъ ему: «поди къ своему князю и скажи ему: до сихъ поръ мы почитали тебя, какъ отца, но если ты прислалъ съ такими рѣчами не какъ къ князю, а какъ къ подручнику и простому человѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ насъ разсудитъ».

Громадная союзная рать, подъ предводительствомъ 20 князей, была отвѣтомъ на кровное оскорбленіе Мстислава Суздальскому князю. Но эта сборность и разнокалиберность войска, въ которое входили ополченія многихъ городовъ, и привела его къ пораженію. Страхъ передъ могущественнымъ княземъ собралъ этихъ людей подъ его стяги, но онъ не придалъ имъ единодушія и не воодушевилъ ихъ интересомъ къ

побѣдѣ. Мстиславъ, съ нѣсколькими союзными князьями и съ меньшимъ количествомъ войска, одолѣлъ въ битвѣ и обратилъ въ бѣгство несмѣтныя рати. Эта побѣда прославила его и дала ему прозвище Храбраго. Андрею же лѣтописецъ ставитъ въ упрекъ его гордость, высокомѣрное обращеніе съ князьями-родичами: «такъ-то князь Андрей какой былъ умникъ во всѣхъ дѣлахъ, а погубилъ смыслъ свой невоздержаніемъ: распалился гнѣвомъ, возгордился и напрасно похвалился; а похвалу и гордость діаволъ вселяетъ въ сердце человѣку».

Такъ не удалось, въ концѣ концовъ, Андрею Боголюбскому установить свое безусловное единовластіе во всей Руси. Хотя репутація могущественнѣйшаго князя оставалась еще за нимъ, и болѣе слабые князья продолжали обращаться къ нему за покровительствомъ и искали въ немъ поддержки въ своихъ распряхъ изъ-за несчастнаго Кіевскаго стола. Не удалось также Андрею внушить къ себѣ расположеніе своихъ подданныхъ. Народъ, о которомъ онъ какъ будто такъ много заботился, не благоденствовалъ во время его княженія. Разсылаемые имъ правители волостей, посадники и тіуны безъ зазрѣнія совѣсти обирали народъ, самъ онъ казнилъ всякаго, кто не умѣлъ быть угоднымъ ему. О его любимцѣ, епископѣ Ѳеодорѣ, лѣтописи говорятъ, какъ о жестокомъ и кровожадномъ человѣкѣ, подвергавшемъ пыткамъ духовенство, не признававшее его верховной власти митрополита. И Андрей только тогда отправилъ епископа для наказанія къ кіевскому митрополиту, когда увидалъ, что народное волненіе возрастаетъ и можетъ имѣть плохія послѣдствія. Лѣтописецъ указываетъ на нестроеніе въ Суздальскомъ княжествѣ слѣдующими словами: «ненавидѣли князя Андрея свои домашніе,

и была брань лютая въ Ростовской и Суздальской землѣ».

Большую часть жизни Андрей проводилъ въ любимомъ своемъ селѣ Боголюбовѣ, находящемся въ десяти верстахъ отъ Владимира. Онъ обнесъ его земляными валами и частоколомъ и выстроилъ себѣ дворецъ въ оградѣ монастыря. Здѣсь, окруженный небольшимъ количествомъ приближенныхъ и слугъ, жилъ онъ замкнуто и уединенно въ промежутки между боевыми походами, здѣсь былъ и убитъ (1174 г.) тѣми же приближенными. Руководителями заговора были родственники его жены Кучковичи, мстившіе за казнь одного изъ своихъ. «Сегодня князь казнилъ одного, завтра казнитъ другого, говорили они, а потомъ доберется и до насъ, раздѣлаемся-ка съ нимъ». Обсудивъ планъ дѣйствій, заговорщики, въ числѣ которыхъ были ключникъ князя инородецъ Амбалъ и слуга еврей Ефремъ Моизичъ, пробрались ночью въ его дворецъ. По пути они зашли въ медушу (винный погребъ) и напились тамъ вина для смѣлости. Подойдя къ дверямъ спальни князя, они стали стучать въ дверь. «Господинъ!» окликнулъ одинъ изъ нихъ князя. «Кто тамъ?» спросилъ князь. «Прокопій», отвѣтилъ заговорщикъ, называя любимаго слугу князя. «Нѣтъ, это не Прокопій», отвѣтилъ князь и бросился за мечомъ, который висѣлъ всегда въ его спальнѣ. Лѣтописецъ говоритъ, что этотъ мечъ принадлежалъ св. Борису, сыну Владимира св., и Андрей никогда не разставался съ нимъ. Но Амбалъ позаботился заранѣе выкрасть мечъ. Заговорщики выломали дверь и бросились на князя. Онъ долго и упорно боролся, но, въ концѣ концовъ, обезсилѣлъ отъ полученныхъ ранъ. Думая, что дѣло кончено, заговорщики забрали одного изъ своихъ, котораго ранили, принявъ впо-

тьмахъ за князя, и стали спускаться внизъ. Въ это время Андрей пришелъ въ себя и со стономъ выползъ въ сѣни, спустился по винтовой каменной лѣстницѣ и спрятался въ углу за большимъ каменнымъ столбомъ. Заговорщики услыхали стоны и испугались. Они знали, что имъ грозитъ неминуемая гибель, если князь останется живъ. Въ спальнѣ они не нашли его. Зажгли свѣчи, обыскали лѣстницу и по стону пришли въ уголъ. Здѣсь они быстро прикончили ослабѣвшаго отъ ранъ князя, затѣмъ разыскали Прокопія, убили его и разграбили княжескія сокровища и оружіе. Затѣмъ они подобрали и вооружили дружину, опасаясь мести владимирцевъ.

Не успѣло остыть тѣло суроваго и властнаго господина, какъ разнуздались всѣ, покорявшіеся ему при жизни. Все населеніе Боголюбова бояре и чернь, бросились грабить княжескій дворецъ, не вспомнивъ даже о тѣлѣ убитаго князя. Грабежи и убійства распространились потомъ и по всѣмъ волостямъ. Грабили и убивали ненавистныхъ княжескихъ посадниковъ, тіуновъ и даже мастеровъ иноземцевъ, которымъ покровительствовалъ князь. Лѣтописецъ съ прискорбіемъ разсказываетъ объ этихъ событіяхъ: «гдѣ законъ, тамъ и обидъ много», говоритъ онъ, признавая этими словами наличность обидъ и притѣсненій, какія терпѣло населеніе отъ княжескихъ правителей, и какъ бы считая это неизбѣжнымъ. Обнаженный, искалѣченный трупъ князя валялся въ огородѣ, выволоченный туда убійцами. Послѣ долгихъ поисковъ разыскалъ, наконецъ, его тамъ одинъ изъ болѣе добросовѣстныхъ и жалостливыхъ слугъ князя. По его слезной просьбѣ Амбалъ, грабившій дворецъ, выбросилъ изъ окна коверъ, въ который слуга обернулъ тѣло своего господина. Затѣмъ онъ отнесъ его въ

церковь и требовалъ, чтобы отворили божницу. «Брось его тутъ въ притворѣ, нашелъ, съ чѣмъ возиться», грубо отвѣчали успѣвшіе уже напиться служители. Кузьма положилъ тѣло въ притворъ и сталъ причитать надъ нимъ: «Уже, господине, тебя твои паробки не знаютъ, а прежде, бывало, гость придетъ изъ Царьграда или изъ иныхъ сторонъ русской земли, а то хоть и латинянинъ, христіанинъ ли, поганый, ты, бывало, скажешь: поведите его въ церковь и на полаты, пусть видятъ все истинное христіанство и крестятся; и болгары и жиды и всякая погань—всѣ, видѣвшіе славу Божію и церковное украшеніе, плачутъ о тебѣ; а эти не велятъ тебя въ церкви положить».

Двое сутокъ лежало тѣло князя въ притворѣ, духовенство боялось отперетъ церковь и служить панихиды, а населеніе продолжало безчинствовать. Наконецъ пришелъ игуменъ монастыря и настоялъ на томъ, чтобы открыли церковь, положили въ гробъ тѣло князя и отпѣли его.

Во Владимирѣ происходило въ это время то же, что въ Боголюбовѣ и во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ. Народное волненіе было успокоено однимъ изъ священниковъ, догадавшимся пройти по городу въ полномъ облаченіи, съ причтомъ и съ чудотворной иконой. Только черезъ шесть дней послѣ смерти князя опомнились владимирцы и рѣшили перевезти его тѣло изъ Боголюбова въ новую столицу Суздальскаго княжества и всей Руси Владимиръ. Они отправили въ Боголюбовъ игумена Богородицкаго монастыря и сказали успокоившему ихъ священнику: «собери всѣхъ поповъ, облачитесь въ ризы, станьте съ образомъ Богородицы передъ Серебряными воротами и ждите князя».

Серебряныя ворота вели на дорогу изъ Боголюбова. Сюда вышелъ народъ и дожидался погребальной процессіи. Накопившееся годами озлобленіе нашло свой исходъ въ буйствѣ и грабежѣ, теперь же заговорила во многихъ совѣсть и вспомнили, что отъ князя, кромѣ зла, видѣли и добро. Погребальное пѣніе растрогало души, и народъ сталъ плакать и причитать: «Ужъ не въ Кіевъ ли ты собрался, господинъ нашъ, не въ ту церковь ли у Золотыхъ воротъ, которую послалъ ты строить на великомъ дворѣ Ярославовомъ. Ты говорилъ: хочу построить церковь, такую же, какъ и ворота эти Золотыя, да будетъ память всему отечеству моему». Похоронили Андрея въ выстроенномъ имъ Успенскомъ соборѣ.

До сихъ поръ сохранилась въ Боголюбовѣ часть дворца Андрея Боголюбскаго. Въ видѣ невысокаго четыреугольнаго зданія примыкаетъ эта часть къ перестроенной церкви Рождества Богородицы, основанной этимъ же княземъ. Сѣни и моленная комната Андрея сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ. На это указываетъ своеобразная архитектура самаго зданія, оконъ и украшеній наружныхъ стѣнъ. Сохранилась и винтовая лѣстница, съ широкими каменными ступенями, по которой Андрей сползъ изъ сѣней внизъ, и массивный, четырехугольный каменный столбъ, и темный закоулокъ, въ которомъ спрятался израненный князь. Въ небольшомъ дворикѣ церкви указываютъ мѣсто, гдѣ лежало обнаженное тѣло, когда Амбалъ выбросилъ коверъ изъ окна сѣней.

Существуетъ преданіе, что братья Андрея разыскали его убійцъ и, засмоливъ ихъ въ коробахъ, бросили въ Плавучее, озеро, въ десяти верстахъ отъ

Владимира. Мшистыя торфяныя кочки, плавающія по озеру, народъ принимаетъ за короба, въ которыхъ мучаются до сихъ поръ убійцы. Разсказываютъ, что по временамъ доносятся ихъ стоны съ озера, усиливающіеся особенно въ ночь на 29 іюня, когда совершено было убійство.

Владимиръ. Успенскій Каѳедральный соборъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вѣче во Владимірѣ обсуждаетъ вопросъ о новомъ князѣ.— Борьба племянниковъ Андрея Боголюбскаго съ его братьями.— Великій князь Михаилъ Юрьевичъ. — Новыя усобицы городовъ и князей.—Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ.—Его борьба съ Новгородомъ.— Его заботы о Владимірѣ.—Междоусобіе его сыновей послѣ его смерти.— Великій князь Константинъ Всеволодовичъ.

Старшіе города не могли простить Владиміру его быстраго и неожиданнаго возвеличенія. Маленькій, незначительный пригородъ, возникшій и выроставшій на глазахъ старыхъ бояръ и городскихъ представителей Ростова и Суздаля, постоянно раздражалъ ихъ самолюбіе. Но великій и властный князь провозгласилъ его столицей всей Руси и сдѣлалъ его прави-

тельственнымъ центромъ всего Суздальско-Ростовскаго княжества. Здѣсь жилъ этотъ князь, былъ погребенъ, надъ городомъ какъ будто витала еще его грозная, суровая тѣнь. Именитые ростовцы, суздальцы и переяславцы и вся дружина городовъ съѣхались во Владимиръ для обсужденія вопроса о новомъ князѣ. Откладывать и ждать было опасно, сосѣдніе князья муромскіе и рязанскіе могли придти со своими дружинами и силою овладѣть великокняжескимъ столомъ.

«Дѣлать нечего, говорили городскіе представители на вѣчѣ, такъ ужъ случилось, князь нашъ убитъ, дѣтей у него здѣсь нѣтъ, сынокъ его молодой въ Новгородѣ, братья въ Руси [1]), за какимъ же княземъ намъ послать?» А рязанскіе послы были ужъ здѣсь и ходатайствовали за родственниковъ своего князя, старшихъ племянниковъ Андрея Боголюбскаго. Старшіе города забыли, какъ говоритъ лѣтописецъ, о томъ, что когда-то цѣловали крестъ еще Юрію Долгорукому, чтобы имѣть своими князьями его младшихъ сыновей Михаила и Всеволода. Поддавшись уговорамъ пословъ, рѣшили позвать племянниковъ Ярополка и Мстислава Ростиславичей. Но эти не поѣхали одни, а позвали съ собой дядей, которые жили въ одномъ съ ними городѣ Черниговѣ. «Либо добро, либо лихо намъ всѣмъ, говорили они, пойдемъ всѣ четверо, Юрьевичей двое, да Ростиславичей двое». Однако ростовцы и суздальцы вовсе не желали пріѣзда Юрьевичей. Они думали, что молодые Ростиславичи будутъ больше въ ихъ волѣ, волѣ старшихъ городовъ, а Юрьевичи пойдутъ по слѣдамъ брата Андрея и изберутъ своимъ стольнымъ городомъ Владимиръ.

---

[1]) Русью въ то время называлась южная, кіевская Русь.

Сразу поднялась смута, князья разъѣхались въ разныя стороны: Михаилъ Юрьевичъ поѣхалъ во Владиміръ, а Ярополкъ Ростиславичъ въ Ростовъ, другіе два князя были еще въ пути. По мнѣнію ростовцевъ и суздальцевъ, Владиміръ, населенный простыми ремесленниками, могъ бы и вовсе безъ князя обойтись. «Пожжемъ Владиміръ, говорили они, или пошлемъ туда посадника, то наши холопы каменщики». Граждане Переяславля—тоже новаго города—были заодно съ владимирцами, но дружины обоихъ городовъ были на сторонѣ ростовскихъ бояръ. Семь недѣль выдерживали владимирцы осаду, заперевшись съ Михаиломъ въ городѣ. Наконецъ голодъ принудилъ ихъ сказать князю: «Мирись, князь, либо промышляй о себѣ». «Вы правы, отвѣтилъ Михаилъ, не погибать же вамъ изъ-за меня», и уѣхалъ обратно въ Русь, горько оплакиваемый владимирцами. Посадника не удалось послать во Владиміръ, но княземъ тамъ сталъ одинъ изъ Ростиславичей, другой остался въ Ростовѣ.

Скоро увидали владимирцы чужого человѣка въ своемъ князѣ. Прежде всего онъ сдѣлалъ то, что дѣлали обыкновенно князья, пріѣзжая въ чужую область. По всѣмъ городамъ и селеніямъ онъ разсадилъ новыхъ посадниковъ и тіуновъ изъ пріѣхавшихъ съ нимъ дружинниковъ. Начались немедленно всевозможные неправильные поборы, взыски и взятки. Это, пожалуй, не было новостью для жителей, иныхъ посадниковъ и тіуновъ они, вѣроятно, и не знали, но князья Ростиславичи этимъ не ограничились. Лѣтописецъ оправдываетъ ихъ молодостью и говоритъ, что они поддавались вліянію своихъ бояръ, которые учили ихъ наживаться, какъ можно больше. Въ чужой для нихъ странѣ все было для нихъ чужое, даже

святыня и гордость Владимира Успенскій соборъ не вызывалъ въ нихъ другихъ чувствъ, кромѣ чувства алчности. Съ первыхъ же дней были забраны ключи отъ ризницы и ограблены многія сокровища храма. Отобрали также князья и дани селъ и городовъ, дарованныхъ Андреемъ на поддержаніе благолѣпія собора. Въ хищеніяхъ участвовалъ и рязанскій князь Глѣбъ, зять Ярополка, къ нему, въ концѣ концовъ, отослана была и сама вышгородская икона Богоматери.

Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія владимирскихъ гражданъ. Они собрались на вѣче и стали толковать между собой. «Мы приняли князей на всей нашей волѣ, говорили они, князья крестъ цѣловали, что не сдѣлаютъ намъ никакого зла, ни нашему городу, а теперь они точно не въ своей волости княжатъ, точно не хотятъ долго сидѣть у насъ, грабятъ не только всю волость, но и церкви. Промышляйте-ка, братья!» Не встрѣтивъ поддержки въ ростовцахъ и суздальцахъ, владимирцы рѣшили дѣйствовать вмѣстѣ съ переяславцами и послали въ Черниговъ за Михаиломъ. Въ Москвѣ Михаилъ былъ встрѣченъ отрядомъ владимирцевъ съ молодымъ княземъ Юріемъ Андреевичемъ во главѣ. Суздальскія и ростовскія дружины были на этотъ разъ побѣждены, Ростиславичи бѣжали, а Михаилъ съ честью и славой вошелъ во Владимиръ.

Лѣтописецъ прославляетъ владимирцевъ за ихъ благоразуміе и справедливость, порицаетъ высокомѣріе ростовцевъ и суздальцевъ и такъ разсказываетъ о вокняженіи Михаила Юрьевича: «И была радость большая во Владимирѣ, когда онъ увидалъ опять у себя великаго князя всей Ростовской земли. Подивимся чуду новому, великому и преславному Божія

Матери, когда заступила Она свой городъ отъ великихъ бѣдъ и гражданъ своихъ укрѣпляетъ: не вложилъ имъ Богъ страха, не побоялись двоихъ князей и бояръ ихъ, не посмотрѣли на ихъ угрозы, семь недѣль прожили безъ князя, положивши всю надежду на Святую Богородицу и на свою правду. Новгородцы, смольняне, кіевляне и полочане и всѣ власти какъ на думу на вѣча сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ; а здѣсь городъ старый — Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре захотѣли свою правду поставить, а не хотѣли исполнять правды Божіей, говорили: «Какъ намъ любо, такъ и сдѣлаемъ, Владимиръ пригородъ нашъ». Воспротивились они Богу и Святой Богородицѣ и правдѣ Божіей, послушались злыхъ людей ссорщиковъ, не хотѣвшихъ намъ добра по зависти. Не сумѣли ростовцы и суздальцы правды Божіей исправить, думали, что они старшіе, такъ и могутъ дѣлать все по своему; но люди новые, худые владимирскіе, уразумѣли, гдѣ правда, стали за нее крѣпко держаться, сказали: «либо Михаила князя себѣ добудемъ, либо головы свои сложимъ за Святую Богородицу и за Михаила князя»; и вотъ утѣшилъ ихъ Богъ и св. Богородица: прославлены стали владимирцы по всей землѣ за ихъ правду».

Но во всей этой ссорѣ старшихъ городовъ съ младшими руководили высшіе классы Ростова и Суздаля—бояре, купцы и дружина—низшее населеніе если и шло на войну за князей Ростиславичей, такъ по принужденію. Потому, когда восторжествовалъ Михаилъ надъ племянниками, пришли послы отъ суздальцевъ и сказали: «Мы, князь, не воевали противъ тебя съ Мстиславомъ, а были съ нимъ одни наши бояре; такъ ты не сердись на насъ и ступай къ намъ». Михаилъ былъ и въ Ростовѣ и въ Суздалѣ,

принялъ отъ жителей крестное цѣлованье и дары, но жить остался во Владимирѣ, а брата Всеволода посадилъ въ Переяславлѣ, такъ какъ съ переяславцами, по словамъ лѣтописца, «имяхутъ володимерцы едино сердце».

Урядившись съ ростовцами и суздальцами, Михаилъ сталъ устраивать дѣла владимирскія. Прежде всего вернулъ онъ Успенскому собору захваченные у него города и волости, затѣмъ хотѣлъ идти въ Рязань отнимать у князя сокровища собора и владимирскую святыню чудотворную икону Богоматери. Но Глѣбъ призналъ свою вину и вернулъ все награбленное и икону, которую народъ встрѣтилъ съ великой радостью и торжественно поставилъ на прежнее мѣсто въ соборѣ. Княженіе Михаила было спокойное, но продолжалось недолго, такъ какъ черезъ годъ Михаилъ умеръ.

Еще разъ попытался Ростовъ бороться за свое старшинство. Михаилъ умеръ не дома, а въ Городцѣ на Волгѣ, и едва дошли только въ Суздальскую землю слухи о его смерти, какъ бояре ростовскіе послали къ Мстиславу Ростиславичу въ Новгородъ. «Ступай, князь, къ намъ, сказали послы, Михалка Богъ взялъ на Волгѣ въ Городцѣ, а мы хотимъ тебя, другого не хотимъ». А владимирцы съ своей стороны вышли за Золотыя ворота и цѣловали крестъ не только самому Всеволоду Юрьевичу, но и дѣтямъ его. До сихъ поръ такъ не дѣлалось,—великокняжескій столъ не закрѣплялся за сыновьями князя. Этимъ владимирцы отказывались отъ права выбора слѣдующаго князя, а какъ бы переходили къ нему по наслѣдству. И въ выборѣ Всеволода проявилась опять воля простого народа, дружинники и бояре не хотѣли имѣть одного князя съ черные владимирской. Всеволодъ думалъ

обойтись безъ битвы и уладить дѣло договоромъ съ Мстиславомъ: «Братъ, сказалъ онъ ему, если тебя привела старшая дружина, то ступай въ Ростовъ, тамъ и помиримся; тебя ростовцы, привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ привелъ, да владимирцы съ переяславцами; а суздальцы пусть выбираютъ изъ насъ двоихъ, кого хотятъ». Бояре ростовскіе не позволяли и думать Мстиславу о мирѣ, дѣло кончилось битвой, и владимирцы одержали верхъ. Такимъ образомъ старые вѣчевые города потерпѣли пораженіе въ борьбѣ съ князьями сѣверо-восточной Руси, которые чувствовали себя хозяевами ея.

Но борьба Всеволода съ племянниками этимъ не кончилась. На помощь къ Мстиславу пришелъ Глѣбъ рязанскій и пожегъ Москву. Всеволодъ вступилъ въ войну съ нимъ въ союзѣ съ нѣкоторыми южными князьями. Пока онъ былъ въ пути, Глѣбъ привелъ половцевъ на Владиміръ, разграбилъ Боголюбовскій соборъ и церкви владимирскія, сжегъ села боярскія, а женъ и дѣтей ихъ отдалъ въ плѣнъ поганымъ. Всеволодъ вернулся назадъ и въ битвѣ, которая была черезъ мѣсяцъ, снова одержалъ побѣду. Князья, дружина и бояре были взяты въ плѣнъ. Владимирцы требовали казни ихъ, поднялся мятежъ, бояре и купцы говорили Всеволоду: «Князь, мы тебѣ добра хотимъ и головы за тебя складываемъ, а ты нашихъ злодѣевъ рязанскихъ князей и ихъ вельможъ, плѣненныхъ нашими руками, держишь на свободѣ. А съ другой стороны злодѣи наши ростовцы и суздальцы между нами кроются, смотря только удобнаго времени, како бы намъ какое зло учинить. Либо казни ихъ, либо ослѣпи, либо отдай намъ». Всеволодъ не согласился на ослѣпленіе и казнь, но засадилъ всѣхъ плѣнниковъ въ тюрьму, чтобы успокоить мятежниковъ.

Успокоилось волненіе во Владимирѣ, успокоилось и во всей Ростово-Суздальской землѣ. Простые люди города Ростова устали отъ распрей, тяжесть которыхъ ложилась преимущественно на ихъ головы. Они сами помогали Всеволоду устранять руководителей смуты бояръ и дружинниковъ, ловили ихъ и связанныхъ отводили къ князю. Усмиривъ враговъ, Всеволодъ хотѣлъ окончательно утвердить свое положеніе и, подобно брату своему Андрею, обезопасилъ себя со стороны родственниковъ. Всѣ племянники были удалены изъ Ростово-Суздальской области, и ничье вмѣшательство не грозило больше единодержавію князя. Также примѣру Андрея и Юрія слѣдовалъ онъ и въ своихъ отношеніяхъ къ Новгороду, дѣйствуя только хитрѣе и осторожнѣе своихъ предшественниковъ. Дѣлая видъ, что уважаетъ старыя права вольнаго города, Всеволодъ незамѣтно подчинялъ его своей власти, идя испытаннымъ, вѣрнымъ путемъ подрыва торговли и благосостоянія новгородскихъ купцовъ. Главнымъ опорнымъ пунктомъ суздальскихъ князей въ ихъ распряхъ съ Новгородомъ былъ всегда пограничный городъ Новгородской земли Торжокъ. Занявъ Торжокъ при началѣ военныхъ дѣйствій, князья сразу отрѣзывали путь для подвоза хлѣба въ Новгородъ, и въ области начинался голодъ. Такъ случилось и въ княженіе Всеволода. Онъ взялъ Торжокъ, когда въ Норгородѣ появился неугодный ему князь. Новгородцы побоялись ссориться съ могучимъ властителемъ Суздальской земли и взяли князя изъ-подъ его руки. Въ другой разъ подручный его князь, поссорившись съ новгородцами, засѣлъ въ Торжкѣ и сталъ брать дани съ сѣверныхъ земель, принадлежащихъ Новгороду. Всеволодъ въ то же время перехватывалъ всюду новгородскихъ купцовъ и задер-

живалъ ихъ плѣнниками во Владимирѣ. Пришлось сотскимъ и лучшимъ людямъ города ѣхать мириться съ Всеволодомъ. Но смута не улеглась въ Новгородѣ, и лучшіе люди снова поѣхали во Владимиръ. «Ты господинъ, говорили они Всеволоду, ты Юрій, ты Владимиръ. Просимъ у тебя сына княжить въ Новгородъ».

Всеволодъ призвалъ владыку и посадника изъ Новгорода и вручилъ имъ своего десятилѣтняго сына Святослава. Послѣ этого онъ руководилъ уже не только князьями и посадниками, но и владыку поставлялъ самъ, вопреки старинному новгородскому обычаю, по которому владыка выбирался на вѣчѣ. Наконецъ, онъ прислалъ на мѣсто малолѣтняго Святослава старшаго сына Константина, сказавъ ему: «Сынъ мой Константинъ! На тебя Богъ положилъ старшинство во всей братьѣ твоей, а Новгородъ Великій—старшее княженіе во всей Русской землѣ; по имени твоемъ и хвала твоя такая: не только Богъ положилъ на тебѣ старшинство въ братьѣ твоей, но и во всей Русской землѣ; и я тебѣ даю старшинство, поѣзжай въ свой городъ». Но до конца удержать въ своей власти Новгородъ Всеволоду всетаки не удалось. Вольные новгородцы не могли долго сносить притѣсненія, южные князья пріучили ихъ къ иному отношенію къ старымъ правамъ города. И вотъ граждане послали на югъ къ торопецкому князю Мстиславу, сыну знаменитаго и любимаго князя ихъ Мстислава Храбраго [1]). Всеволодъ вообще остерегался войнъ, потому уступилъ Мстиславу и отпустилъ задержанныхъ во Владимирѣ купцовъ и ихъ товары. Такимъ образомъ Всеволодъ потерпѣлъ неудачу въ

[1]) См. Русь въ ея столицахъ—«Новгородъ», гл. VII, стр. 104.

столкновеніи съ Мстиславомъ, сыномъ того Мстислава, который обратилъ въ бѣгство войска Андрея.

И въ отношеніяхъ къ Кіеву и южной Руси Всеволодъ шелъ по слѣдамъ Андрея Боголюбскаго. Заставивъ признать себя великимъ княземъ всей Русской земли, онъ, подобно старшему брату, не поѣхалъ въ Кіевъ, не польстился на столъ отца и дѣда, а правилъ южной Русью съ береговъ Клязьмы. Но Мстиславъ Храбрый былъ послѣднимъ кіевскимъ княземъ, отказавшимся быть подручникомъ суздальскаго князя. Слѣдующіе князья только тогда и чувствовали себя болѣе прочными на кіевскомъ столѣ, когда получали его изъ рукъ Всеволода. Такъ оказалось на Руси два великихъ князя—кіевскій и владимирскій, но первый былъ старшимъ и великимъ только по названію, а второй на самомъ дѣлѣ. Даже въ самой отдаленной русской окраинѣ—Галицкой землѣ—князь отдалъ себя подъ защиту своего родича во Владимирѣ. «Отецъ и господинъ!» сказалъ онъ черезъ посла Всеволоду, «удержи Галичъ подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ волѣ твоей всегда».

Жестоко обошелся Всеволодъ съ рязанцами, осмѣлившимися выйти изъ повиновенія ему. Онъ приказалъ перехватать горожанъ съ семействами, разослалъ ихъ по разнымъ городамъ, лишилъ свободы епископа, а самый городъ сжегъ. Такимъ образомъ была покорена Рязанская земля и присоединена къ Владимирскому княжеству. Слава Всеволода, какъ могущественнаго и сильнаго князя, гремѣла по всей Руси. «Его имени, говоритъ лѣтописецъ, трепетаху вся страны и по всей землѣ изыде слухъ его и вся зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его». Пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», замѣчательнаго литературнаго про-

изведенія XII вѣка, взываетъ къ Всеволоду о помощи южно-русскимъ князьямъ въ ихъ несчастномъ походѣ на половцевъ въ 1185 году. «Великій князь Всеволодъ! И мыслію тебѣ не прилетѣть издалека, наблюсти отчаго стола золотого! Ты вѣдь можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донъ шлемами вылить!»[1]) Такъ возвеличенъ былъ суздальскій князь и такъ на виду у всей Руси была Ростово-Суздальская область, или теперь уже великое княжество Владимирское, въ XII вѣкѣ. А еще въ началѣ этого вѣка это былъ глухой, заброшенный край, который получали младшіе въ родѣ князья въ придатокъ къ другимъ удѣламъ. Истощаемыя разными неурядицами, южныя области отдавали свои соки, способствующія росту новаго княжества. Пришельцы заселяли пустыя пространства и насаждали въ нихъ принесенную съ собой культуру.

Всеволодъ продолжалъ дѣло брата въ украшеніи и обстраиваніи Владимира. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ берега Клязьмы, вблизи Успенскаго собора, построилъ онъ свой княжескій дворъ. Красивые холмы надъ Клязьмой, увѣнчанные златоглавыми храмами, нѣсколько напоминаютъ днѣпровскіе холмы въ Кіевѣ. Невольно приходитъ въ голову мысль о желаніи сѣверныхъ князей придать своей новой столицѣ хоть часть красоты и обаянія ея прославленной предшественницы. И, дѣйствительно, князья, отстраивая и украшая Владиміръ, подражали Кіеву и переносили оттуда названія церквей, воротъ и мѣстностей. Первый дѣтинецъ или средній городъ во Владимирѣ, выстроенный еще Андреемъ Боголюбскимъ, былъ названъ имъ Печернимъ въ подражаніе Печерскаго въ Кіевѣ.

---

[1]) Слово о полку Игоревѣ. Редакц. и перев. Прив.-доц. С. К. Шамбинаго. Книгоизд. «Польза». Москва.

Въ этомъ Печернемъ городѣ основалъ впослѣдствіи Всеволодъ Рождественскій мужской монастырь. Въ лѣтописи подъ 1191 годомъ отмѣчено построеніе перваго храма въ этомъ монастырѣ: «того же лѣта заложи великій князь Всеволодъ церковь каменну въ градѣ Володимерѣ Рождество св. Богородицы августа 22 день при епископѣ Іоаннѣ». Дальше сообщается, что при заложеніи церкви присутствовалъ самъ великій князь и весь дворъ его при полномъ собраніи вельможъ и бояръ. По обычаю были пожалованы на содержаніе монастыря многія села и угодья. Наконецъ, Всеволодъ завершилъ украшенія кремля построеніемъ дивнаго храма во имя Дмитрія Солунскаго, хоры котораго были соединены переходами съ покоями княжескаго дворца.

Ростовцы съ презрѣніемъ называли владимирцевъ каменщиками, въ ихъ захолустной области были прежде бояре, дружинники, купцы, земледѣльцы, но не было мастеровъ и ремесленниковъ. Мало было городовъ, просты и незатѣйливы были ихъ храмы, никто не думалъ объ украшеніи ихъ. Первыя каменныя церкви, выстроенныя еще Юріемъ Долгорукимъ (1152 г.) въ Переяславлѣ Залѣсскомъ и селѣ Кидекшѣ, ничѣмъ не отличались отъ древнихъ кіевскихъ церквей. Но Андрей Боголюбскій не напрасно вызывалъ лучшихъ мастеровъ изъ всѣхъ земель для построенія и украшенія Успенскаго собора. Они научили мастерству владимирскихъ жителей и положили основу для процвѣтанія здѣсь искусствъ какъ строительнаго, такъ и разныхъ другихъ. Всеволодъ, жившій до своего великаго княженія около семи лѣтъ въ Греціи, также привезъ художниковъ и мастеровъ въ Суздальскую область и во Владимиръ, но при построеніи имъ храмовъ впослѣдствіи работаютъ уже мѣстные люди,

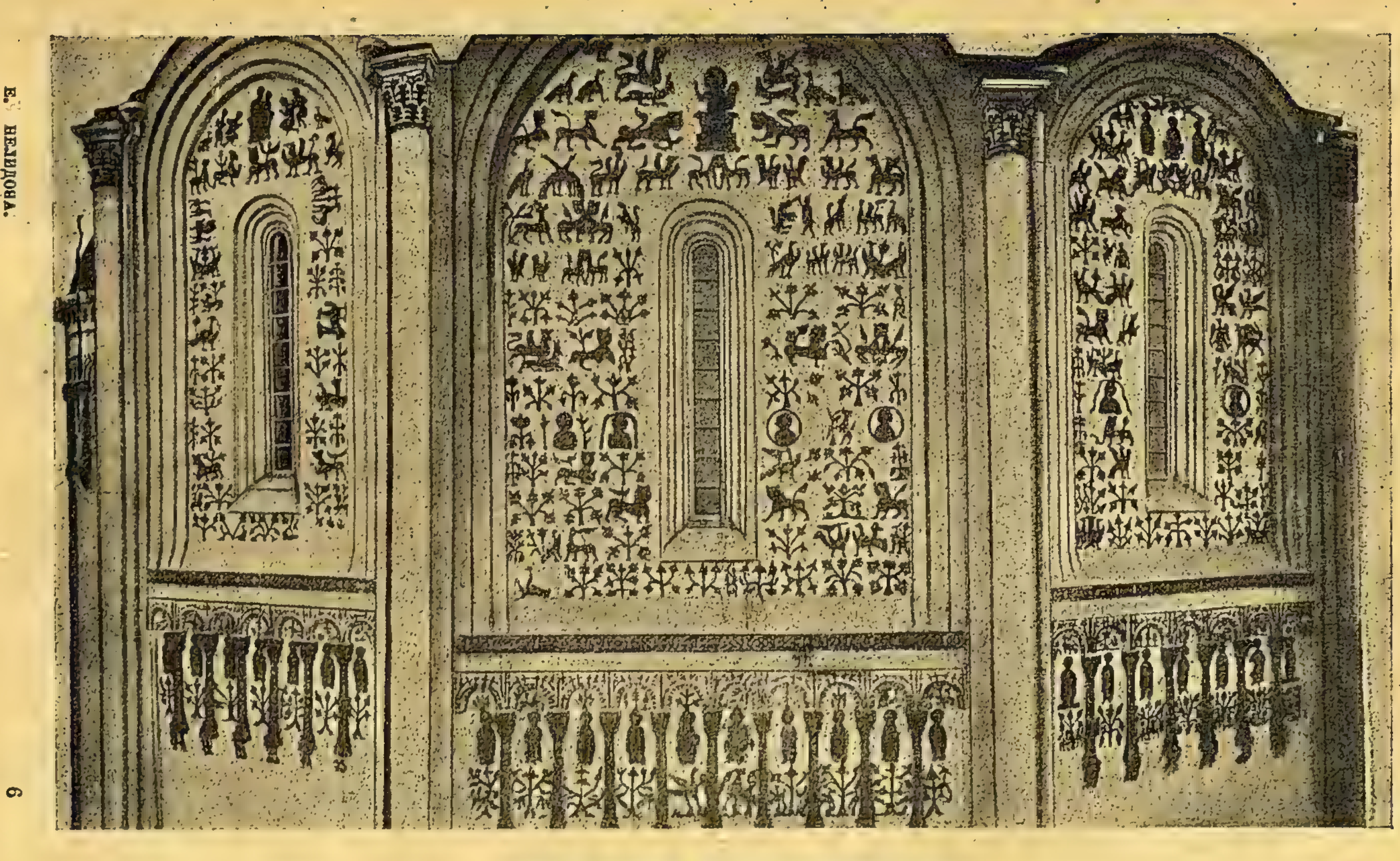
Сѣверныя двери Дмитріевскаго собора.

пользуясь, можетъ быть, только указаніями иностранцевъ. Лѣтописецъ указываетъ, что ростовскій епископъ Іоаннъ для возобновленія соборной церкви въ Суздалѣ (1195 г.) изъ Владимира вызывалъ искусныхъ мастеровъ, умѣвшихъ лить олово, крыть крыши и бѣлить известью.

Послѣ страшнаго пожара, опустошившаго Владиміръ въ 1185 году, много нужно было рабочихъ рукъ для возстановленія сгорѣвшихъ храмовъ и для новыхъ крупныхъ построекъ, затѣянныхъ Всеволодомъ. Объ этомъ пожарѣ такъ повѣствуетъ лѣтопись: «Въ томъ же лѣтѣ бысть пожаръ великъ въ градѣ Володимерѣ мѣсяца апрѣля въ 13 день, въ среду, погорѣ бо мало не весь городъ, и княжъ дворъ великій сгорѣ, и церковій числомъ 32 и соборная церковь святая Богородица златоверхая, юже бѣ украсилъ Благовѣрный князь Андрей, загорѣся сверху, и что бяше внѣ и вну узорочій и поникадила серебреная и сосудъ златыхъ и серебреныхъ безъ числа и портъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ, все огнь взя, безъ утеча, кромѣ владимерской чудотворной иконы Богоматери, которая сохранена была невредимою Божіимъ покровеніемъ». Послѣ возобновленія Успенскаго собора и построенія Рождественскаго и Дмитріевскаго, Всеволодъ обнесъ весь холмъ новыми каменными стѣнами.

Дмитріевскій соборъ отличается отъ всѣхъ окружающихъ его храмовъ своимъ внѣшнимъ видомъ, онъ выстроенъ по образцу церкви Покрова на Нерли и носитъ на себѣ слѣды уже не восточнаго византійскаго вліянія, а западнаго «романскаго». Небольшой, бѣлый, легкій и изящный, онъ поражаетъ стройностью и соразмѣрностью своихъ частей. Посреди стѣнъ, кругомъ всего собора идетъ роскошный узорчатый

Е. НЕЛИДОВА. 6

Сѣверная стѣна Дмитріевскаго собора.

поясъ. Такіе пояса составляли характерный признакъ владиміро-суздальской архитектуры того времени. Отличительными особенностями этой архитектуры являются также дѣленіе наружныхъ стѣнъ тонкими полуколонками и затѣмъ обиліе лѣпныхъ и рѣзныхъ украшеній на стѣнахъ снаружи. Въ этихъ особенностяхъ и сказывается вліяніе архитектуры западной Европы. Всѣ стѣны Дмитріевскаго собора, особенно кверху отъ пояса до кровли испещрены такими украшеніями, состоящими изъ высѣченныхъ на камнѣ фигуръ святыхъ, различныхъ цвѣтовъ, травъ, фантастическихъ птицъ и животныхъ. Внутреннія стѣны храма, такъ же какъ и стѣны Успенскаго собора, расписаны фресками.

Всеволодъ носитъ въ исторіи прозваніе «Большого Гнѣзда», вѣроятно, за свое многочисленное семейство. Послѣ него осталось шесть сыновей, и онъ раздѣлилъ между ними великое княжество Владимирское, которое начало съ этихъ поръ дробиться на удѣлы. Отъ него отдѣлились удѣлы Ростовскій, Переяславскій, Юрьевскій и Стародубскій. Между старшими сыновьями Всеволода — Константиномъ и Юріемъ началась вражда еще при жизни отца и по его винѣ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ послалъ въ Ростовъ за княжившимъ тамъ Константиномъ, чтобы за нимъ утвердить Владимиръ, а второму — Юрію передать Ростовъ. Но Константинъ, вѣроятно, боялся возобновленія смутъ между старшимъ и младшимъ городами, потому просилъ отца оставить за нимъ тотъ и другой. Всеволодъ былъ разсерженъ противорѣчіемъ сына и послѣ совѣта съ епископомъ рѣшилъ передать великокняжескій столъ второму сыну помимо старшаго. Всеволодъ умеръ въ 1212 году, послѣ 37 лѣтъ княженія, а черезъ годъ уже разгорѣлась усо-

бица между его сыновьями. По словамъ лѣтописца, Константинъ «разгорѣлся яростью, воздвигнулъ брови свои гнѣвомъ» на брата Юрія, на бояръ и духовенство, не отсовѣтовавшихъ отцу лишить его старшинства. Въ это же время другіе два брата разсорились съ Юріемъ и присоединились къ Константину. Жители областей ввязались въ усобицу братьевъ и стали перебѣгать отъ одного къ другому. Съ Юріемъ остался только одинъ Ярославъ, который и поспѣшилъ утвердить себя въ Переяславлѣ, княземъ котораго его назначилъ отецъ. Онъ собралъ переяславцевъ и сказалъ имъ: «Братья переяславцы! отецъ мой отошелъ къ Богу, васъ отдалъ мнѣ, а меня отдалъ вамъ на руки; скажите же, братцы, хотите ли имѣть меня своимъ княземъ и головы свои сложить за меня?» Переяславцы отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ: «И очень хотимъ. Ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ!» Затѣмъ цѣловали крестъ ему.

Двѣ попытки Константина отнять владимирскій столъ у Юрія кончились неудачей. Суздальское княжество раздѣлилось тогда на двѣ области: Юрій господствовалъ во Владимирѣ и Суздалѣ, Константинъ въ Ростовѣ и Ярославлѣ. Оба князя добивались единодержавія, злобствовали другъ на друга, считали другъ друга хищниками. Борьба разыгралась особенно сильно, когда Ярославъ Переяславскій сталъ притѣснять новгородцевъ, и эти призвали на помощь Мстислава съ юга. Юрій и его союзники расчитывали и на этотъ разъ имѣть полный успѣхъ. Мстиславъ нѣсколько разъ пытался убѣдить его не доводить дѣло до кровопролитія и примириться со старшимъ братомъ, но онъ не шелъ ни на какія уступки. Въ окончательной битвѣ на берегу рѣки Липицы Юрій былъ разбитъ на-голову. Ужасная была эта битва. По разсказу лѣто-

писца, «крикъ, вытье раненыхъ слышны были въ Юрьевѣ и около Юрьева. Некому было погребать, многіе перетонули во время бѣгства въ рѣкѣ; иные раненые, зашедши въ пустое мѣсто, умерли безъ помощи, живые побѣжали—одни къ Владимиру, другіе къ Переяславлю, третьи въ Юрьевъ. Загнавъ трехъ коней, Юрій на четвертомъ прискакалъ во Владимиръ въ одной сорочкѣ. Во Владимирѣ никого не оставалось, кромѣ духовенства, женщинъ и дѣтей. Замѣтивъ скачущаго всадника, всѣ стали радоваться, думая, что это посолъ отъ князя съ вѣстью о побѣдѣ. Но веселье смѣнилось слезами и горемъ, когда прискакалъ Юрій въ смятеніи и ужасѣ. «Укрѣпляйте стѣны, кричалъ онъ, затворимся въ городѣ, будемъ отбиваться отъ врага». «Князь, отвѣчали ему, съ кѣмъ будемъ затворяться? Братья наши убиты или взяты въ плѣнъ». Между тѣмъ прибывали съ поля битвы раненые, искалѣченные. Юрій просилъ не выдавать его Константину и Мстиславу, обѣщалъ самъ выйти изъ города. Владимирцы согласились. Скоро подошелъ къ городу Мстиславъ съ союзниками. Мстиславъ удерживалъ своихъ людей отъ бурнаго натиска, не позволилъ имъ вторгнуться въ городъ даже тогда, когда загорѣлся тамъ княжій дворъ и вспыхнули пожары въ другихъ мѣстахъ. Юрій просилъ князей дать ему время собраться и обѣщалъ на другой день выѣхать изъ города. Рано утромъ на другой день княгиня, весь дворъ и владыка сѣли въ лодки и поѣхали внизъ по Клязьмѣ. Юрій помолился у гроба отца въ Успенскомъ соборѣ и вышелъ къ князьямъ, которые примирили его съ Константиномъ.

Слабый здоровьемъ Константинъ всего три года княжилъ во Владимирѣ. Онъ при жизни старался закрѣпить миръ и дружбу съ Юріемъ, желая оставить

на его попеченіе своихъ малолѣтнихъ еще дѣтей. Уже въ слѣдующемъ году вызвалъ онъ его изъ Радилова городца на Волгѣ и посадилъ въ Суздалѣ, обѣщая отдать Владиміръ послѣ смерти. Сыновьямъ своимъ онъ тоже указывалъ на Юрія, какъ на будущаго своего замѣстителя.

Лѣтописцы говорили о Константинѣ, какъ о человѣкѣ ученомъ, умудрявшемъ другихъ учеными бесѣдами и читавшемъ прилежно книги. По ихъ словамъ, онъ скупалъ за дорогую цѣну старинныя греческія книги и находилъ на Руси переводчиковъ для нихъ. Въ сотрудничествѣ съ приближенными людьми онъ собиралъ свѣдѣнія о дѣлахъ древнихъ князей и записывалъ ихъ.

Владимиръ. Золотыя ворота.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Внутреннее состоянiе Владимира и Владимиро-Суздальскаго княжества при Константинѣ и Юрiѣ. — Войны Юрiя съ камскими болгарами и мордвой, основанiе Нижняго Новгорода. — Появленiе татаръ на югѣ.—Княжескiй съѣздъ во Владимирѣ.—Разныя знаменiя и предвѣстники бѣдствiй передъ появленiемъ татаръ въ сѣверо-восточной Руси. — Разоренiе Рязани, Москвы и Владимира. — Гибель Юрiя и его семьи.—Начало татарскаго ига.— Великiй князь Ярославъ Всеволодовичъ.

Затишье, наступившее послѣ бурныхъ усобицъ, продолжалось до конца княженiя Константина и въ первую половину второго княженiя Юрiя. Всеволодъ передалъ сыну Владимиръ городомъ вполнѣ благоустроеннымъ, по понятiямъ того времени. Онъ приложилъ много заботъ и старанiй, чтобы возстановить

разрушенные храмы города и помочь обстроиться и наладить жизнь жителямъ, обнищавшимъ послѣ нѣсколькихъ грандіозныхъ пожаровъ. Двойной рядъ укрѣпленій земляныхъ и деревянныхъ окружалъ городъ, блистали красотой обновленные и вновь выстроенные храмы въ дѣтинцѣ. Юрію оставалось только продолжать въ этомъ отношеніи дѣло отца, если бы не мѣшали ему усобицы съ братомъ. Въ первое же княженіе ему удалось достигнуть того, къ чему безуспѣшно стремился еще Андрей Боголюбскій. Во время ссоры съ братомъ, когда области Ростовская и Суздальская отдѣлились другъ отъ друга, онъ открылъ особую епископскую каѳедру во Владимирѣ. До сихъ поръ епископъ жилъ постоянно въ старшемъ городѣ края Ростовѣ и только временами наѣзжалъ въ подчиненныя ему епархіи Владимира и Суздаля. Теперь, при ссорѣ князей владимирскаго и ростовскаго, это сдѣлалось неудобнымъ. Высшее духовное лицо въ краѣ, долженствующее быть ближайшимъ совѣтникомъ и другомъ князя, находился какъ бы между двухъ огней, долженъ былъ переѣзжать изъ одного враждебнаго лагеря въ другой. Юрій избралъ суздальскимъ епископомъ игумена Рождественскаго монастыря Симона, и кіевскій митрополитъ утвердилъ его. Симонъ покинулъ Владимиръ вмѣстѣ съ изгнанными изъ него Юріемъ и его семьей и вмѣстѣ съ ними вернулся обратно послѣ смерти Константина. Такимъ образомъ, епархія владимиро-суздальская стала независимой отъ ростовской, и черезъ это утвердилось еще больше положеніе Владимира, какъ стольнаго города. Послѣ смерти Симона на его мѣсто былъ назначенъ опять игуменъ Рождественскаго монастыря Митрофанъ. Для посвященія его Юрій привезъ кіевскаго митрополита Кирилла во Владимиръ.

Послѣ примиренія Юрія съ братомъ и въ первые годы его второго княженія внутреннее спокойствіе во Владимірѣ и во всей области не нарушалось ничѣмъ. Лѣтопись отмѣчаетъ только новые пожары, обычныя бѣдствія, такъ часто посѣщавшія деревянную Россію того времени. На мѣстѣ сгорѣвшихъ деревянныхъ жилищъ строились новыя такія же, возобновлялись и обгорѣвшіе и разрушенные храмы руками собственныхъ мастеровъ, которыхъ много развелось здѣсь за время княженія Андрея и Всеволода. Этотъ періодъ затишья передъ страшной бурей татарскаго нашествія былъ вообще періодомъ расцвѣта благосостоянія сѣверо-восточной Руси. Земля заселялась все новыми и новыми пришельцами съ мятежнаго юга, застраивались пустыри, возникали селенія и монастыри, строились новые храмы въ городахъ. Принесенные извнѣ навыки и обычаи примѣнялись къ мѣстному укладу жизни, создавалось нѣчто новое, не принявшее пока еще опредѣленной формы.

Наряду съ развившимися искусствами строительства и живописи развивалось и книжное просвѣщеніе. Имѣются указанія въ лѣтописяхъ на училище для дѣтей, открытое во Владимірѣ Константиномъ еще при жизни отца. Позднѣе одна изъ княженъ основала училище въ Суздалѣ для обученія дѣвицъ рукодѣлію, грамотѣ и церковному пѣнію. Конечно, все дѣло обученія находилось въ рукахъ духовенства, сводилось къ одной только цѣли преуспѣянія въ религіи, потому и книжное просвѣщеніе сосредоточивалось пока почти исключительно въ средѣ духовенства и князей. Князья и епископы оставляли послѣ себя богатыя книгохранилища, подъ ихъ руководствомъ и при ихъ содѣйствіи переводились на русскій языкъ многія греческія книги. Незначительныя крупицы

образованія просачивались въ массу, но въ общемъ ей предстояло еще долго коснѣть въ полной темнотѣ невѣжества.

Расширялись при Юріѣ и границы сѣверо-восточной Руси. Суздальскіе князья издавна начали распространять свои владѣнія внизъ по Волгѣ, гдѣ сталкивались съ болгарами, мордвой и другими инородцами, жившими по берегамъ Волги и Камы. Пользуясь княжеской усобицей, болгары захватили городъ Устюгъ при соединеніи рѣкъ Сухоны и Юга, имѣвшій важное торговое значеніе для суздальцевъ. Одной изъ первыхъ заботъ Юрія было отнятіе этого города и усмиреніе болгаръ. На второй же годъ своего княженія онъ собралъ большую рать подъ предводительствомъ князей-родичей. Полки сѣли въ лодки на Окѣ, потомъ спустились по Волгѣ къ Камѣ и разорили много болгарскихъ городовъ и селъ. Съ устья Камы они вернулись къ Городцу на Волгѣ, а оттуда на коняхъ поѣхали къ Владимиру. Юрій встрѣтилъ побѣдоносное войско у Боголюбова, устроилъ пиръ на три дня и одѣлилъ всѣхъ подарками. Болгары нѣсколько разъ засылали послѣ этого съ предложеніями мира, но князь не сдавался и самъ собрался во вторичный походъ на нихъ. Послы, однако, остановили его въ пути и умилостивили богатыми дарами.

Покончивъ такимъ образомъ съ болгарами, Юрій принялся за мордву. Ему важно было укрѣпить за Русью мѣсто при сліяніи Оки съ Волгой, гдѣ собирались обыкновенно полки суздальскіе и муромскіе и гдѣ можно было имѣть выгодный пунктъ для торговли. Здѣсь онъ заложилъ Нижній Новгородъ въ 1221 году. Обитавшая въ этихъ мѣстахъ мордва подчинилась русскимъ, какъ и другія финскія племена, жившія разрозненно и не имѣвшія никакихъ призна-

ковъ государственнаго устройства. Жители разбѣжались по глухимъ лѣсамъ, переселились на новыя мѣста или слились съ побѣдившимъ ихъ народомъ. Оправдалось предсказаніе чародѣя изъ мѣстной легенды, объясняющей причину покоренія мордвы русскими. Жилъ на мѣстѣ Нижняго Новгорода, говоритъ преданіе, мордвинъ Скворецъ, другъ Соловья разбойника. Было у него 18 женъ и 70 сыновей. Чародѣй Дятелъ предсказалъ ему, что если дѣти его будутъ жить мирно, то останутся владѣтелями отцовскаго наслѣдства, а если поссорятся, то будутъ покорены русскими. Потомки Скворца перессорились между собою, и мѣсто ихъ поселенія, берегъ у сліянія Оки съ Волгой, достался русскимъ.

Пока преуспѣвала, такимъ образомъ, и расширяла свои границы Русь сѣверо-восточная, надъ южной Русью, раздираемой на части враждующими между собой князьями и расхищаемой половцами, собиралась новая, еще болѣе страшная гроза. Черезъ «ворота народовъ» [1]) между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ, съ давнихъ поръ пропускавшія въ Европу толпы азіатскихъ кочевниковъ, снова хлынула волна степныхъ дикарей. По образу жизни и силѣ натиска новые пришельцы татары заставили вспомнить извѣстныхъ исторіи своихъ собратьевъ скиѳовъ, гунновъ, печенѣговъ, а также свирѣпствовавшихъ тогда въ южной Руси половцевъ. Но лѣтописцы современники отзывались о татарахъ, какъ о народѣ никому невѣдомомъ. Откуда онъ пришелъ, какой его языкъ, какого онъ племени и какой вѣры, никто не знаетъ. Одни зовутъ ихъ татары, другіе таурмены, третьи печенѣги. Отъ себя лѣтописецъ высказываетъ предпо-

---

[1]) См. Русь въ ея столицахъ—«Кіевъ», гл. 1.

ложеніе, что это народъ, о которомъ извѣстно было еще въ древнихъ греческихъ сказаніяхъ. Въ этихъ сказаніяхъ говорится о неисчислимыхъ народахъ гога и магога, которыхъ Александръ Македонскій заключилъ за высокія горы въ полуночныхъ странахъ. Какъ за несокрушимой стѣной были заключены народы, только въ одномъ мѣстѣ горы расходились на двѣнадцать локтей. Александръ устроилъ здѣсь мѣдныя ворота, затворилъ ихъ и замазалъ составомъ, не поддающимся ни огню, ни желѣзу. Только въ послѣднія времена, передъ концомъ міра, должны были эти народы выйти на землю, по повелѣнію Божію. По мнѣнію лѣтописца, пришло время покарать Русь за грѣхи, беззаконія и безбожіе, въ которыя впалъ русскій народъ, не внимавшій увѣщаніямъ духовенства. Народовъ гога и магога избралъ Богъ орудіемъ своего наказанія.

Половцы были первыми, надъ которыми разразилась гроза. Вытѣсняемые татарами изъ степей, они бросились за помощью къ русскимъ князьямъ. Издавна между половцами и южными русскими князьями завязывались не только дружескія, но и родственныя отношенія—послѣдніе женились на дочеряхъ первыхъ. Эти отношенія нисколько не мѣшали половцамъ разорять русскія земли, но теперь, въ виду неминуемой бѣды, ихъ князья вспомнили о своихъ родственникахъ. Послы щедро разсыпали дары золотомъ, платьями, драгоцѣнностями, приводили съ собою коней, верблюдовъ, невольницъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они указывали на то, что татары, расправившись съ ними, пойдутъ дальше, и тогда русскимъ не избѣжать горькой участи разгрома. Южные князья собрались и пошли навстрѣчу новому врагу. Произошла знаменитая битва при маленькой рѣчкѣ Калкѣ въ донскихъ степяхъ (1224 г.).

Половцы первые обратили тылъ, смѣшали войска, и русскіе потерпѣли страшное пораженіе. Одни князья предводители разбѣжались, другіе попали въ плѣнъ къ татарамъ и были звѣрски замучены.

Послѣ этой побѣды татары прошли дальше еще немного, затѣмъ повернули назадъ къ востоку. Жители попутныхъ селъ и городовъ покорно выходили къ нимъ навстрѣчу съ крестами, но татары убивали всѣхъ безъ милосердія, превращая села и нивы въ безотрадные пустыри и пожарища. Погибло безчисленное множество людей, говоритъ лѣтописецъ, вопли и вздохи раздавались по всѣмъ городамъ и волостямъ. Затѣмъ татары исчезли, неизвѣстно куда, и нѣкоторое время о нихъ ничего не было слышно.

Южные князья, готовясь идти на татаръ, обратились за помощью къ великому князю Юрію. Онъ послалъ племянника Василька Константиновича, но тотъ шелъ не торопясь и дошелъ только до Чернигова, когда узналъ о несчастномъ исходѣ битвы. Поблагодаривъ Бога за цѣлость своего войска и за спасеніе своей жизни и воинской чести, онъ вернулся обратно.

Въ княжествѣ Владимиро-Суздальскомъ въ это время едва не произошла новая усобица между князьями братьями Юріемъ и прежнимъ соперникомъ его Ярославомъ. Возникла ссора опять изъ-за Новгорода, который продолжалъ держать въ своихъ цѣпкихъ рукахъ Ярославъ Всеволодовичъ. Новгородцы, недовольные имъ, призвали на его мѣсто шурина великаго князя Юрія, Михаила Черниговскаго. Ярославъ подумалъ, что это произошло не безъ содѣйствія владимирскаго князя, которому невыгодно было усиленіе младшаго брата за счетъ Новгорода. Призвавъ на помощь племянниковъ, онъ готовился къ походу. Но Юрій не хотѣлъ усобицы и поспѣшилъ созвать ро-

дичей на совѣщаніе во Владимиръ. Ему удалось примириться съ Ярославомъ, который поклонился ему, въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ другими родичами и призналъ его отцомъ и господиномъ. Дѣло кончилось веселыми дружными празднествами. Вскорѣ пріѣхали во Владимиръ новые гости—кіевскій митрополитъ Кириллъ съ черниговскимъ епископомъ Порфиріемъ. Кириллъ достигъ своей цѣли, устроивъ примиреніе Ярослава съ Михаиломъ. Возрастающее могущество сѣверо-восточной Руси привлекало сюда высшее духовенство, которое старалось о единеніи ея съ южной въ политическомъ и церковномъ отношеніи.

Прошло двѣнадцать лѣтъ, затянулись раны, нанесенныя южной Руси татарскимъ нашествіемъ. Бурная, мятежная жизнь юга истребила память о страшномъ врагѣ, жители не поминали больше о татарахъ и изнемогали подъ гнетомъ непрерывныхъ внутреннихъ войнъ. А между тѣмъ еще раньше, за нѣсколько лѣтъ, стали появляться предзнаменованія новыхъ страшныхъ бѣдствій. Явилась необычайной величины комета, прорѣзывающая небо острымъ блестящимъ клинкомъ каждый вечеръ въ теченіе недѣли. Лѣтомъ повсемѣстно была засуха, какой не помнили люди: воспламенялись лѣса и болота, густыя облака дыма затмевали свѣтъ солнца, тяжелая, смрадная мгла опускалась на землю, и птицы падали, умирая на лету. Въ самомъ же Владимирѣ было землятресеніе во время совершенія литургіи въ соборномъ храмѣ. «Потрясеся земля, описываетъ лѣтописецъ, и церкви и трапеза и иконы подвижшася по стѣнамъ и паникадило съ свѣщами и свѣтильна поколебашася и людье мнози изумѣшася и мняхутся тако, яко голова обишла коего ихъ и яко другъ къ другу глаголаху, не вси бо разумѣваху дивнаго того чудесе».

Великій предводитель татаръ Чингисъ-Ханъ умеръ и его смѣнилъ новый завоеватель Батый. Первой жертвой были на этотъ разъ камскіе болгары. Трехсоттысячное войско Батыя вошло въ землю болгарскую, сожгло городъ Великій, истребило жителей и опустошило все кругомъ. Толпы спасшихся болгаръ бѣжали въ сѣверо-восточную Русь и просили пріюта у князя. Юрій принималъ ихъ съ радостью и разселялъ по городамъ и селамъ на Волгѣ. Но татары, опустошивъ Болгарское царство, прошли черезъ лѣса и дебри въ Рязанскую область и стали на одномъ изъ береговъ рѣки Суры. Батый отправилъ пословъ къ рязанскимъ князьямъ съ требованіемъ десятой части отъ всего достоянія княжества — отъ людей простыхъ и знатныхъ, отъ всякаго скота, имущества и коней вороныхъ, бѣлыхъ, рыжихъ и пѣгихъ. Князья отвѣтили посламъ: «когда никого изъ насъ не останется въ живыхъ, все возьмете». Они ждали помощи отъ великаго князя Юрія, но онъ отказалъ имъ въ ней и сталъ готовиться къ оборонѣ своего княжества. Пять дней осаждали татары Рязань, наконецъ взяли ее, сожгли и истребили ея населеніе, «и не бѣ стонющаго, ни плачущагося, говоритъ лѣтописецъ, но вси вкупѣ мертви лежаше».

Татары пошли дальше, взяли Москву, взяли въ плѣнъ молодого князя Владимира Юрьевича и отправились съ нимъ къ Владимиру. Великій князь оставилъ для защиты города двоихъ сыновей и воеводу, а самъ съ племянниками пошелъ на Волгу собирать ратныхъ людей и ждать брата Ярослава, на умъ и храбрость котораго онъ особенно расчитывалъ.

Какъ тучи саранчи обступили Владимиръ безчисленныя татарскія полчища. Владимирцы съ ужасомъ смотрѣли на нихъ со стѣнъ города. Приближенные

Батыя выступили впередъ и громко спрашивали: «Здѣсь ли великій князь Юрій?» Въ отвѣтъ посыпались стрѣлы изъ города. «Не стрѣляйте!» закричали татары. Затѣмъ они подвели къ воротамъ Владимира и спросили: «узнаете ли вашего княжича?» Братья и граждане не могли удержаться отъ слезъ, когда увидали молодого князя, измученнаго и связаннаго. Князья и молодые дружинники хотѣли тотчасъ же выйти за стѣны и драться, но болѣе опытные люди удержали ихъ и уговорили подождать, не подойдетъ ли великій князь съ подкрѣпленіемъ. А татары объѣхали весь городъ; затѣмъ поставили шатры противъ Золотыхъ воротъ. Батый отрядилъ часть войска къ Суздалю. «Взяша татары Суждаль и св. Богородицю разграбиша, и дворъ княжъ огнемъ пожгоша, монастырь св. Дмитрія пожгоша, а прочіи разграбиша, а чернецы и черницы старые и попы, слѣпы и хромы и глухи и трудоватыя, и люди вси изсѣкоша. А что чернецъ уныхъ, и черницъ и поповъ и попадій, и дьяконы и жены ихъ и дчери и сыны ихъ, то все ведоша въ станы».

Народъ увѣковѣчилъ память о страшномъ побоищѣ и непобѣдимомъ врагѣ.

Подъ большимъ курганомъ, стоящимъ на пути изъ Суздаля во Владимиръ, погребены, согласно преданію погибшіе суздальцы, и ихъ братская могила носитъ названіе «Батыева кургана». Село неподалеку называется «Батыевымъ», ибо тутъ, какъ говоритъ преданіе, стояло войско могучаго татарскаго повелителя.

Черезъ три дня осажденные владимирцы увидали, что непріятель готовитъ для приступа стѣнобитныя орудія и лѣстницы, а въ слѣдующую ночь вся крѣпость была ограждена тыномъ. Ясно стало для всѣхъ, что города не отстоять, оставалось только готовиться къ смерти. Утромъ 7 февраля 1237 года татары начали

приступъ и вломились въ городъ черезъ Золотыя ворота, Мѣдныя, ворота св. Ирины, отъ Лыбеди, также отъ Клязьмы черезъ ворота Волжскія. Подожженный Новый городъ запылалъ со всѣхъ сторонъ. Князья и жители бросились спасаться въ старый или Печерный городъ. Князь Всеволодъ, думая умилостивить Батыя, вышелъ изъ города съ небольшой дружиной и и принесъ дары. Но Батый приказалъ зарѣзать его передъ стѣнами, на глазахъ гражданъ. Тогда епископъ Митрофанъ съ великой княгиней, другими княгинями и ихъ дѣтьми и родичами, со многими боярами и гражданами заперлись въ Успенскомъ соборѣ. Но, конечно, здѣсь они не могли спастись отъ смерти. Богатые сокровищами русскіе храмы особенно привлекали вниманіе варваровъ, и блиставшій золотомъ и украшеніями соборъ не могъ не возбудить въ нихъ алчности. Толкнувшись въ запертыя двери, татары принялись разрушать ихъ. А въ это время внутри епископъ совершалъ обрядъ посвященія въ схиму готовящихся къ смерти княгинь. Выломавъ двери, татары искрошили мечами находившихся въ нихъ гражданъ и начали грабить церковныя сокровища. Содрали ризу и драгоцѣнныя украшенія съ чудотворной иконы Богоматери и съ ненасытной жадностью искали другихъ сокровищъ. Замѣтивъ великокняжеское семейство на хорахъ, они бросились туда, думая, что тамъ спрятаны и главныя богатства храма, но не нашли потайного хода. Разъяренные неудачей, они рѣшили сжечь соборъ и подожгли его, обложивъ снаружи бревнами и хворостомъ. Всѣ оставшіеся еще въ живыхъ задохнулись отъ дыма или погибли въ пламени. Татары ушли, оставивъ городъ въ дымящихся развалинахъ. Отъ роскошныхъ владимирскихъ храмовъ остались обгорѣлые остовы.

Раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ, озвѣрѣвшіе варвары пошли продолжать свое дѣло разрушенія.

Не избѣгли участи Владимира ни Ростовъ, ни Ярославль, ни Юрьевъ, ни Тверь,—всѣ были разрушены. За одинъ февраль мѣсяцъ татары взяли четырнадцать поволжскихъ городовъ, кромѣ безчисленнаго множества слободъ и погостовъ. Великій князь Юрій и братъ его Святославъ встрѣтились съ непріятелемъ на рѣчкѣ Сити, впадающей въ Мологу. Послѣ кровопролитнаго боя войско княжеское было разбито, и князь Юрій погибъ. Его обезглавленное тѣло нашелъ потомъ ростовскій епископъ Кириллъ, посѣтившій поле битвы на возвратномъ пути изъ Бѣлоозера. Онъ отвезъ его въ Ростовъ и положилъ въ храмѣ Богоматери.

Опустошивъ сѣверо-восточную Русь, Батый такимъ же смертоноснымъ ураганомъ пронесся надъ югомъ и нанесъ послѣдній ударъ едва дышавшему Кіеву [1]). Затѣмъ, разоривъ Польшу, Венгрію, Задунайскую Болгарію и другія мелкія княжества и царства и повергнувъ въ ужасъ всю Европу, онъ вдругъ остановился въ своемъ бурномъ стремленіи и возвратился къ берегамъ Волги побѣдоносным властителемъ. Съ тѣхъ поръ русскіе сдѣлались данниками татаръ, князья ихъ были подвластны татарскимъ ханамъ и ѣздили къ нимъ на поклонъ, а страна болѣе двухсотъ лѣтъ изнемогала въ бѣдности и неволѣ.

Лѣтописцы, сѣтуя надъ развалинами городовъ и селеній, такъ говорятъ о бѣдствіяхъ русскаго народа послѣ ухода страшнаго врага: «Батый какъ лютый звѣрь пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе князья россійскіе пали въ бит-

[1]) См. Русь въ ея столицахъ—«Кіевъ», гл. V.

вахъ, другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ; искали заступниковъ между иновѣрными и не находили; славились прежде богатствомъ и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, передъ ихъ глазами растоптанныхъ конями татарскими. Жены боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшенныя златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженныя толпою слугъ, сдѣлались рабынями варваровъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки свои опаляли надъ очагомъ, готовя пищу невѣрнымъ... Живые завидовали спокойствію мертвыхъ».

Ярославъ Всеволодовичъ былъ первымъ великимъ княземъ при этихъ новыхъ условіяхъ русской жизни. «Въ лѣто 6746 (1237) по отшествіи тоя рати, сказано въ лѣтописи, начашися людіе собирати, идеже кто бѣ избѣглъ, или сокрылся. Тогда пріиде и Ярославъ Всеволодовичъ, внукъ Юрьевъ (Юрія Долгорукаго), съ братіею своею во градъ Володимиръ, и повелѣ со плачемъ трупы христіанъ погребсти, и очисти градъ и церкви, оставшіяся отъ пожару, и сѣдъ на плѣненной землѣ княжити». Въ тяжелыя времена монгольскаго ига Ярославъ не могъ возстановить Успенскій соборъ въ его прежнемъ великолѣпіи. Но, очистивъ храмъ отъ труповъ, онъ привелъ его въ порядокъ и украсилъ уцѣлѣвшую икону Богоматери. Затѣмъ, собравъ разбѣжавшихся по лѣснымъ дебрямъ людей, онъ помогъ устроиться имъ на старомъ пепелищѣ и вновь наладить жизнь. Какъ старшій въ родѣ, онъ распорядился и раздачей волостей родичамъ. Братьямъ Святославу и Ивану онъ отдалъ Суздаль и Стародубъ сѣверный, Ростовъ, старшій столъ послѣ Владимира, оставилъ въ племени Константина, Ярославль въ племени Всеволода. Такъ утвердились уже новыя основанія въ раздѣленіи княжествъ. Теперь каждая волость пере-

ходила отъ отца къ сыну, какъ собственность; тогда какъ прежде князья переходили изъ одной области въ другую по очереди старшинства, т. е. старшіе въ родѣ получали волость болѣе выгодную и самый старшій получалъ столъ великаго князя. При этомъ новомъ порядкѣ, называемомъ въ исторіи удѣльнымъ, князья оставались въ своихъ волостяхъ, или удѣлахъ, на всю жизнь и передавали ихъ сыновьямъ и даже дочерямъ по наслѣдству, какъ полную свою собственность. Владимирское княжество предоставлялось старѣйшему изъ князей, какъ и прежній великій столъ, но въ придатокъ къ его удѣлу. Такъ Ярославъ, сдѣлавшись великимъ княземъ Владимирскимъ, оставилъ за собой свою отчину Переяславль.

Какъ въ прежнія времена князья не чувствовали себя прочными на столѣ, не утвердившись съ народомъ на вѣчѣ, такъ теперь долженъ былъ Ярославъ ѣхать въ ханскую ставку къ Батыю. Такимъ образомъ при содѣйствіи татарскаго ига городскія вѣча еще больше утратили свое значеніе. Батый, по словамъ лѣтописца, принялъ Ярослава съ честью и, отпуская, сказалъ ему: «Будь ты старшимъ между всѣми князьями въ русскомъ народѣ». Вслѣдъ за Ярославомъ поѣхали въ орду и всѣ удѣльные князья сѣверо-восточной Руси. Они били челомъ Батыю, чтобы мирно господствовать въ своихъ областяхъ. Такъ татарское иго съ самаго начала поставило въ подчиненное положеніе князей и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличило ихъ власть надъ княжествами и жителями этихъ княжествъ. Намъ уже приходилось указывать на то, что князья Суздальской Руси, заселяя и обстраивая ее, чувствовали себя здѣсь больше хозяевами, чѣмъ южные князья у себя въ Кіевщинѣ. Послѣ татарскаго погрома князьямъ пришлось самимъ возстановлять свои волости, созывать

населеніе, отводить ему земли, опредѣлять подати и повинности, изыскивать новые источники доходовъ. Эти же обстоятельства и прикрѣпили окончательно князей къ ихъ удѣламъ: устроивъ ихъ, они не хотѣли уже ихъ покидать и передавали только по наслѣдству дѣтямъ. Одно Владимирское княжество передавалось ханами старѣйшему въ родѣ.

Оказавъ почтеніе своему властелину, Ярославъ послалъ сына на поклонъ къ великому хану Угедею въ Монголію, который праздновалъ въ это время заевоеванія монголовъ въ Китаѣ и Европѣ. Но черезъ два года туда потребовали и самого великаго князя. Здѣсь онъ присутствовалъ при торжествѣ воцаренія сына Угедея Куюка. Путешествовавшій въ это время въ Азію католическій монахъ Плано-Карпини встрѣтился тамъ съ Ярославомъ и описалъ пріемъ его ханомъ. По его словамъ, хотя и не очень чествовали въ ордѣ русскаго князя, но всетаки отдавали ему предпочтеніе передъ другими покоренными властителями.

Ярославу не пришлось вернуться на родину. Тотъ же Плано-Карпини оставилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о его смерти. Онъ высказываетъ предположеніе, что князь былъ отравленъ ханшей, которая пригласила его къ себѣ и угощала обѣдомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Ярославъ умеръ на возвратномъ пути на родину. Наши историки опровергаютъ мнѣніе Плано-Карпини, указывая на отсутствіе основаній для такого образа дѣйствій ханши, такъ какъ Ярославъ былъ совершенно безсиленъ причинить какой-либо вредъ татарамъ въ Россіи. По нѣкоторымъ извѣстіямъ въ лѣтописяхъ, можно думать, что великій князь скорѣе былъ жертвою какой-нибудь интриги своихъ же родичей.

Владиміръ. Александровскій монастырь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Бѣдственное положеніе сѣверо-восточной Руси послѣ татарскаго нашествія.—Размноженіе княжескаго рода и дробленіе Суздальской земли на удѣлы.—Отношенія князей между собой и къ своимъ удѣламъ.—Великіе князья Святославъ Всеволодовичъ, Андрей Ярославичъ и Александръ Ярославичъ Невскій.—Татарская перепись и возстаніе городовъ противъ сборщиковъ податей.—Великіе князья Ярославъ и Василій Ярославичи.—Соборъ во Владимірѣ, созванный митрополитомъ Кирилломъ. — Борьба между сыновьями Александра Невскаго.—Неоднократное разореніе Владиміро-Суздальскаго княжества татарами.—Переведеніе митрополіи изъ Кіева во Владиміръ.—Усиленіе Московскаго княжества.—Борьба Михаила Тверского съ Юріемъ Московскимъ.—Ханскій ярлыкъ духовенству.—Княженіе Юрія, Димитрія и Александра.—Бунтъ въ Твери.—Усмиреніе его Иваномъ Калитой.—Перенесеніе великокняжеской столицы въ Москву.

Какъ Владиміръ, такъ и вся сѣверо-восточная Русь долго не могли оправиться послѣ татарскаго

нашествія. Поработители Руси не давали времени опомниться жителямъ, не давали возможности обзавестись новымъ хозяйствомъ на старомъ пепелищѣ. Разореніе продолжалось и ему не предвидѣлось конца. Татарскіе чиновники баскаки наводнили Русь, собирая дань или, какъ тогда называли, выходъ для хана. И деньгами и натурой брали татары, и все богатство русское выходило съ Руси и доставалось побѣдителямъ.

Князья собирали разбѣжавшихся во время погрома жителей, помогали имъ налаживать кое-какъ жизнь, но соблюдали при этомъ больше свои собственныя выгоды. Они вѣдь тоже обѣднѣли, ихъ богатства тоже ушли въ татарскія руки. Земля являлась теперь и для нихъ главнымъ источникомъ существованія, но нужно было ее обрабатывать, нужны были рабочія руки и орудія. И князья пользовались трудомъ людей, собранныхъ въ ихъ удѣлахъ, давая имъ за это возможность жить и кормиться на землѣ, которую они считали своей собственностью.

Родъ Всеволода Большое Гнѣздо разростался, потомки его дробили сѣверо-восточную Русь на части, все болѣе и болѣе мелкія. Утвердившись въ своемъ удѣлѣ, князь дѣлилъ его потомъ между своими наслѣдниками. Суздальская земля, распавшаяся при дѣтяхъ Всеволода на пять частей, при внукахъ его раздробилась уже на двѣнадцать. Владимирское княжество продолжало переходить къ старшему въ родѣ, но изъ него выдѣлилось три удѣла: Суздальскій, Костромской и Московскій. Изъ Ростовскаго княжества выдѣлились младшіе удѣлы: Ярославскій и Углицкій. Отъ Переяславскаго удѣла отдѣлились Тверской и Дмитрово-Галицкій. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше мельчали княжескіе удѣлы. Въ XIV и XV вѣкахъ встрѣ-

чались княжества, состоявшія только изъ одной княжеской усадьбы и нѣсколькихъ крестьянскихъ дворовъ кругомъ. Каждый князь, живущій въ старшемъ городѣ, считался великимъ княземъ относительно другихъ, болѣе мелкихъ удѣльныхъ князей этого княжества. Но подчинялись они всѣ всетаки великому князю Владимирскому. Его преимущественно зналъ ханъ, подъ его знамена и по его повелѣнію собирались удѣльные, князья для отраженія того или другого врага.

Князья обособлялись въ своихъ удѣлахъ, вели тяжелую борьбу за существованіе въ постоянномъ страхѣ за свою участь. Мысли не стремились уже больше къ подвигамъ, какъ было то въ славныя времена первыхъ князей Кіевской Руси. Князья суздальской земли думали больше о томъ, какъ уберечь себя отъ татарскаго произвола, какъ заслужить ханскую милость, какъ сохранить свое имущество, усилить и обогатить свой удѣлъ. Не было единенія въ княжескомъ родѣ, забывались родственныя отношенія, зрѣла вражда въ глухихъ углахъ, разгорались междоусобія изъ-за возможности обогатить наслѣдственное княжество. Богатый Новгородъ былъ въ этомъ отношеніи наибольшей приманкой, потому вокругъ него не прерывались раздоры. Мы уже видѣли, что суздальскіе князья всегда старались удержать за собой Новгородъ; такъ продолжалось и при наслѣдникахъ Ярослава Всеволодовича.

Послѣдній сынъ Всеволода Святославъ долженъ былъ наслѣдовать великое княжество Владимирское послѣ смерти своего брата. Сдѣлавшись великимъ княземъ (1247 г.), онъ утвердилъ племянниковъ на ихъ удѣлахъ. Къ погребенію отца пріѣхалъ во Владимиръ и знаменитый князь новгородскій Александръ Невскій.

Занятый своими дѣлами въ Новгородѣ и побѣдоносными войнами со шведами, Александръ долго держался независимо отъ хана и не ѣздилъ къ нему на поклонъ. Слухи о его побѣдахъ на западѣ Россіи давно уже доходили до орды, и Батый интересовался видѣть прославленнаго русскаго героя. Послы его говорили Александру отъ его имени: «Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы; неужели ты одинъ не покоришься мнѣ. Если хочешь властвовать спокойно, приходи поклониться мнѣ и самъ увидишь славу и величіе монголовъ!» Александръ понималъ всю опасность неповиновенія могучему хану и поѣхалъ къ нему на поклонъ вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ. По словамъ лѣтописца, Батый сказалъ своимъ вельможамъ послѣ свиданія съ Александромъ, что молва не увеличила достоинства новгородскаго князя, «нѣтъ подобнаго ему среди другихъ князей».

Братьямъ не пришлось ограничиться этимъ посѣщеніемъ Батыя, какъ и отцу, имъ пришлось ѣхать съ береговъ Волги къ великому хану въ Монголію. Князья надолго прощались съ родиной, предпринимая это трудное и опасное путешествіе черезъ необозримыя степи и пустыни Азіи. Сыновья Ярослава не могли не вспомнить о печальномъ концѣ отца и не призадуматься о собственной участи. Что, кромѣ униженія, въ лучшемъ случаѣ, могло ожидать ихъ въ чужой, далекой странѣ?

Въ ихъ отсутствіе на Руси произошло важное событіе. Ихъ младшій братъ, московскій князь Михаилъ, по прозванію Хоробритъ, отнялъ великое княжество у дяди, но не воспользовался имъ, такъ какъ былъ убитъ въ сраженіи съ литовцами. Между тѣмъ, путешествіе Александра и Андрея кончилось вполнѣ благополучно. Ханъ утвердилъ перваго на столѣ Кіев-

скомъ и Новгородскомъ, оставивъ за нимъ же, какъ отчину, и Переяславль Залѣсскій. Андрей получилъ великое княженіе Владимирское. Святославъ ѣздилъ въ орду, но такъ и умеръ, не утвержденный въ своихъ правахъ великаго князя. Оставался еще князь, который долженъ былъ по прежнему праву старшинства занять владимирскій столъ. Это былъ князь Углицкій, старшій сынъ Константина Всеволодовича. Но въ тѣ времена уже одерживали верхъ болѣе сильные. Ярославичи были сильнѣе князя маленькаго углицкаго удѣла и, кромѣ того, были утверждены великимъ ханомъ, потому спорить съ ними не приходилось.

Споръ возникъ между самими братьями. Александръ, какъ старшій, расчитывалъ на великое княженіе во Владимирѣ. Столъ въ утратившемъ свое значеніе, разоренномъ Кіевѣ не привлекалъ его. Черезъ два года ему удалось выхлопотать у сына Батыя Сартака старшинство и, кромѣ того, войско для выдворенія Андрея. Толпы татаръ устремились на Суздальскую землю, разорили города и села вокругъ Владимира, забрали множество скота и людей. Андрей бѣжалъ въ Швецію послѣ того, какъ Новгородцы отказались принять его къ себѣ. Александръ съ торжествомъ въѣхалъ во Владимиръ. Митрополитъ Кириллъ, жившій уже гораздо больше во Владимирѣ, чѣмъ въ Кіевѣ, встрѣтилъ его со всѣмъ духовенствомъ, боярами и гражданами у Золотыхъ воротъ. Вернувшійся Андрей помирился съ братомъ и получилъ въ удѣлъ Суздаль.

Улеглось волненіе во Владимирскомъ княжествѣ, вернулись жители, разбѣжавшіеся отъ татаръ, открылись закрытые и ограбленные храмы, но Александру не было покойно на отвоеванномъ отцовскомъ столѣ. Много тревогъ и волненій причинялъ ему Новгородъ,

на который зарились всегда Суздальскіе князья. Изъза Новгорода произошла у него ссора съ братомъ Ярославомъ, княжившимъ въ Твери. Новгородцы любили своего князя и помогли ему одержать побѣду надъ Ярославомъ. Были также у Александра и новыя столкновенія съ шведами, надъ которыми онъ снова одержалъ побѣду, затѣмъ пришлось ему усмирять народное волненіе въ Новгородѣ, вызванное переписью жителей по повелѣнію новаго хана [1]).

При воцареніи этого хана Берке происходила вторая перепись жителей по всей русской землѣ. Первая была тотчасъ послѣ завоеванія. Пріѣхали численники татарскіе и въ земли Суздальскую, Рязанскую и Муромскую. Пересчитали весь народъ, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ, темниковъ. Освобождено отъ податей было только все духовенство бѣлое и черное, къ которому татары вообще относились съ уваженіемъ. На этотъ разъ жители подчинились новому проявленію татарскаго насилія, но черезъ нѣсколько лѣтъ сборщики податей вывели ихъ изъ терпѣнія чрезмѣрными и неправильными поборами. Ожили замершія вѣча старыхъ городовъ, загудѣли вѣчевые колокола, повалилъ возмущенный народъ на площади Владимира, Суздаля, Ростова, Переяславля, Ярославля. Нѣкоторые лихоимцы были выгнаны, другіе убиты. Татарскія власти не могли быть довольны такимъ взрывомъ своеволія покореннаго народа. Александру пришлось въ четвертый разъ ѣхать въ орду, чтобы умилостивить разгнѣваннаго хана. Поѣздка была успѣшна, ханъ не отправлялъ новыя полчища на разоренную Русскую землю, но Александръ, проведши въ ордѣ всю зиму, вернулся на родину

---

[1]) См. Русь въ ея столицахъ—«Новгородъ», гл. VI.

Св. Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій, въ схимѣ Алексій.

Пелена, покрывавшая раку Святого въ г. Владимірѣ.

уже больной. Остановившись на пути въ Городцѣ Волжскомъ, онъ тамъ и умеръ въ 1263 году. Митрополитъ Кириллъ, жившій въ то время во Владимирѣ, получилъ вѣсть о кончинѣ князя и съ великимъ горемъ сообщилъ объ этомъ народу. «Зашло солнце земли Русской», сказалъ онъ, и слушатели отвѣтили ему воплемъ, «уже погибаемъ». Несмотря на жестокій зимній холодъ, митрополитъ, все духовенство, бояре, граждане и весь народъ шли навстрѣчу тѣла князя до Боголюбова.

По отзыву лѣтописцевъ, Александръ Невскій много потрудился для всего великаго княжества. Своимъ заступничествомъ за Русь передъ ханомъ, также своими побѣдоносными походами на западъ, Александръ создалъ себѣ славу и уваженіе среди современниковъ, передавшимъ потомкамъ память о немъ, какъ о князѣ, стоявшемъ на ряду съ Мономахомъ.

Слѣдующій великій Князь Ярославъ Ярославичъ Тверской, прокняжившій девять лѣтъ, удѣлялъ еще большее вниманіе Новгороду, нѣсколько разъ ссорился и мирился съ нимъ. Начиная съ Александра Невскаго, великіе князья Владимирскіе, такъ же какъ прежде кіевскіе, считались князьями Новгородскими. По примѣру отца и брата, Ярославъ старался угождать хану, ѣздилъ къ нему для выраженія почтенія и умеръ также не на родинѣ, а на пути изъ орды. Жилъ онъ больше въ своей отчинѣ Твери и въ Новгородѣ, чѣмъ во Владимирѣ, и похороненъ былъ въ Твери. Послѣдній сынъ Ярослава Василій Костромской прокняжилъ всего четыре года и также началъ свое княженіе съ борьбы изъ-за Новгорода. Подобно брату, онъ приводилъ татаръ на новгородцевъ, когда тѣ избрали себѣ другого князя. Какъ Ярославъ присоеди-

неніемъ Новгорода хотѣлъ усилить свой удѣлъ Тверское княжество, такъ Василій старался объ усиленіи своего Костромского. Каждый надѣялся свою отчину сдѣлать центромъ великаго княженія, вмѣсто Владимира, но ни тому ни другому это не удалось.

Крупнымъ событіемъ княженія Василія Ярославича былъ духовный соборъ, созванный во Владимирѣ митрополитомъ Кирилломъ въ 1274 году. Пріѣхавъ въ этомъ году во Владимиръ, чтобы посвятить въ мѣстные епископы архимандрита Печерской лавры Серапіона, онъ созвалъ епископовъ Новгородскаго, Ростовскаго, Переяславскаго и Полоцкаго для обсужденія составленнаго имъ «Правила» для духовенства. «Правило» состояло изъ ряда предписаній, направленныхъ къ искорененію существовавшихъ въ то время злоупотребленій въ церковномъ управленіи, погрѣшностей въ богослуженіи и недостатковъ въ нравственной жизни духовенства и народа. Кириллъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ русскихъ пастырей того времени. Онъ почти не жилъ въ Кіевѣ, но ѣздилъ по всей Руси, лично наблюдая за паствой. Въ предисловіи къ составленному имъ «Правилу», говоря о наказаніи Божіемъ, постигшемъ Русь, за нарушеніе церковныхъ постановленій и христіанскихъ заповѣдей, онъ пишетъ: «Какую прибыль получили мы, оставивъ Божіи правила? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты ли были наши города? Не уведены ли въ плѣнъ наши дѣти! Не запустѣли ли святыя Божіи церкви? Не томятъ ли насъ на всякій день безбожные и нечистые язычники? Все это случилось намъ за то, что не хранимъ правилъ святыхъ и преподобныхъ нашихъ отцовъ». Предписанія собора были направлены, между прочимъ, противъ сребролюбія епископовъ, выражающагося, главнымъ образомъ,

во взиманіи обременительной платы за поставленіе въ духовный санъ. Обычай взиманія платы за поставленіе въ санъ перешло къ намъ изъ Греціи, гдѣ былъ опредѣленъ и размѣръ этой платы. Недовольствуясь установленнымъ вознагражденіемъ, епископы произвольно увеличивали его. Кромѣ того, духовенство угнетало нищихъ, жившихъ на церковныхъ земляхъ, превращало ихъ въ своихъ холоповъ, заставляя работать на себя въ своихъ усадьбахъ. Увѣренный, что нравственность мірянъ во многомъ зависитъ отъ нравовъ духовенства, Кириллъ постановилъ въ «Правилѣ» давать священный санъ людямъ непорочнымъ, жизнь которыхъ извѣстна съ дѣтства. Другія постановленія относятся къ искорененію нѣкоторыхъ обычаевъ и празднованій, сохранившихся еще отъ языческихъ временъ, кулачныхъ боевъ и разныхъ «бѣсовскихъ игрищъ». «Извѣстно намъ также, что многіе люди, держася древнихъ языческихъ обыкновеній, сходятся въ святые праздники на какія-то бѣсовскія игрища, крикомъ и свистомъ сзываютъ подобныхъ себѣ пьяницъ, и бьются дрекольемъ до самой смерти, снимая съ убитыхъ одежду. Отнынѣ кто не перестанетъ тѣшить діавола такими гнусными забавами, да будетъ отлученъ отъ церквей Божіихъ; да не пріемлютъ отъ него никакихъ приношеній, т. е. ни просфоръ, ни кутьи, ни свѣчъ. Когда же умретъ, да не отправляютъ по немъ Божественныя службы, и тѣло его да лежитъ далеко отъ святыхъ храмовъ».

При вокняженіи сына Александра Невскаго Дмитрія (1276 г.) пришла очередь усиленія княжества Переяславскаго, удѣла этого князя. Присоединивъ къ своей отчинѣ область Владимирскую, великій князь Дмитрій Александровичъ тотчасъ же озаботился укрѣпленіемъ за собой Новгорода, который и призналъ его своимъ

княземъ. Скоро, однако, новгородцы поссорились съ нимъ, и ему пришлось возстановлять свои права великаго князя опустошеніемъ волостей Новгородскихъ. Побѣда надъ новгородцами, какъ признакъ силы и могущества Дмитрія, возбудила враждебныя чувства къ нему брата его Андрея Городецкаго. Расположивъ къ себѣ хана богатыми подарками и лестью, Андрей получилъ ярлыкъ на великое княженіе и войско для борьбы съ братомъ. Всѣ другіе князья, близкіе и дальніе родственники, соединились съ нимъ, не смѣя ослушаться ханскаго повелѣнія. Громадное войско подступило къ Мурому, и неподготовленному къ внезапному нападенію Дмитрію оставалось только спасаться бѣгствомъ. Произошло то, что происходило въ былыя времена въ Кіевской Руси, когда князья, ссорясь между собою, приводили на жителей городовъ толпы половцевъ. Татары, пользуясь случаемъ, напомнили Россіи времена Батыя. Муромъ, окрестности Владимира, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самаго Торжка были разорены ими. Они жгли и грабили дома, монастыри, церкви, не оставляя ни иконъ, ни сосудовъ, ни книгъ, украшенныхъ богатыми переплетами, гнали людей толпами въ плѣнъ или убивали. Было это все во время жестокихъ декабрьскихъ морозовъ, и люди, пытавшіеся спастись бѣгствомъ, замерзали въ лѣсахъ и степяхъ. Жители отчины Дмитрія Переяславля думали обороняться, но татары жестоко отмстили имъ за это. Не осталось жителя, по словамъ лѣтописи, который не оплакивалъ бы сына, брата или друга. Андрей отпустилъ татарское войско, отблагодаривъ его богатыми подарками за помощь, а самъ, занявъ владимирскій столъ, поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ былъ тоже встрѣченъ съ почестями, какъ князь.

Узнавъ, что Дмитрій привелъ наемное войско въ Переяславль, Андрей вторично обратился за помощью къ татарамъ, которые обратили въ бѣгство великаго князя и снова ознаменовали пожарами и опустошеніемъ свой путь по суздальскимъ областямъ. И этимъ не кончилась еще борьба братьевъ. Дмитрій обратился въ другую татарскую орду, отдѣлившуюся въ это время отъ Волжской. Могущественный ханъ этой новой орды Ногайской заставлялъ трепетать хана Золотой орды, потому Дмитрію удалось на этотъ разъ одержать побѣду одной повелительной грамотой ногайскаго хана. Андрей смирился, но только на время. Убійство Дмитріемъ приближеннаго боярина Андрея послужило поводомъ къ возобновленію междоусобной распри. Противъ Дмитрія были возбуждены и другіе удѣльные князья, всѣ они вмѣстѣ съ Андреемъ отправились жаловаться на него хану. Въ третій разъ татарскія войска съ огнемъ и мечомъ прошли черезъ Суздальскую землю. Четырнадцать городовъ, между ними Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Переяславль были разрушены и разграблены. Не уцѣлѣлъ и Успенскій соборъ во Владимірѣ, гдѣ выломанъ былъ даже мѣдный полъ, называемый въ лѣтописяхъ чудеснымъ. Московскій князь Даніилъ, третій сынъ Невскаго, дружелюбно впустилъ татаръ въ Москву, но не могъ защитить ее отъ разграбленія. Тверской князь Михаилъ принялъ къ себѣ великаго князя и вызвался примирить его съ братомъ. Въ концѣ концовъ, примиреніе состоялось, но Дмитрій долженъ былъ отказаться отъ великаго княженія и удовольствоваться своей отчиной Переяславлемъ. Онъ умеръ по пути въ Переяславль, куда привезено было его тѣло для погребенія.

У Андрея не было мирныхъ отношеній и съ дру-

гими князьями-родичами. Его распря съ князьями Михаиломъ Тверскимъ, Даніиломъ Московскимъ и Иваномъ Переяславскимъ разбиралась на общемъ съѣздѣ во Владимирѣ, въ присутствіи ханскаго посла и владимирскаго епископа. Разгоряченные князья взялись за оружіе во время спора, но епископъ вмѣшался и предупредилъ кровопролитіе. Андрей пытался усмирить своихъ противниковъ на полѣ брани, собралъ уже войско, но и на этотъ разъ дѣло не дошло до битвы, а кончилось миромъ, который не нарушался до смерти Андрея (1304 г.).

Еще при жизни Андрея начинаетъ усиливаться княжество Московское. Даніилъ одержалъ верхъ въ ссорѣ съ княземъ Рязанскимъ, затѣмъ получилъ по завѣщанію отъ умершаго бездѣтнымъ Ивана удѣлъ Переяславскій. Область Переяславская была въ то время одной изъ первыхъ областей въ великомъ княженіи какъ по числу жителей, среди которыхъ было много бояръ и людей военныхъ, такъ и по крѣпости и благоустроенности столичнаго города. Переяславль былъ обведенъ глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою, высокимъ валомъ и двойной стѣной съ двѣнадцатью башнями. Даніилъ умеръ, возвеличивъ Московское княжество, и былъ первымъ княземъ, погребеннымъ въ Москвѣ, въ церкви св. Михаила Архангела. Переяславцы тотчасъ же послѣ его смерти объявили княземъ, его сына Юрія, не отпуская его даже на погребеніе отца, изъ боязни, что Андрей займетъ городъ силой.

Послѣднее десятилѣтіе несчастнаго, кровопролитнаго княженія сыновей Александра Невскаго было ознаменовано, по свидѣтельству лѣтописца, разными естественными бѣдствіями, какъ засухи, голодъ, моръ и опустошительные пожары. Къ этому же періоду от-

носится и появленіе знаменитой кометы 1301 года, что считалось въ то время предзнаменованіемъ тяжелыхъ несчастій. Владиміръ, вокругъ котораго кипѣла вражда изъ-за возвышенія разныхъ удѣловъ, въ послѣдніе годы княженія Андрея, былъ окончательно утвержденъ въ своемъ официальномъ званіи столичнаго города всей Руси. Митрополитъ Максимъ оставилъ навсегда Кіевъ и перенесъ (1299 г.) митрополичью каѳедру во Владиміръ. Но въ это время Владиміръ былъ столицей великихъ или сильнѣйшихъ князей только по имени, такъ какъ каждый изъ нихъ жилъ въ своемъ отчинномъ городѣ. Счастливая звѣзда Владиміра начала уже клониться къ закату, уступая мѣсто вновь восходящему свѣтилу—Москвѣ.

Со смертью Андрея начались новые раздоры изъ-за великаго стола. На этотъ разъ спорили изъ-за него князья союзныхъ прежде княжествъ Московскаго и Тверского. По праву старшинства великое княженіе должно было перейти къ Михаилу Ярославичу Тверскому, какъ внуку Ярослава Всеволодовича, а не правнуку его Юрію Даниловичу Московскому. Но право въ эти времена вполнѣ уже уступило мѣсто силѣ. Ханъ рѣшилъ споръ соперниковъ очень просто. Когда Юрій пріѣхалъ въ орду, ему было сказано: «Если ты дашь выходу (дани) больше Михаила, то получишь великое княженіе». Выходъ Михаила превысилъ выходъ Юрія, потому ярлыкъ былъ данъ первому, а не второму. Послѣ этого Юрій началъ усиливать всѣми средствами свой Московскій удѣлъ, не стѣсняясь ни убійствами, никакими другими насиліями. Главнымъ яблокомъ раздора и мѣстомъ борьбы между обоими князьями былъ, по обыкновенію, Новгородъ, жители котораго призывали къ себѣ то одного, то другого князя, смотря по тому, который осиливалъ. Конечно,

какъ и прежде, борьба не обходилась безъ помощи татарскихъ полчищъ, которыя безжалостно разоряли русскія земли. Князья ѣздили въ орду и жили тамъ по нѣскольку лѣтъ, угождая хану и улещая его приближенныхъ подарками. Юрій женился на сестрѣ хана Узбека и уже этимъ пріобрѣлъ преимущество надъ Михаиломъ, который былъ, въ концѣ концовъ, обвиненъ въ отравленіи жены Юрія и замученъ въ ордѣ (1319 г.).

Въ княженіе Михаила преемникъ митрополита Максима Петръ ѣздилъ въ орду и получилъ тамъ отъ хана Узбека знаменитый ярлыкъ, подтверждавшій ханскія льготы духовенству. Въ этомъ ярлыкѣ говорится между прочимъ: «Да не обидитъ никто въ Руси церковь соборную, Петра митрополита и людей его, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ и проч. Ихъ грады, волости, села, земли, ловли, борти, луга, лѣса, винограды, сады, мельницы, хуторы, свободны отъ всякія дани и пошлины: ибо все то есть Божіе; ибо сіи люди молитвою своею блюдутъ насъ, и наше воинство укрѣпляютъ. Да будутъ они подсудны единому митрополиту, согласно съ древнимъ закономъ ихъ и грамотами прежнихъ царей ордынскихъ. Да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи; да правымъ сердцемъ и безъ печали молитъ Бога за насъ и дѣтей нашихъ. Кто возьметъ что нибудь у духовныхъ, заплатитъ втрое; кто дерзнетъ порицать вѣру русскую, кто обидитъ церковь, монастырь, часовню, да умретъ!»

Въ лицѣ Юрія одержало верхъ въ борьбѣ княжество Московское надъ княжествомъ Тверскимъ. Юрій пріѣхалъ во Владимиръ съ ханскимъ ярлыкомъ на великое княженіе, взявъ съ собой плѣнниками малолѣтняго сына Михаила и Тверскихъ бояръ, бывшихъ

въ ордѣ съ княземъ. Жена и сыновья Михаила выхлопотали тѣло Михаила, погребеннаго въ Москвѣ, для перевезенія его въ родную Тверь. Юрій уступилъ ихъ просьбамъ, но съ условіемъ, чтобы старшій сынъ Михаила Александръ пріѣхалъ во Владимиръ для заключенія мира, думая оградить себя этимъ отъ притязаній Тверскихъ князей на столъ отца. Но, конечно, миръ былъ заключенъ только для видимости. Второй сынъ Михаила вскорѣ отправился въ орду, гдѣ выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе, но, собираясь уже ѣхать во Владимиръ, встрѣтился съ Юріемъ и убилъ его, мстя за смерть отца. Ханъ наказалъ смертью самоуправство князя и передалъ владимирскій столъ его брату Александру. Такимъ образомъ снова возвысилось княжество Тверское надъ Московскимъ.

Между тѣмъ, Москва въ это время была въ рукахъ князя, съ которымъ не легко было тягаться. Сынъ Даніила, Иванъ Калита, исподволь, осторожно подготовлялъ почву для усиленія своей отчины. Сознавая всю важность хорошихъ отношеній съ митрополитомъ, онъ сдружился настолько съ Петромъ, что тотъ жилъ больше въ Москвѣ, чѣмъ во Владимирѣ, умеръ и былъ погребенъ въ ней. Въ то время пребываніе митрополита въ городѣ дѣлало его центромъ всей Руси, единство которой поддерживалось этимъ высшимъ духовнымъ лицомъ. Пріобрѣтая расположеніе Петра, Калита возвышалъ свой отчинный городъ и чувствовалъ себя подъ надежнымъ покровительствомъ, такъ какъ митрополитъ всегда принималъ сторону князя, въ городѣ котораго имѣлъ пребываніе. Петръ уговорилъ князя построить въ Москвѣ новую каменную церковь Богоматери и самъ завѣщалъ

похоронить себя въ Москвѣ. «Если ты меня, сынъ, послушаешься, говорилъ онъ, храмъ Пречистой Богородицы построишь и меня успокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься больше другихъ князей, и сыновья и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ, святители станутъ въ немъ жить, и подчинитъ онъ себѣ всѣ остальные города».

Возстаніе тверичанъ противъ татарскаго посла ускорило осуществленіе предсказанія митрополита, лишивъ великаго князя Александра благоволенія хана. Возмущенные грабительствомъ пословъ и слухомъ о томъ, что главный посолъ собирается убить Александра и обратить Русь въ магометанство, жители Твери перерѣзали всѣхъ татаръ, бывшихъ въ городѣ. Александръ не только не предупредилъ бунта, но и самъ примкнулъ къ бунтовавшимъ. Ханъ Узбекъ пришелъ въ ярость и поклялся истребить гнѣздо мятежниковъ. Орудіемъ мщенія онъ избралъ Ивана Калиту, пообѣщавъ ему ярлыкъ на великое княженіе за помощь.

Въ жестокую морозную зиму двинулись татарскія полчища на Тверь, подъ предводительствомъ татарскихъ темниковъ и князей московскаго и суздальскаго. Александръ съ братьями обратились въ бѣгство, а города Тверь, Кашинъ, Торжокъ и многіе другіе были взяты и опустошены со всѣми пригородами и окрестными селеніями. Татары «положили пусту всю землю русскую», по выраженію лѣтописца. Уцѣлѣли только Москва, отчина Ивана Даниловича, да Новгородъ, давшій татарскимъ воеводамъ 2000 рублей серебра.

Добывъ такимъ образомъ великое княженіе (1328 г.), Иванъ Калита остался жить въ Москвѣ, которая и

стала съ тѣхъ поръ фактически столицей Руси. Владимиръ остался въ сторонѣ отъ главныхъ событій русской исторіи, и князья нѣкоторое время пріѣзжали въ него только для восшествія на великокняжескій престолъ.

Церковь Покрова на Керли. Владим. уѣзда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Общественное устройство въ сѣверо-восточной Руси во времена удѣльныхъ князей и татарскаго владычества. — Вліяніе татарскаго ига и татарскихъ погромовъ на жизнь, благосостояніе, просвѣщеніе и нравы русскихъ людей.—Участіе города Владимира въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ историческихъ событіяхъ.—Постепенное измѣненіе въ положеніи Владимира.—Его современное состояніе.

Намъ уже не разъ приходилось указывать на то, что переселеніе русскихъ изъ южной Кіевской Руси въ сѣверо-восточную, ихъ устройство на новыхъ мѣстахъ и при новыхъ условіяхъ способствовало образованію новаго жизненнаго уклада. Постепенно создавались иныя отношенія между людьми, опредѣлялась иная общественная жизнь. Въ иныхъ условіяхъ пришлось жить князьямъ въ сѣверо-восточной Руси, иначе

стали они относиться къ подчиненнымъ имъ и находящимся въ зависимости отъ нихъ людямъ. Всѣ эти перемѣны начались до прихода татаръ, развились и приняли болѣе опредѣленныя и законченныя формы послѣ разорительныхъ татарскихъ нашествій и при утвержденіи татарскаго ига надъ Русью.

Князья сѣверо-восточной Руси не переходили изъ одного княжества въ другое по старшинству, какъ дѣлали это князья кіевскіе. Они старались укрѣпить за собой то, которое досталось имъ по наслѣдству отъ отца, старались обогатить его и затѣмъ передать по наслѣдству сыну или кому либо другому по своему желанію. Богатый князь дѣлался и болѣе сильнымъ, пользуясь за деньги бо̀льшимъ вліяніемъ у хана. Такъ было съ московскимъ княземъ. Москва осталась въ сторонѣ отъ послѣднихъ татарскихъ погромовъ, въ нее сбѣжались разоренные тверичи и суздальцы, ея князь богатѣлъ и усиливался подъ покровительствомъ хана, княжество постепенно пріобрѣтало первенство и главенство въ сѣверо-восточной Руси.

Но и эти разбогатѣвшіе князья были бѣднѣе первыхъ русскихъ князей, которые были, вмѣстѣ съ тѣмъ, бродячими воинами и купцами. Русь обѣднѣла еще и отъ половецкихъ набѣговъ и была окончательно разорена татарами. Внѣшняя торговля ея упала, внутренняя почти перестала существовать. Обѣднѣвшіе князья ухватились за землю, которую обрабатывали руками бѣглецовъ, лишенныхъ крова и имущества. Такъ создалось положеніе, при которомъ земледѣліе стало играть главную роль въ странѣ, гдѣ почва и климатическія условія благопріятствовали его развитію несравненно меньше, чѣмъ на благодатномъ югѣ. Прежде половцы и печенѣги, а потомъ татары заняли

южныя степи и лѣсныя полосы, переселенцы сосредоточили свою жизнь и дѣятельность на сѣверо-востокѣ. На ряду съ земледѣліемъ, развивались здѣсь и древніе русскіе промыслы — рыболовство, бортничество и охота. Но пахари и земледѣльцы преобладали теперь надъ звѣроловами, рыболовами и бортниками.

Еще до татаръ многіе бѣглецы, разоренные половцами, приходили на чужую землю и нанимались къ землевладѣльцамъ, получая иногда плату за работу впередъ. Такіе земледѣльцы назывались наймитами или ролейными закупами. Татарское нашествіе, конечно, увеличило количество безземельныхъ, разоренныхъ людей, нанимавшихся въ работники къ сохранившимъ свое благосостояніе землевладѣльцамъ. Съ теченіемъ времени изъ такихъ полусвободныхъ земледѣльцевъ образовался особый классъ людей, получившій названіе крестьянъ. Крестьяне нанимались къ князьямъ, боярамъ, духовенству или тоже къ простымъ, но болѣе зажиточнымъ людямъ. За пользованіе землей и разными угодьями такіе крестьяне пахали землю своихъ хозяевъ, косили для нихъ, жали, рубили лѣсъ и даже строили имъ хоромы. Уплативъ полученную ссуду, крестьянинъ могъ уходить на другое мѣсто или обзаводиться своимъ хозяйствомъ. Но уходы работниковъ бывали подчасъ неудобны землевладѣльцамъ, потому современемъ свобода крестьянъ была ограничена въ этомъ отношеніи. Былъ установленъ только одинъ день въ году, когда крестьянинъ могъ уходить отъ своего хозяина. Это былъ день св. Юрія или Юрьевъ день.

Чѣмъ разорительнѣе были татарскіе набѣги, повторявшіеся при княжескихъ усобицахъ, тѣмъ многочисленнѣе дѣлался классъ безземельныхъ крестьянъ,

и тѣмъ больше вслѣдствіе того выгодъ давало землевладѣніе князьямъ, боярамъ и духовнымъ лицамъ. Князья запахивали все большее и большее пространство земли и дѣлались богатыми собственниками своихъ вотчинъ или княжествъ. Они оплачивали службу своихъ бояръ и дружинниковъ землями, такъ какъ денегъ въ казнѣ на уплату жалованья не хватало. Такимъ образомъ увеличивалось количество бояръ-землевладѣльцевъ. То же происходило и съ духовенствомъ. Прежняя десятая часть съ доходовъ, удѣляемая князьями на содержаніе духовенства, тоже замѣнилась теперь жалованьемъ земли. Такимъ образомъ скопились большія пространства земли въ рукахъ духовенства.

Вотчина удѣльнаго князя состояла изъ трехъ разрядовъ земель: земли дворцовыя, черныя и боярскія или, вообще, земли частныхъ владѣльцевъ. Доходы съ дворцовыхъ земель шли на содержаніе княжескаго дворца. Земли эти обрабатывались княжескими холопами или отдавались въ пользованіе крестьянамъ, обязаннымъ поставлять за это на дворецъ установленное количество хлѣба, сѣна, рыбы, подводъ и т. п. Съ черныхъ земель собирали оброкъ, онѣ назывались оброчными и сдавались отдѣльнымъ крестьянамъ или крестьянскимъ обществамъ. Частные землевладѣльцы служили за землю при дворѣ князя, а также несли и ратную службу. Въ оборонѣ города обязаны были принимать участіе всѣ, владѣвшіе землей въ уѣздѣ этого города.

Каждое удѣльное княжество дѣлилось на уѣзды съ центральнымъ городомъ, а уѣзды на волости. Для суда и управленія князья вручали уѣзды намѣстникамъ, а волости волостелямъ или тіунамъ. Намѣстники и тіуны дѣлили между собой судебныя дѣла,

которыя давали имъ доходъ. Важныя дѣла о душегубствѣ, разбоѣ или воровствѣ разбиралъ намѣстникъ во всемъ уѣздѣ. Онъ же вѣдалъ и мелкія дѣла и тяжбы въ ближайшихъ къ центральному городу мѣстностяхъ. Въ уѣздахъ такія мелкія тяжбы предоставлялись для разбирательства тіунамъ и волостелямъ. При намѣстникахъ и волостеляхъ состояли исполнительные чиновники—правстчики, доводчики, пристава, подвойскіе. Всѣ эти судьи и правители, крупные и мелкіе, заботились не столько о поддержаніи общественнаго порядка, сколько о разныхъ поборахъ въ пользу свою и своего князя. Самыя должности существовали скорѣе для кормленія княжескихъ слугъ, чѣмъ для заботы о нуждахъ общества. Чиновники брали за судъ съ населенія и деньгами и припасами, но судили небрежно и несправедливо.

Сами намѣстники и волостели подлежали суду князя или особо уполномоченныхъ на то бояръ, называвшихся боярами введенными. Въ управленіи личнымъ хозяйствомъ князя, его дворомъ, ему помогали бояре, завѣдывавшіе тѣми или другими отраслями хозяйства. Таковы были: дворскій, вѣдавшій всѣми княжескими пахотными землями и всѣмъ населеніемъ, работавшемъ на нихъ; затѣмъ путные бояре, въ вѣдѣніи которыхъ находились разныя угодья княжескихъ владѣній. Стольникъ управлялъ рыбными ловлями и рыболовами, ловчій — звѣриными «путиками» и звѣроловами, чашникъ — бортными угодьями и бортниками, конюшій,—вѣдавшій княжескія конюшни. Всѣ эти бояре были приближенными князя, съ ними онъ совѣщался какъ о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, такъ и о дѣлахъ всего княжества. Эти приближенные князя и составляли его совѣтъ или думу.

Татары не мѣшались во внутренніе распорядки русской жизни, они не только не затрагивали религіи русскихъ, но даже относились къ ней и къ духовенству съ уваженіемъ, и при всемъ этомъ ихъ близкое сосѣдство и владычество не могло пройти безъ вліянія на весь строй жизни Руси того времени. Не мѣшаясь въ распри князей между собою, они не отказывали, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ помощи, болѣе богатому, за деньги и пользовались каждымъ случаемъ поживиться отъ грабежа княжескихъ земель во время распрей. Ихъ грубые, дикіе нравы способствовали большему огрубѣнію нравовъ русскихъ, еще не окрѣпшихъ въ правилахъ христіанскаго ученія. Владимирскій епископъ Серапіонъ, жившій въ концѣ XIII вѣка, въ своихъ многочисленныхъ поученіяхъ обличаетъ народъ въ усиленіи языческихъ суевѣрій, и князей въ жестокости и отсутствіи братской любви. Звѣрскія казни, какъ выкалываніе глазъ, обрѣзываніе ушей, носа, рукъ, вошли въ обычай. Воровство и разбой развились повсемѣстно. Ивану Калитѣ лѣтописецъ ставитъ, между прочимъ, въ заслугу то, что онъ очистилъ свое княжество отъ татей (воровъ). На пирахъ зачастую происходили смертоубійственныя драки. Нельзя, конечно, всецѣло взваливать на татаръ это огрубѣніе нравовъ, очевидно, почва для воспріятія нѣкоторыхъ вліяній дикаго кочевого народа была слишкомъ благопріятна.

Въ своихъ обличительныхъ поученіяхъ епископъ Серапіонъ указываетъ даже на нѣкоторыя преимущества татаръ въ нравахъ и обычаяхъ по сравненію съ русскими. «Поганые,—говоритъ онъ,—хотя и не знаютъ закона Божія, однако не убиваютъ своихъ единовѣрцевъ, не грабятъ, не съѣдаютъ завистью, не возводятъ клеветы, не крадутъ, не запи-

раются въ чужомъ. Никто изъ поганыхъ не продастъ брата своего; а если кого изъ нихъ постигнетъ бѣда, то выкупятъ его и дадутъ на промыселъ; что находятъ, то въ торгу заявляютъ».

Конечно, какъ Серапіонъ, такъ и другіе поучители XIII и XIV вѣковъ видятъ въ порабощеніи русскаго народа и въ его несчастіяхъ кару Божію за его грѣхи и отступленіе отъ христіанскаго вѣроученія. «Вы все еще не перемѣнились,—говоритъ онъ своей паствѣ.— Какихъ только наказаній не приняли мы отъ Бога! Не плѣнена ли земля наша? Не взяты ли города наши? Не усѣяли ли наши отцы и братья трупами землю? Не уведены ли жены и дѣти наши въ плѣнъ? А кто остался въ живыхъ, не порабощены ли они на горькую работу отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже сорокъ лѣтъ продолжается это томленіе и мука!» «Села поросли сорною травой,—говоритъ онъ въ другомъ поученіи, — смирилось величіе наше, погибла красота наша. Богатство, трудъ, земля — все достояніе иноплеменныхъ. Сосѣдямъ нашимъ служимъ мы въ поношеніе и стали предметомъ смѣха для враговъ нашихъ».

Татары обирали Русь. Съ данью, или «выходомъ», какъ мѣтко назвалъ ее лѣтописецъ, уходили изъ Руси золото, серебро и драгоцѣнности. Русь нищала, глохли едва принявшіеся ростки культуры и просвѣщенія на этой почвѣ обнищанія и оскудѣнія. Храмы, на которые отдавала избытки своихъ богатствъ Русь дотатарская, а главное, Кіевская Русь первыхъ вѣковъ христіанства, были ограблены и разорены, новые не могли уже строиться съ прежней пышностью и великолѣпіемъ. Князья ушли въ заботы объ охраненіи остатковъ своего благосостоянія и о мелочномъ скопидомствѣ и мало думали о чтеніи книгъ и про-

свѣщеніи какъ своемъ, такъ и своего народа. Даже среди духовенства, въ этой колыбели образованія и книжности древней Руси, рѣдко встрѣчались теперь болѣе или менѣе просвѣщенныя лица. Все это умственное и духовное оскудѣніе русскаго общества въ тяжелое, темное время татарщины нѣсколько ослаблялось попадающими въ Русь лучами свѣта изъ другихъ странъ. Древніе источники просвѣщенія Византія, Болгарія и Сербія продолжали вліять на Русь. хотя и не въ прежней степени. Оттуда приходили разные сборники поученій и другія произведенія духовной литературы. Византія продолжала поставлять живописцевъ и зодчихъ для украшенія русскихъ храмовъ. Приливъ греческихъ и славянскихъ рукописей сталъ особенно сильнымъ съ конца XIV вѣка, когда ученые греки, болгары и сербы бѣжали изъ своей родины отъ турецкаго насилія. На почвѣ подражанія иностраннымъ образцамъ начала развиваться мало-помалу и своя русская литература. Появились житія святыхъ, поученія, историческія сказанія, описанія разныхъ странъ. Послѣднія составлялись со словъ странниковъ по чужимъ землямъ или ими самими. На ряду съ историческими сказаніями продолжались и лѣтописи въ разныхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Такъ, до нашего времени дошелъ «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго», а одинъ изъ епископовъ упоминаетъ въ своемъ «патерикѣ» о «лѣтописцѣ старомъ ростовскомъ». А съ XIV вѣка начинаютъ уже появляться попытки «великаго лѣтописанія», т. е. составленія общерусскаго лѣтописнаго свода. Затѣмъ, уже въ началѣ XV вѣка появился «Владимирскій Полихронъ», первый, вполнѣ законченный общерусскій лѣтописный сводъ, составленный въ канцеляріи митрополита изъ разныхъ сводовъ, мѣстныхъ лѣтопи-

сей, хронологическихъ сборниковъ, произведеній духовной литературы, грамотъ, посланій, юридическихъ актовъ и произведеній словесности.

До нашего времени дошелъ еще одинъ небольшой отрывокъ одного историческаго произведенія, напоминающаго отчасти по своему характеру литературный памятникъ XII вѣка «Слово о полку Игоревѣ». Какъ послѣднее повѣствовало о походѣ русскихъ князей на половцевъ, такъ первое разсказываетъ, о томъ, какъ случилось на Руси великое бѣдствіе татарскаго владычества. Были и еще такого рода произведенія, но они относятся уже къ послѣдующимъ временамъ, когда Москва была столицею Русскаго государства. Во Владимирѣ было, какъ предполагаютъ, составлено первое житіе Александра Невскаго, съ подробнымъ описаніемъ его погребенія.

Русскіе митрополиты продолжали еще жить въ оставленной княземъ столицѣ Владимирѣ. Даже близкій другъ Калиты Петръ переѣхалъ на жительство въ Москву только въ 1325 году, проживъ до того двадцать лѣтъ во Владимирѣ. Слѣдующій митрополитъ окончательно утвердилъ свое пребываніе въ Москвѣ, а затѣмъ была закрыта и владимирская епархія. Городъ Владимиръ былъ приписанъ къ области московскихъ митрополитовъ, потомъ находился въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода. Отнынѣ Владимиръ все больше и больше утрачиваетъ свое прежнее значеніе. Только во второй половинѣ XIV вѣка мелькнула еще разъ надежда у владимирскихъ патріотовъ на новое возрожденіе Владимира, какъ столицы. Одинъ изъ хановъ далъ великое княженіе суздальскому князю Дмитрію, помимо князя московскаго. Получивъ ярлыкъ, онъ съ торжествомъ въѣхалъ въ забытую столицу и обѣщалъ жителямъ вернуть ей прежнюю славу

и величіе. Онъ надѣялся перезвать туда и митрополита, но бывшій тогда въ этомъ санѣ Алексѣй, благословивъ его на княженіе, вернулся въ Москву, не желая нарушать завѣтъ предшественника своего Петра. Новгородцы, не любившіе властныхъ князей московскихъ, охотно приняли намѣстниковъ князя суздальскаго. Но московскіе бояре воспользовались распрями между ханами въ ордѣ, выхлопотали ярлыкъ для своего юнаго князя Дмитрія Ивановича (Донского), привели его съ войскомъ къ Владимиру, откуда изгнали Дмитрія суздальскаго. Московскій князь, исполнивъ въ старой столицѣ обрядъ вступленія на княжескій престолъ, вернулся въ Москву. Послѣ знаменитой Куликовской битвы, впервые пошатнувшей силу и могущество власти татаръ надъ Русью, сѣверо-восточныя княжества еще разъ подверглись опустошительному татарскому нашествію. Не миновалъ при этомъ разоренія и Владимиръ. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Дмитрій Донской призналъ великое княженіе Владимирское, съ его округомъ, наслѣдственнымъ достояніемъ московскихъ князей, отказавъ его своему старшему сыну Василію.

При этомъ московскомъ князѣ Владимиръ былъ лишенъ своего главнаго сокровища — чудотворной иконы Владимирской Божьей Матери. Это случилось во время нашествія татарскаго хана Тамерлана на Московское княжество (1395 г.). Московскій князь Василій Дмитріевичъ встрѣтилъ его съ войскомъ на берегу Оки. Желая воодушевить себя и войско въ битвѣ съ страшнымъ врагомъ, Василій послалъ въ Москву къ митрополиту Кипріану, чтобы онъ распорядился о принесеніи чудотворной иконы изъ Владимира въ Москву и отслужилъ молебенъ въ присутствіи гражданъ московскихъ о ниспосланіи побѣды русскому

воинству. По свидѣтельству лѣтописца, икона была вынесена изъ владимирскаго собора въ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы». Весь народъ, маліи и велиціи, юніи и старіи, мужи и жены и отроковицы и младенцы, ссущіе млеко, на рукахъ матерей своихъ, со слезами многими, далече шествіе творяще, не могуще отлучитися таковаго утѣшенія и заступленія и скорыя помощи и надежды». Дальше лѣтописецъ описываетъ торжественную встрѣчу иконы въ Москвѣ и чудо, которое произошло въ это самое время на полѣ битвы. Тамерланъ, спавшій въ своемъ шатрѣ, увидалъ во снѣ множество мужей въ блестящихъ одеждахъ, съ жезлами въ рукахъ, направляющихся къ нему съ горы, у подножія которой стоялъ онъ со своимъ войскомъ. Надъ воинствомъ этихъ мужей парила Дѣва, въ лучезарномъ сіяніи, окруженная сонмомъ ангеловъ съ пламенными мечами. Дѣва приказала Тамерлану оставить Русскую землю, въ противномъ случаѣ грозила ему страшнымъ наказаніемъ и обратила на него свое небесное воинство съ огненными мечами. Тамерланъ отступилъ со своимъ войскомъ, не начиная битвы.

Икона осталась въ Москвѣ къ великой скорби владимирцевъ. Желая утѣшить ихъ, князь прислалъ знаменитыхъ тогда русскихъ живописцевъ Даніила Иконникова и Андрея Рублева, приказавъ имъ возобновить фрески владимирскаго собора. На мѣсто унесеннаго въ Москву образа Богоматери въ соборѣ былъ поставленъ другой, точный снимокъ съ него, писанный митрополитомъ Петромъ. Такъ былъ украшенъ соборъ въ 1408 году, а черезъ четыре года онъ подвергался уже новой опасности опустошенія и разоренія. И снова злое дѣло не обошлось безъ помощи своихъ же братьевъ русскихъ. По наущенію нижегородскаго

князя, на Владимиръ внезапно напалъ ордынскій царевичъ Талычъ съ многочисленной ратью, проведенной лѣсами нижегородскимъ бояриномъ. Въ городѣ не было даже и намѣстника, такъ что онъ былъ вполнѣ беззащитенъ. Непріятели быстро овладѣли имъ, разграбили храмы и дома, истребили многихъ жителей. Главныя сокровища Успенскаго собора были спрятаны ключаремъ его Патрикіемъ, который не выдалъ мѣста храненія, несмотря на страшныя пытки враговъ, которые пробили ему, въ концѣ концовъ, ноги, продѣли въ нихъ веревку и такъ волочили его по улицамъ города, привязавъ къ конскому хвосту.

Послѣ этого разоренія какъ городъ, такъ и его соборъ долго оставались въ полномъ оскудѣніи, хотя во весь московскій періодъ нашей исторіи Владимиръ считался первопрестольнымъ городомъ, потому неоднократно посѣщался великими князьями и царями. Черезъ Владимирскую область проходила дорога въ царство Казанское. Иванъ Грозный не разъ посѣщалъ старую столицу, молился у гробницъ предковъ передъ покореніемъ Казани и былъ тамъ снова, возвращаясь съ побѣдоноснаго похода.

Въ XVII вѣкѣ Успенскій соборъ, по сообщеніямъ лѣтописи, былъ снова въ страшномъ запустѣніи, и даже птицы вили гнѣзда внутри его. Но и въ этомъ пренебреженіи, разсказываетъ лѣтописецъ, святые угодники, почивающіе въ соборѣ, не забывали своего стараго города. Однимъ изъ нихъ былъ спасенъ Владимиръ отъ разоренія литовцами въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго (1608 г.). Въ ночь, когда подступали враги къ городу, сторожа замѣтили необыкновенный свѣтъ въ храмѣ. Войдя въ соборъ, они увидѣли юношу въ княжескомъ одѣяніи у гробницы князя Глѣба. Во время совершенія молебна у гроб-

ницы, литовцы отступили отъ города, объятые внезапнымъ страхомъ.

Изъ сохранившихся описей XVII и начала XVIII вѣка видно, что Владимиръ былъ въ это время бѣднымъ и малолюднымъ городомъ. Онъ, какъ и въ древности, состоялъ изъ трехъ частей — Кремля, или печернаго города, земляного города и ветшанаго города. Со времени учрежденія губерній при Петрѣ I, Владимиръ, какъ незначительный городокъ, былъ приписанъ въ качествѣ провинціальнаго города къ Московской губерніи. Опустошительный пожаръ въ 1719 году еще больше обездолилъ Владимиръ и надолго задержалъ его развитіе. Только съ половины XVIII вѣка городъ началъ расширяться и улучшаться. Императрица Елизавета возстановила Владимирскую епархію и основала духовную семинарію. Екатерина II была во Владимирѣ на пути въ Казань. Она обратила вниманиманіе на мѣстные памятники старины и повелѣла возстановить благолѣпіе Успенскаго собора и укрѣпить Золотыя ворота, отпустивъ на это 15 тысячъ рублей изъ государственныхъ средствъ. Въ Успенскомъ соборѣ былъ поставленъ по ея повелѣнію новый роскошный иконостасъ. На мѣстѣ же, гдѣ она стояла во время молитвы, устроили балдахинъ надъ золоченымъ кресломъ, надъ которымъ была сдѣлана слѣдующая надпись:

«Россіянъ Мать, Казански страны посѣщая,
Екатерина имени сего вторая,
Пришла въ сей древній градъ,
Къ отрадѣ и утѣхѣ вѣрныхъ своихъ чадъ;
Бѣ жаромъ ревности къ Царю Царей пылала
Пришедъ въ Его сей домъ на этомъ мѣстѣ стала,
Чѣмъ вѣры истинной составила доводъ,
И какъ здѣсь спящихъ свято предковъ ея родъ,

Она молитвы къ Богу приносила,
Потомъ сей храмъ великолѣпно украсила;
Затѣмъ на мѣстѣ семъ созданъ сей монументъ,
Да вѣдаютъ о томъ потомки позднихъ лѣтъ».

Въ 1778 году, по указу этой императрицы, Владиміръ былъ сдѣланъ главнымъ городомъ Владимірскаго и Костромского намѣстничества и, наконецъ, въ въ 1796 году онъ сталъ губернскимъ городомъ Владимірской губерніи.

Теперешній Владиміръ ничѣмъ не отличается отъ большинства русскихъ провинціальныхъ городовъ, небольшихъ, не особенно людныхъ, и въ достаточной степени сохранившихъ свой патріархальный характеръ. Будучи центромъ промышленной губерніи, Владиміръ не является промышленнымъ торговымъ городомъ, въ немъ нѣтъ ни большихъ фабрикъ, ни заводовъ. Съ давнихъ временъ жители занимались садоводствомъ, главнымъ образомъ разведеніемъ вишенъ, и огородничествомъ. Послѣднее всегда особенно процвѣтало. Капуста, огурцы, морковь, свекла, картофель цѣлыми вагонами отправляются въ Москву и другіе города. Торговля въ городѣ незначительная, многіе предметы привозятся изъ Москвы. Не отличается Владиміръ и многочисленностью учебныхъ заведеній. Въ немъ имѣется только одна мужская гимназія, двѣ женскихъ, реальное училище и духовная семинарія. Изъ новыхъ зданій красивы музей и городская дума, выстроенныя въ русскомъ стилѣ.

Общимъ внѣшнимъ видомъ своимъ Владиміръ производитъ пріятное и мирно успокаивающее впечатлѣніе. Съ живописной непринужденностью раскинулся онъ по берегу маленькой, сонной Клязьмы. Красиво высятся его старые соборы на холмахъ, опоясанныхъ у подошвы лентой рельсоваго пути. Задумчиво

смотрятъ они черезъ бѣлыя стѣны Кремля вдаль, на зеленые, заклязьменскіе луга. Страннымъ и чуждымъ настоящему обрывкомъ чего-то цѣльнаго въ древности являются Золотыя ворота, съ ихъ тупыми круглыми башнями, среди большихъ каменныхъ зданій современной архитектуры, на главной улицѣ города. Съ лѣнивой граціей расположились на мягкихъ изгибахъ холмовъ и валовъ сады и огороды, на зеленомъ фонѣ которыхъ рельефно выдѣляются тамъ и сямъ причудливыя очертанія старыхъ церквей. Старое, уже отжившее или еще отживающее, гармонично переплетается вездѣ съ новымъ, съ почтительной снисходительностью охраняющимъ его права на существованіе.

Владимиръ. Городская дума.

